

ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ



РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СТРАНЫ «ПОЯСА СОСЕДСТВА» РОССИИ:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ И ВОПРОСЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА
(ПАМЯТИ С.П. ГЛИНКИНОЙ)

Москва
2024

УДК 327; 330; 338; 338.2
ББК 65.02; 65.5; 65.9; 65.9(2 Рос); 66.4
С 83

Рецензенты:

А.Д. Некителов, д.э.н., профессор, академик РАН
Г.В. Тимофеева, д.э.н., профессор

С 83 **Страны «пояса соседства» России: модели развития и вопросы сотрудничества:**
Сборник статей / Отв. ред.: Л.Б. Вардомский, М.О. Тураева, Н.В. Куликова. — М.: ИЭ РАН,
2024. — 280 с.

ISBN 978-5-9940-0727-3

Сборник научных трудов посвящен памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации — Светланы Павловны Глинкиной. Профессор С.П. Глинкина оставила большое научное наследие, связанное с изучением трансформаций постсоциалистического мира. Ее активная научная деятельность совпала со временем этих изменений, очевидцем и глубоким аналитиком которых она стала. На основе научных подходов С.П. Глинкиной авторский коллектив сборника проводит анализ текущего состояния и перспектив развития экономики и интеграции в странах российского «пояса соседства». Сборник рассчитан на широкую аудиторию читателей, интересующихся моделями развития постсоциалистических стран, а также проблематикой сотрудничества между этими государствами.

Ключевые слова: Глинкина С.П., постсоциалистические трансформации, модели развития, постсоветское пространство, геополитика, Россия, пояс соседства, СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ЕС.
Классификация JEL: B3; B4; B5; E2; E6; F02; F1; F2; F3; F5; F6; N4; O5; P2; P3; P5.

Countries of the Russia's «neighborhood belt»: development models and issues of cooperation (in memory of Svetlana P. Glinkina): Collection of research papers / Edited by L.B. Vardomskiy, M.O. Turayeva, N.V. Kulikova. — M.: Institute of Economics RAS, 2024. — 280 с.

ISBN 978-5-9940-0727-3

The collection of research papers is dedicated to the memory of Svetlana Pavlovna Glinkina — Honored Scientist of the Russian Federation. Professor Svetlana P. Glinkina left a large scientific legacy related to the study of the post-socialist world's transformations. Her active scientific activity coincided with the time of these changes, and she became its eyewitness and deep analyst. Based on the scientific approaches of Svetlana P. Glinkina's the authors analyze the current state and prospects for economic development and integration in the countries of the Russian «neighborhood belt». The papers collection intended for a wide audience of readers, who interests of development models of post-socialist countries, as well as of issues of cooperation between these states.

Keywords: Svetlana Glinkina, Post-Socialist Transformations, Development Models, Post-Soviet space, Geopolitics, Russia, Neighborhood Belt, CIS, EAEU, SCO, BRICS, EU.
JEL Classification: B3; B4; B5; E2; E6; F02; F1; F2; F3; F5; F6; N4; O5; P2; P3; P5.

ББК 65.02; 65.5; 65.9; 65.9(2 Рос); 66.4

© Институт экономики РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Вардомский Л.Б., Тураева М.О., Яковлев А.А.	
Предисловие	8
Вардомский Л.Б.	
Ученый и время перемен: о роли С.П. Глинкиной в научных проектах Института экономики РАН	11
ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РАБОТАХ С.П. ГЛИНКИНОЙ	
Глинкина С.П.	
Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций (2008 г.)	30
Глинкина С.П.	
Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества в рамках СНГ (2015 г.)	56
ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Князев Ю.К.	
Страны ЦВЕ: от евроатлантической интеграции к самоизоляции от России	80
Куликова Н.В., Сеницина И.С.	
Страны Центрально-Восточной Европы: от социализма к «зависимому капитализму» и до кризиса в отношениях с Россией	107
Фрумкин Б.Е.	
Адаптация стран ЦВЕ к общей сельскохозяйственной политике Евросоюза: новый этап	126
Волотов О.Г., Волотов С.О.	
Венгрия: борьба за суверенитет спустя 20 лет членства в Евросоюзе	146
ЕВРАЗИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Вардомский Л.Б.	
Геополитика и регионализация на постсоветском пространстве	166

Шмелев Б.А., Мухина Я.Б.	
Правовые основы образования Содружества Независимых Государств	191
Хейфец Б.А.	
Новые тренды в развитии БРИКС.....	208
Дадабаева З.А.	
Потенциал и точки роста Шанхайской организации сотрудничества в современных реалиях	229
Тураева М.О., Яковлев А.А.	
Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество в новых условиях	243
Полозков М.Г.	
Внедрение цифровой валюты в трансграничных платежах.....	258
Чмырева В.А.	
Турецкий фактор в геополитике постсоветского пространства	264

*Светлой памяти
Светланы Павловны Глинкиной,
заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора экономических наук, профессора*



ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Настоящий сборник научных трудов посвящен памяти и научному наследию заслуженного деятеля науки Российской Федерации Светланы Павловны Глинкиной, доктора экономических наук, профессора. Тема крупномасштабных социально-экономических и политических изменений конца XX – начала XXI в., особое место среди которых заняли постсоциалистические трансформации, затронувшие почти три десятка стран, находилась в непосредственном фокусе научных интересов профессора С.П. Глинкиной, и большой вклад в развитие данного направления принадлежит именно ей.

Нужно отметить, что период конца 1980-х – начала 1990-х годов ознаменовался тектоническими изменениями мировой геополитической карты, обусловленными крахом социалистической системы и связанного с ним развалом биполярного мироустройства. В этот период динамично шла глобализация мировой экономики, выстраиваемая под интересы развитой части мира, бурно шел европейский интеграционный процесс. На смену трансформаций, произошедших в 1990-е годы, в 2000-х и 2010-х годах наступили новые драматичные процессы, которые проистекали из изменившейся структуры международных отношений. В мировой экономике появились новые лидеры, среди развивающихся стран стал расти спрос на более справедливые экономические отношения с развитыми странами, проамериканская глобализация забуксовала, экономически и политически окрепла Россия и другие постсоветские страны, а пространство, занимаемое этими странами, стало ареной не только евразийских интеграционных процессов, но и обострения коренных противоречий в интересах РФ и стран Запада.

Активная научная деятельность Светланы Павловны пришлось на время этих грандиозных преобразований, глубоким

аналитиком которых она стала. Она была погружена в исследование процессов рыночной трансформации, интеграции, соперничества разных моделей развития, влияния геополитики на внешнеэкономические связи. Светлана Павловна стала разработчиком оригинальной методологии многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающей изучение взаимовлияния изменений на национальном, региональном и глобальном уровнях. Рассмотрение этих процессов во взаимосвязи позволило ей делать прогнозные оценки развития ситуации, которые во многом совпадали с ходом последующих экономических и политических событий.

С 1999 по 2005 г. С.П. Глинкина работала заместителем директора Института международных экономических и политических исследований, а с 2005 г. — Института экономики РАН¹. С 2015 г. по 2019 г. являлась научным руководителем Направления международных экономических и политических исследований института (*подробнее об этом в главе: «Ученый и время перемен: о роли С.П. Глинкиной в научных проектах Института экономики РАН»*).

Светлана Павловна также сыграла огромную роль в развитии Московской школы экономики (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова² (МШЭ МГУ). С 2008 по 2019 г. она возглавляла кафедру общей экономической теории³. Большое внимание на кафедре уделяли подбору профессорско-преподавательского состава, стараясь привлечь к чтению лекций лучших российских и зарубежных специалистов⁴. Курсы лекций по теории переходных экономических процессов и междуна-

-
1. После слияния ИМЭПИ и ИЭ РАН.
 2. МШЭ МГУ была создана в 2004 г. под руководством академика РАН А.Д. Некипелова, с которым Светлана Павловна работала вместе с 1977 г., сначала в Институте мировой социалистической системы, затем в Институте международных экономических и политических исследований.
 3. В руководстве кафедрой у Светланы Павловны сложился эффективный тандем с М.Ю. Головинным, ныне членом-корреспондентом РАН, директором Института экономики РАН.
 4. Среди них: академики РАН А.Г. Аганбегян, В.В. Ивантер, В.М. Полтерович; члены-корреспонденты РАН Р.С. Гринберг, Г.Б. Клейнер, А.В. Кузнецов, А.А. Широв; иностранные члены РАН Джэймс Гэлбрейт, Гжегож Колодко, Жак Сапир; профессора О.А. Александрова, О.Б. Брагинский, Л.Б. Вардомский, А.П. Киреев, О.В. Кузнецова, А.Г. Коровкин, С.М. Никоноров, А.Я. Рубинштейн, В.И. Тымчик, Т.В. Чубарова, С.Я. Чернавский, Ю.А. Щербанин и др.

родной экономической интеграции, которые читала Светлана Павловна, были одними из самых горячо любимых студентами. На протяжении многих лет С.П. Глинкина была одним из академических руководителей магистерской программы «Экономическая теория и проблемы современной России»⁵. Ежегодно под ее научным руководством блестяще защищали выпускные квалификационные работы выпускники бакалавриата и магистратуры. Трудно переоценить вклад профессора Глинкиной в развитие научной деятельности МШЭ МГУ, при ее непосредственном участии на факультете на высочайшем уровне проходило большое количество международных конференций и научных семинаров. За время своей работы в МШЭ МГУ Светлане Павловне удалось сформировать свою научную школу, занимающуюся страновыми исследованиями. Своих учеников – студентов и аспирантов МШЭ МГУ она настойчиво вовлекала в исследовательскую работу, активно помогала молодым сотрудникам кафедры повышать их квалификацию, защищать кандидатские и докторские диссертации⁶.

Из-за преждевременного ухода из жизни Светлана Павловна не смогла претворить многие задуманные ею научные идеи, однако она оставила нам значительное научное наследие. В представленном сборнике, посвященном памяти С.П. Глинкиной и ее наследию, авторский коллектив на основе и в развитие научных подходов Светланы Павловны проводит анализ текущего состояния и перспектив развития экономики и интеграции в странах российского пояса соседства.

*Вардомский Л.Б.,
Тураева М.О.,
Яковлев А.А.*

-
5. Совместно с академиком РАН В.М. Полтеровичем и академиком НАН РА С.А. Айвазяном.
 6. Под ее с А.Д. Некипеловым руководством защитил кандидатскую диссертацию А.А. Яковлев, ныне заместитель директора по учебной и научной работе МШЭ МГУ, работающий также с 2014 г. в ИЭ РАН.

Л.Б. Вардомский

УЧЕНЫЙ И ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН:
О РОЛИ С.П. ГЛИНКИНОЙ В НАУЧНЫХ ПРОЕКТАХ
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН

Основные вехи пути в науке

Светлана Глинкина появилась на свет в конце 1954 г. в древнем городе Новгороде в семье служащих¹. И город рождения, и семья сыграли, на наш взгляд, важную роль в ее судьбе и в ее становлении как крупного ученого-международника. Исторически возвышение Великого Новгорода неразрывно связано с его ролью ведущего центра международных отношений древнерусского государства и «гений» этого места создавал людей, способных ставить и решать большие задачи.

В 1972 г. Светлана Павловна с золотой медалью окончила новгородскую школу №2 и поступила в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР на факультет международной журналистики. Согласитесь, поступить в такой престижный и полузакрытый для широкой молодежной массы ВУЗ – дорогого стоит. Светлана в начале своей жизненной карьеры оказалась готова взять этот сверхвысокий для большинства молодых людей барьер. В 1977 г. она с отличием окончила МГИМО, получив специальность журналиста-международника и став одним из немногих в СССР квалифицированных специалистов по Венгрии.

1. Отец Светланы Павловны – Павел Михайлович Иудин с 1959 по 1984 г. был генеральным директором Новгородского производственного объединения «Волна».

Поступив в аспирантуру Института мировой социалистической системы АН СССР в 1977 г., Светлана Павловна связала свою дальнейшую жизнь с академической наукой. В 1981 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Использование кооперативной формы хозяйства в промышленности, сфере услуг и строительстве на современном этапе развития социалистического общества в ВНР». Ее научным руководителем был известный ученый К.И. Микульский.

По окончании диссертационных дел началась трудовая деятельность. С.П. Глинкина прошла путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ, 1999–2005 гг.). В 1998 г. защитила докторскую диссертацию «Формирование частного сектора в постсоциалистических странах Центрально-Восточной Европы».

После слияния ИМЭПИ и Института экономики (ИЭ) РАН в 2005 г. С.П. Глинкина работала заместителем директора ИЭ РАН. С 2015 г. по 2019 г. являлась научным руководителем Направления международных экономических и политических исследований (МЭПИ) ИЭ РАН.

Следует также отметить, что С.П. Глинкина работала в Московской школе экономики МГУ с момента ее основания в 2004 г., а с 2008 по 2019 г. возглавляла кафедру общей экономической теории (подробнее об этом в *Предисловии* к настоящему сборнику).

Научные интересы Светланы Павловны были весьма обширны. Она начала с исследования малых форм хозяйственной деятельности в постсоциалистических странах, затем освоила весьма сложную и рискованную тему «теневой экономики» и коррупции, заслужив этим немалый авторитет в зарубежных и отечественных научных кругах. Позднее С.П. Глинкина увлеклась вопросами рыночной трансформации в постсоциалистических государствах, тем более что пришло время осмыслить, к чему привела эта трансформация и какие модели капитализма были реализованы в рассматриваемых странах. Этим вопросам был посвящен ряд крупных

работ, имевших немалый научный резонанс. Исследования велись в тесной увязке с ходом интеграционных процессов и результатами структурной модернизации национальных экономик. В 2010-х годах Светлана Павловна уделяла также большое внимание исследованию геополитических факторов евразийской интеграции и роли Китая в развитии стран ЦВЕ и постсоветских стран. Ее разнообразные научные интересы объединяло то, что они были привязаны к странам – соседям России, которые в быстро меняющихся геополитических условиях играли особую роль как в экономическом развитии, так и безопасности нашего государства. Эти страны получили название «Российский пояс соседства».

Профессор С.П. Глинкина была приверженцем коллективных исследований. Она была одновременно и руководителем, и соисполнителем научных работ разного формата. В рамках создаваемых ею научных коллективов шло активное обсуждение хода исследований, определялись наиболее интересные подходы и делались содержательные выводы. На этой основе выходили в свет интересные доклады и монографии.

Широкий научный кругозор, педагогические и организаторские способности органично дополняли друг друга, что шло на пользу ее научным интересам и увлечениям. Все это положительно сказывалось на исследовательской деятельности Направления МЭПИ ИЭ РАН, что можно проследить по результатам его работы.

От трансформации к моделям капитализма

В 1990-е годы перед ИМЭПИ РАН стояла задача исследования системной трансформации бывших социалистических государств. Эмпирическую основу проводившихся исследований составляло изучение социально-экономического развития постсоциалистических стран и интеграционных процессов, в которые они были вовлечены. На этой основе анализировались взаимосвязанные вопросы их политической, социальной и экономической трансформации, модернизации, региона-

лизации и глобализации. В организации этих исследований ведущую роль сыграла С.П. Глинкина. Итоги исследований наиболее полно и комплексно были отражены в трехтомнике «Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформации в конце XX – начале XXI века», вышедшем под редакцией А.Д. Некипелова, С.П. Глинкиной и И.И. Орлика в 2000 и 2002 г. в издательстве «Наука».

Важные теоретические обобщения процесса трансформации были сделаны С.П. Глинкиной в докладе «Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций», где она обосновала необходимость анализа посткоммунистических трансформаций на национальном, региональном (в рамках региональных интеграций) и глобальном уровнях².

В исследованиях института понятие «трансформация» использовалось в более широком контексте, нежели переход от плановой к рыночной экономике через заимствованные институты, поскольку институциональная трансформация сочеталась с кардинальными геополитическими и структурными преобразованиями. Переход к рыночным институтам вызвал смену ориентиров развития, изменение в идентичности во всех странах, принципиальную перестройку внешней и внутренней политик, внешнеэкономических связей³. В этом контексте трансформация отражает глубинные преобразования рассматриваемых стран и занимаемых ими регионов. В отличие от изменений или преобразований, которые всегда сопровождают развитие, трансформация предполагает радикальный их характер. Исследование трансформации в ИМЭПИ и направления МЭПИ ИЭ велось также в разрезе финансово-банковской сферы, малого предпринимательства, транспорта, социаль-

2. Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций / Научные доклады ИЭ РАН. М., 2008.

3. Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта. Часть II. Методологические подходы к анализу трансформации постсоветского пространства / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 176–403.

ной сферы, были выпущены сборники статей и доклады, посвященные преобразованиям на транспорте и в социальной сфере постсоветского пространства⁴.

Постсоветские страны испытали значительно больший по масштабам и более продолжительный, чем страны ЦВЕ, спад экономики, поскольку рыночная трансформация накладывалась на крайнюю форму геополитической трансформации, вызванную распадом СССР, формированием новой государственности и резко возросшими барьерами на пути взаимных товарных и денежных потоков из-за новых таможенных границ, распада «рублевой зоны» и громадной инфляции⁵, а также из-за типа моделей реформирования и того, как они реализовывались⁶.

Экономический рост у большинства стран ЦВЕ начался в середине 1990-х годов, а у постсоветских стран на 5–7 лет позже. Этот рост носил в основном восстановительный характер на базе сохранившихся производственных активов с элементами модернизации — т. е. появления конкурентоспособных производств, возникавших уже в новой экономической и политической реальности. Несмотря на то что в странах ЦВЕ вклад модернизационной составляющей в экономический рост был выше, чем в постсоветских странах, модернизация во всех рассматриваемых странах шла

-
4. Социальные факторы постсоветской интеграции / Ред. Т.В. Соколова. М.: ИЭ РАН, 2010; Транспорт и связь в новых независимых государствах: особенности и факторы развития / Ред. Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2013; *Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов / Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2018.
 5. 10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды. Материалы международной конференции. Москва 30–31 марта 2000 г. / Ред. А.Д. Некипелов. М.: ИМЭПИ РАН, 2001. С. 146–147.
 6. *Кузьмина Е.М.* Адаптация экономик Центральной Азии к геополитическим вызовам современности. Международные экономические и политические исследования. М.: ИЭ РАН, 2010; Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. Научные доклады Института экономики РАН / Ред. Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2012; Социально-экономическое развитие постсоветских стран: итоги двадцатилетия. М.: ИЭ РАН, 2012; Постсоциалистический мир: итоги трансформации. Постсоветские государства. Т. 2 / Ред. Л.Б. Вардомский. Институт экономики РАН. СПб.: Алетейя, 2017.

в основном по адаптивному типу или на основе заимствованных в более развитых странах технологий⁷.

В постсоветских странах модернизация 1990–2000-х годов носила очаговый характер, поскольку национальный инновационный потенциал был в ходе рыночного транзита в большой степени разрушен, а пришедший в страны иностранный капитал ориентировался преимущественно на сырьевые ресурсы и сравнительно дешевые трудовые ресурсы и их приток укрепляли сырьевую специализацию и зависимый характер экономики новых государств⁸.

Системная и структурная трансформация в странах ЦВЕ была завершена с их вступлением в ЕС. В этих странах возникли новые производства в интересах зарубежного капитала путем создания отдельных, технологически сравнительно простых звеньев трансграничных цепочек добавленной стоимости⁹.

К концу 2010-х годов преобразование институтов и экономик большинства стран перешло в эволюционную стадию. О трансформации можно говорить в отношении отдельных стран, стремящихся вступить в ЕС, и отдельных секторов экономики, определяющих ход новой промышленной революции, связанных, например, с переходом к цифровой трансформации или «зеленой» энергетике и декарбонизации. Важным новым фактором трансформации стран ЦВЕ в результате государственного переворота на Украине и последующих геополитических событий становятся антироссийские санкции, которые приводят к свертыванию связей с Россией в условиях, когда подъемная сила европейской интеграции оказывается исчерпанной.

-
7. Модернизация в странах российского пояса соседства. Структурный и технологический аспекты / Ред. С.П. Глинкина. Институт экономики РАН. М.–СПб: Нестор-История, 2012.
 8. Постсоветское пространство в глобализирующемся мире: проблемы модернизации / Ред. Л.З. Зевин. ОМЭПИ ИЭ РАН. СПб: Алетейя, 2008.
 9. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Сеницина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 20–41.

Для постсоветских стран трансформационный период еще не закончился. Не все страны прошли в полном объеме переход к рынку. На Украине происходили глубокие структурные изменения в экономике под влиянием ассоциации с ЕС и внутреннего конфликта. А сейчас на это сильно влияет включение по итогам референдумов ряда восточных областей Украины в состав России. Продолжаются этнополитические конфликты на Южном Кавказе и в Центральной Азии.

Со временем, по мере изменения ситуации и под влиянием накопленного эмпирического материала, возникла потребность оценить итоги произошедшей трансформации и их эффекты. В 2013 и 2015 г. С.П. Глинкина и Н.В. Куликова написали несколько статей на эту тему¹⁰, а в 2016 г. Светлана Павловна опубликовала доклад «К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации»¹¹. В этой работе она подробно рассмотрела некоторые методологические подходы к анализу разнообразия моделей современного капитализма и на основе исследования результатов рыночных трансформаций сделала вывод о возникновении на постсоциалистической почве не свойственных для развитых западных государств моделей капитализма. Речь идет о государственном, клановом, зависимом или периферийном капитализмах, для которых характерны альтернативные экономические механизмы координации, тесно связанные с относительно стабильным набором комплементарных институтов, обеспечивающих странам специфические сравнительные преимущества. Светлану Павловну особенно беспокоила институциональная гибридность экономических

10. Глинкина С.П., Куликова Н.В. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3; Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4; Глинкина С.П., Куликова Н.В. Евроинтеграционная модель постсоциалистической трансформации стран Центрально-Восточной Европы и их экономическая динамика // Российский экономический журнал. 2016. № 4.

11. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016.

систем в России и других странах СНГ, которая порождала многочисленные дисфункции управления, усложняла проведение структурных реформ и модернизацию экономики.

В своих работах она доказывала, что внедренные модели капитализма в рассматриваемых странах стали результатом рыночных и геополитических трансформаций, они весьма индивидуальны и отражают специфику внутренних и внешних условий, в которых они реализуются. Трансформационные «волны», возникшие в 1990-е годы, могут проявляться довольно долго в связи с деиндустриализацией, ростом социального неравенства, меняющимся миропорядком и усилением влияния геополитических факторов на экономическое развитие.

Исследование региональных интеграций в условиях нарастающих геополитических противоречий

Трансформация стран ЦВЕ и СНГ неразрывно связана с ходом их вовлеченности в интеграционные процессы, исследование которых являлось другим важным направлением исследований ИМЭПИ и Направления МЭПИ ИЭ, поскольку они были неразрывно связаны с трансформацией. Но условия европейской и евразийской интеграции сильно различались.

Страны ЦВЕ вскоре после распада СЭВ стали институционально включаться в европейскую интеграцию, которая становилась все более мощным фактором структурных и технологических трансформаций национальных экономик. В исследованиях этих стран речь шла о вопросах их адаптации к требованиям европейской интеграции, ее издержках и преимуществах¹². Трансформация данных стран происходила через их вхождение в европейскую экономику, построенную на либеральных принципах, и одновременно в условиях

12. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост. М: ИЭ РАН, 2014.

растущей власти наднациональных органов управления европейской интеграцией¹³.

Трансформация постсоциалистических стран шла на фоне процессов дезинтеграции, происходивших на пространстве бывшего СССР. У постсоветских стран продолжительное время не было четкого понимания, как относиться к реинтеграции в условиях становления государственного суверенитета и дивергенции государственных институтов. Распад сложившихся в советское время взаимных связей обернулся громадными экономическими потерями. Происходившая трансформация и формирование государственности блокировали интеграционные инициативы¹⁴.

В 1990-е годы государства СНГ стремились усилить кооперацию с ЕС. Одновременно в этот период предлагалось немало интеграционных проектов в рамках СНГ и на субрегиональном уровне: Экономический союз, «Рублевая зона», Таможенный союз, союзное государство РФ и РБ, ГУУАМ, Организация центральноазиатского сотрудничества. В появлении большинства из них важную роль играли политические мотивы. В силу этого в центре внимания проводившихся исследований были как анализ выдвигающихся интеграционных проектов, так и объяснения причин невозможности либо трудности их осуществления.

Итоги исследований в 1990-е годы были подведены в докладе «Содружество Независимых Государств: состояние и перспективы развития», подготовленном Р.С. Гринбергом, Л.З. Зевиным, Л.С. Косиковой и А.В. Шурубовичем и опубликованном в материалах конференции, посвященной 10-летию СНГ (30–31 марта 2000 г.)¹⁵, а также в докладе А.В. Шуру-

13. Куликова Н.В., Синицина И.С. Национальные и наднациональные компетенции в процессе расширения Европейского союза на восток // Опыт наднационального регулирования в региональных интеграционных группировках / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2015.

14. Косикова Л.С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика: Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 9–30.

15. 10 лет Содружества Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды. Материалы международной конференции. Москва 30–31 марта 2000 г. / Ред. А.Д. Некипелов. М.: ИМЭПИ РАН, 2001. С. 5–24.

бовича «Некоторые теоретические аспекты экономического взаимодействия стран СНГ»¹⁶.

Поиск формулы интеграции, которая могла бы противодействовать дезинтеграционным процессам в условиях формирования национального суверенитета и структурной трансформации, оказался непростым делом. По меткой оценке Л.С. Косиковой, история постсоветской интеграции в этот период выглядит как череда нереализованных проектов. Тем не менее, после завершения активной фазы системной трансформации и больших экономических потерь постсоветские страны стали лучше понимать значимость интеграционного сотрудничества. Однако заявлявшиеся цели «создания единых экономических пространств» не подкреплялись потребностями национальных экономик, претерпевших технологическую и структурную деградацию, в глубоких формах регионального сотрудничества, а институциональная дивергенция и текущие хозяйственные противоречия опускали высокие интеграционные цели до наиболее приемлемой ступени для всех стран: двусторонних зон свободной торговли с изъятиями и ограничениями¹⁷.

Второй этап, который в нашем представлении начинается с момента перехода к экономическому росту в конце 1990-х годов, был наполнен усилиями по активизации интеграции постсоветского пространства, что было своего рода ответной реакцией на расширение ЕС и НАТО на восток. Движение на восток стало главной идеей развития этих ведущих евроатлантических организаций, в то же время Россия стремилась путем активизации интеграционных усилий противостоять данному тренду. В конце 1999 г. было создано Союзное государство Белоруссии и России.

В начале 2003 г. было объявлено о создании Единого экономического пространства в составе Белоруссии, Казахстана,

16. Шурубович А.В. Некоторые теоретические аспекты экономического взаимодействия стран СНГ. Научный доклад. ИМЭПИ РАН. М.: Эпикон, 2000. С. 25–52.

17. Вардомский Л.Б. Регионализация постсоветского пространства: факторы, особенности, тенденции: Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 12.

России и Украины, но смена власти на Украине в результате «оранжевой революции» похоронила этот проект. В 2006 г. Россия и Казахстан в рамках ЕврАзЭС учредили Евразийский банк развития, к которому в дальнейшем присоединились другие страны Сообщества и Армения¹⁸. В октябре 2007 г. Белоруссия, Казахстан и Россия подписали Соглашение о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. В 2009 г. был учрежден Антикризисный фонд ЕврАзЭС.

Одновременно предпринимались попытки активизировать СНГ, деятельность которого сопровождалось принятием множества соглашений и программ, которые страны-подписанты не были в состоянии выполнять. В 2009 г., через 15 лет после первой попытки, началась работа по созданию многосторонней зоны свободной торговли в рамках СНГ, которая начала действовать в 2012 г.

Бурные события 2000-х годов вызвали активизацию научных исследований по интеграционной проблематике. Исследование интеграции велось по широкому числу направлений. В частности, в материалах круглого стола «К каким альянсам ведет цивилизованный развод», проведенного в 2007 г., анализировалась деятельность СНГ, его сильные и слабые стороны, возможные перспективы дальнейшего развития¹⁹. Важным моментом в изучении интеграции на постсоветском пространстве стала монография Б.А. Хейфеца и А.М. Либмана «Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства»²⁰. Большое внимание постсоветской интеграции и ее перспективам в контексте

18. Уместно упомянуть, что в разработке модели банка принимали участие сотрудники Центра проблем интеграции А. Абалкина, М. Головин и А. Либман. Описанию модели был посвящен специальный доклад «Модель построения многостороннего банка развития на постсоветском пространстве (с учетом мирового опыта)». ЦПИ ИЭ РАН. М., 2006.

19. «К каким альянсам ведет “цивилизованный развод”». Материалы круглого стола. 25 января 2007 г. Международные экономические и политические исследования. Ред. Б.А. Хейфец. М.: ИЭ РАН, 2007.

20. Хейфец Б.А., Либман А.М. Корпоративная интеграция. Альтернатива для постсоветского пространства. М.: URSS, 2007.

мировых экономических процессов уделяли О.Т. Богомолов и Л.З. Зевин²¹.

Особое внимание в этот период уделялось и финансовым аспектам интеграции, исследование которых вели А.А. Абалкина и М.Ю. Головнин²². Тогда же был проведен цикл исследований, посвященных оценке экономических эффектов интеграции. Среди них выделяется доклад Д.И. Ушкаловой и М.Ю. Головнина «Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции»²³.

В период 2000–2006 гг. в рамках Направления МЭПИ Центром стран СНГ и Балтии выпускались сборники статей под общим названием «Проблемы постсоветских стран». Всего было подготовлено 8 таких сборников. Одновременно с 2004 по 2008 г. Центр проблем интеграции и глобализации на регулярной основе выпускал информационно-аналитические бюллетени. В них анализировались интеграционные процессы в региональном и глобальном измерении. Важным результатом исследований по данной проблематике стала защита А.М. Либманом в 2010 г. докторской диссертации на тему «Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт». Сделанные им выводы об отказе от попыток создания «евразийского ЕС» в пользу более гибкого «открытого регионализма», ориентации на проекты и функциональное взаимодействие, поиск оптимального формата взаимодействия с СНГ — были отчасти реализованы в проекте ЕАЭС и не потеряли актуальности²⁴.

Важным направлением исследования интеграционных процессов была оценка их взаимного влияния. Активизация постсоветской интеграции и ЕС и НАТО рассматривалась как

-
21. Зевин Л.З. Экономические структуры разного уровня в глобальных процессах: особенности взаимодействия: Научный доклад, ИМЭПИ РАН. М.: Эпикон, 2003; Зевин Л.З. Постсоветское пространство: региональная составляющая экономического роста: Научные доклады Института экономики. М.: ИЭ РАН, 2009.
 22. Взаимодействие финансовых систем стран СНГ / Ред. М.Ю. Головнин. СПб.: Алетейя, 2010.
 23. Ушкалова Д.И., Головнин М.Ю. Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции: Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2011.
 24. Либман А.М. Модели экономической интеграции: мировой и постсоветский опыт. Автореферат дис. д-ра экон. наук. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 34–38.

стремление России воссоздать СССР. В ответ ЕС в 2003 г. принял новую политику соседства и методов распространения благ расширения ЕС на соседние страны. Практическим инструментом этой политики стало «Восточное партнерство», участниками которого стали Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина. По сути новая восточная политика ЕС была нацелена на сближение стран западного фланга СНГ с ЕС и НАТО. В геополитическом плане она отражала стремление Запада сдерживать Россию и расширить зону экономического и политического контроля за счет постсоветских стран общего соседства. Одновременно усиливалось влияние Китая и других стран Азии на страны ЦВЕ и СНГ. В связи с этим в конце 2000-х годов в Направлении МЭПИ ИЭ появились исследования в формате «российского пояса соседства».

В период 2014–2019 гг. интеграционные проекты, исследовавшиеся в ИЭ РАН, протекали в условиях усиления глобальных геополитических противоречий, обусловленных движением в сторону многополярного мироустройства, неустойчивой международной экономической конъюнктурой, ростом «экономического национализма» и социального неравенства, вызвавшего неконтролируемые трансграничные миграции. Европейский союз в этих условиях столкнулся с серьезными трудностями. Ощутив ослабление положительного влияния интеграционного фактора на национальное развитие, страны ЦВЕ стали вносить коррективы в свою экономическую политику, а именно усиливать опору на внутренние источники экономического роста, ограничивать власть иностранного капитала над экономикой, проводить более активную социальную политику – как в интересах граждан, так и для улучшения экономических перспектив, расширять географию внешнеэкономических связей за пределами ЕС²⁵.

25. Орлик И.И., Князев Ю.К. Политическая и экономическая дифференциация Центрально-Восточной Европы: Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2019; Центрально-Восточная Европа в поисках новых источников развития / Ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2018; Азиатский вектор в экономической стратегии стран Центрально-Восточной Европы: монография / Ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2019.

В 2013 г. в Направлении МЭПИ ИЭ РАН было выпущено несколько работ, анализирующих возможность создания и успешного функционирования Евразийского союза. В коллективном докладе «Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации», выполненном авторским коллективом во главе с С.П. Глинкиной, ставился вопрос о своевременности перехода к союзному формату интеграции в условиях, когда наднациональный уровень управления будет ограничен внешней торговлей и техническим регулированием, а механизмы координации структурной и технологической модернизации с целью расширения внутрисоюзного спроса не предусмотрены²⁶.

В сборнике «Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая»²⁷ анализировалось отношение государственных структур и населения к евразийской интеграции. Оно было неоднозначным даже в странах – инициаторах данного проекта. Причины были связаны в основном с неуверенностью в получении обещаемых интеграционных эффектов в условиях нестабильной мировой экономической и политической конъюнктуры, а также с опасениями чрезмерного российского доминирования.

В докладе «Между ЕС и Россией: тенденции развития внешнеэкономических связей государств общего соседства»²⁸ анализировалась динамика внешней торговли стран общего соседства с ЕС и РФ. Анализ показал, что за период 2000–2013 гг. коэффициент торговой связанности (КТЭС) России со странами общего соседства устойчиво сокращался, а с ЕС возрастало, хотя сам КТЭС с РФ был значительно выше, чем с ЕС. Иными словами, разные интеграционные форматы не могли противодействовать дезинтеграции, выражаемой в сокраще-

26. Евразийский интеграционный проект: эффекты и проблемы реализации / Ред. С.П. Глинкина. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2013.

27. Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / Ред. Е.М. Кузьмина. М.: ИЭ РАН, 2013.

28. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г. Между ЕС и Россией: тенденции развития внешнеэкономических связей государств общего соседства. М.: ИЭ РАН, 2014.

нии отношения взаимной торговли к суммарному объему ВВП РФ и стран-партнеров из рассматриваемой группы государств.

В исследование геополитических проблем постсоветской интеграции активно включилась С.П. Глинкина. Всесторонний их анализ был сделан в монографии «Евразия в поисках идентичности»²⁹. Светлану Павловну интересовали вопросы геополитического соперничества ведущих мировых центров на постсоветском пространстве, которое оказывало сильное влияние на отношения России и постсоветских стран и их интеграционные проекты. Ее вывод о том, что «геополитическое соперничество, развернувшееся на постсоветском пространстве, является реальным и очень важным фактором, детерминирующим масштабы, динамику и формы сотрудничества на постсоветском пространстве»³⁰, оказался пророческим.

Резкий разворот Украины в сторону ЕС вызвал резкое обострение российско-украинских отношений и торможение интеграционного процесса в СНГ. Ухудшение финансово-экономических условий развития России и Белоруссии отразила пробуксовка деятельности Союзного государства. Тем не менее, несмотря на то что западные санкции против России 2012 и 2014 г. были чувствительны, проект ЕАЭС в 2015 г. был запущен.

До окончания периода становления союза, намеченного на 2024 г., в организационном плане было сделано немало. Тем не менее, итоги деятельности ЕАЭС до 2020 г. свидетельствуют о том, что созданные интеграционные институты сами по себе не могут обеспечить устойчивого роста взаимной торговли и инвестиций и через это — связанности национальных экономик. Национальные интересы стран

29. Евразия в поисках идентичности. Институт экономики РАН / Отв. ред. С.П. Глинкина, Л.З. Зевин. СПб.: «Нестор-история», 2011.

30. Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества стран СНГ // Экономическое взаимодействие стран СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта: сборник / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 32.

выше интеграционных, и интеграция, нацеленная на укрепление национального экономического суверенитета, не может стать существенным фактором их экономического роста. Отсутствие ожидавшихся экономических эффектов отчасти компенсируется эффектами интеграции в социальной сфере, что отражает сближение по уровню макропоказателей наименее и наиболее развитых стран союза, а также расширением вширь: заключением соглашений о ЗСТ с заинтересованными третьими странами³¹.

В результате исследований по интеграционной проблематике были сделаны выводы, что процессы в ЕС в определенной мере утратили способность поддерживать рост экономик стран-участниц. В особой мере это проявилось в условиях пандемии COVID-19. Страны встают перед дилеммой – либо углублять интеграционный процесс путем расширения компетенций наднациональных органов, либо делать акцент на развитии вширь, путем заключения соглашений о партнерстве с другими интеграционными объединениями и странами. Оба подхода при этом несут для стран определенные риски.

Создание интеграционных институтов в ЕАЭС не вызвало усиления связанности экономик стран-участниц. Можно предположить, что эффекты интеграции, нацеленной на свободу торговли, в условиях, когда торговля товарами влияет на развитие слабее, чем некоторое время назад, перемещаются в социальную, транспортную и ИТ-сферы.

Параллельно в рамках Направления МЭПИ ИЭ проводилось изучение трансрегионализации мировой экономики – новой формы экономических альянсов, построенных на сетевой основе. Над этой темой работали С.П. Глинкина, Л.З. Зевин и Б.А. Хейфец. В своих исследованиях они изучали не только направления будущей трансформации мировой торговли, но и возможное место ЕАЭС в формирующихся

31. Евразийская интеграция в турбулентном мире / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. СПб: Алетейя, 2019.

альянсах, от которого будет зависеть динамика внешней торговли стран-участниц³². Одним из направлений этого исследования стало изучение БРИКС – нерегionalного объединения крупнейших развивающихся стран мира. В изданной на эту тему коллективной монографии анализировались потенциал и роль БРИКС в современной мировой экономике; основные направления экономического сотрудничества стран – участниц группировки (внешнеторговое и инвестиционное, научно-техническое и валютно-финансовое); намечены общие контуры дальнейшего развития группировки и определена роль в этом процессе России³³.

Другое направление исследований было связано с оценкой влияния Китая на развитие стран российского пояса соседства³⁴ и анализ перспектив участия Вьетнама в зоне свободной торговли с ЕАЭС³⁵. В организации исследований по азиатской проблематике центральную роль играла С.П. Глинкина. На эту тему было опубликовано несколько работ, среди которых ведущее место занимал доклад «Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России»³⁶.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что центральной линией научных исследований С.П. Глинкиной было комплексное изучение экономических и политических трансформаций, особое место среди которых заняли постсоциали-

-
32. Зевин А.З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2015; Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. Международные экономические и политические исследования. М.: ИЭ РАН, 2016.
 33. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС / Ред. С.П. Глинкина. М.: ИЭ РАН, 2014.
 34. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: доклад. М.: ИЭ РАН, 2016; Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2018. С. 44–45.
 35. Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам / Редколлегия в составе: С.П. Глинкина, А.Г. Пылин, Нгуен Куок Хунг. М.: Эдитус, 2018.
 36. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А. Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2018.

стические трансформации, затронувшие почти три десятка стран, и огромный вклад в развитие данного направления принадлежит именно ей. Она стала разработчиком оригинальной методологии многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающей изучение взаимовлияния изменений на национальном, региональном и глобальном уровнях. Благодаря ее научным поискам и идеям была создана довольно специфическая методология исследования трансформации на основе сочетания формальных и неформальных институтов. Работая по данному научному направлению, Светлана Павловна опубликовала более 270 работ, включая авторские и коллективные монографии, брошюры, научные доклады. География публикаций профессора С.П. Глинкиной, кроме постсоветского пространства, охватывает такие страны, как Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Китай, Сербия, Словакия, Вьетнам, США, Финляндия, Хорватия. Начавшаяся новая трансформация мира, региональных объединений и стран под влиянием деглобализации, усиленной пандемией COVID-19 и антироссийским санкциями, могла бы стать новым полем успешных исследований для острого и пытливого ума заслуженного деятеля науки РФ, доктора экономических наук, профессора С.П. Глинкиной. Но, увы, нам придется этим заниматься без нее, но с помощью ее научного наследия.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В РАБОТАХ
С.П. ГЛИНКИНОЙ

С.П. Глинкина

МЕТОДОЛОГИЯ МНОГОУРОВНЕВОГО АНАЛИЗА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Аннотация. В докладе анализируются такие дискуссионные вопросы методологии анализа посткоммунистических трансформаций, как понятие «переход», исходная и конечная точки трансформации, критерии завершенности трансформационного периода. Один из устойчивых стереотипов в восприятии социально-экономических трансформаций – сужение объекта исследования до рамок национального государства. Раскрывая ограниченность такого подхода, автор предлагает оригинальную методологию многоуровневого анализа трансформационных процессов, предусматривающую, наряду с изучением национальных моделей трансформации, исследование влияния на них изменений, происходящих на региональном и глобальном уровнях. На основе предложенной методологии дается новая типизация посткоммунистических стран, разрабатываются критерии завершенности посткоммунистических трансформаций.

Конец XX в. ознаменовался крупномасштабными общественными трансформациями, протекающими одновременно на глобальном, региональном и национальном уровнях. Особое место в этих процессах занимают посткоммунистические трансформации, анализу которых посвящена многочисленная отечественная и зарубежная научная литература. Однако осмысление этого явления не выглядит завершенным, более того, можно констатировать нарастание своего рода мифотворчества в оценке происходящего. Разработка методологии анализа посткоммунистических трансформаций в силу сказанного представляется чрезвычайно актуальной научной проблемой.

1. Материал опубликован: Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций: научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2008 (Научные доклады Института экономики РАН / Институт экономики РАН).

К критике трансформационной теории

Надо ли изучать прошлое? Вопрос риторический, и любой здравомыслящий человек скажет вам, что это делать надо. Не знающий или не понявший свое прошлое человек (страна) практически подрывает основы своего будущего. Но столь понятная на уровне «всеобщего» постановка вопроса почему-то разрешается принципиально иначе, когда речь идет об особенном случае — исходной точке посткоммунистических трансформаций. Она практически не анализируется, а заменяется лозунгом «Поражение социализма в экономическом соревновании с капитализмом — непреложный исторический факт». Все дискуссии практически сводятся к эмоциональным дебатам — хорошо или плохо жилось в то время. Но ведь в научной среде речь должна идти совсем о другом: каким образом эта система смогла столь быстро сложиться в начале 1930—1940 гг., а затем добиться в 1950—1960 гг. выдающихся успехов в экономическом развитии; почему в 70-е годы наступила ее стагнация, а в 80-е годы стали нарастать кризисные явления.

Социалистическая плановая экономика рассматривается как что-то единое, вне анализа и классификации остаются существовавшие в ее рамках различные экономические модели, вопросы о том, как в рамках «того» строя отдельным странам удалось решить важные цивилизационные задачи и каким образом во всех из них довольно глубоко укоренились ценности человеческой солидарности и справедливости. В результате, как писал в одной из своих работ известный российский ученый Ю.Я. Ольсевич, «сама исходная база начавшегося перехода от госсociализма к рыночному капитализму оказалась слабо изученной, и о реальной конструкции разрушенного здания приходится теперь судить по отдельным блокам и балкам, хаотически загромоздившим фундамент неформальных институтов»². Как отмечал известный немец-

2. Ольсевич Ю.Я. Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 6.

кий экономист Г.-Ю. Вагнер, ни на Западе, ни на Востоке на этапе «реального социализма» не было разработано формализованной модели социалистической системы вообще и социалистической экономики в частности. Поэтому и подходы к реформированию в странах Центральной и Восточной Европы после 1990 г. носили прагматический характер и были лишены теоретической базы³.

Хочется еще раз подчеркнуть: речь не идет о том, чтобы убедить кого-то в том, что «исходная точка трансформации» была хороша и не требовалось ее глубочайшего реформирования. Все сказанное выше важно не с точки зрения «восстановления элементарной объективности», речь идет о том, что нельзя понять «переход», не определив его исходной точки и, следовательно, причин и предпосылок этого перехода.

Проблемы определения понятия «переход». Конфуций в свое время призывал к «выпрямлению» понятий. Обратим внимание читателя лишь на два важных момента. Первый – представители разных экономических школ имеют существенно отличающиеся друг от друга представления об основном содержании понятия «экономическая система». Следствием этого естественно являются принципиально разные представления о сущности трансформационного перехода. Как это ни парадоксально, представители марксизма и неоклассики сходятся в методологии, проповедуя монофакторный подход к различению устойчивых, базовых и переходных систем; для них базовая система – базис, на котором преодолены многоукладность и неоднородность. Поэтому и «переход» для них – это программа, направленная на скорейшее утверждение «совершенной» среды хозяйственной деятельности: рыночная экономика с преобладанием частной собственности либо система хозяйствования с господством государственной собственности.

3 Economic Thought in the Communist and Post-Communist Europe / Ed. by H. / Wagener. London: Routledge, 1998. P. 26.

Классическая и посткейнсианская школы политэкономии, пропагандирующие «производственно-продуктовую картину экономической реальности», представляют себе трансформационный переход как постепенное изменение структурных ресурсных потоков, которые, в свою очередь, формируют структурные параметры производства, потребления и инвестиций, приспособлявая их к изменениям в институциональной среде и экономическом поведении людей⁴.

Еще большего от трансформационного перехода ждут представители «старого институционализма» — ни много, ни мало — «преобразования всей социально-экономической ткани».

Второй момент, на который следует обратить внимание, уточняя понятие «переход». Картина «перехода» становится еще запутанней, если от стадийноформационного подхода к оценке истории (марксизм, У. Ростоу, Д. Белл и др.), утверждающего примат экономики в структуре и динамике общества, а также линейно-прогрессивный характер траектории развития и прямое восхождение общества от ступени к ступени, мы обратимся к позициям представителей цивилизационного подхода (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др.). Последние отстаивают первенство духовной сферы — науки, культуры, образования, этики, религии, приоритет системы цивилизационных ценностей, которые определяют мотивацию человеческой деятельности во всех ее ипостасях. Они признают циклично-генетические закономерности динамики общества его фундаментальными основами, неизбежно присущими всякому обществу в прошлом, настоящем и будущем, и имеют свой, существенно отличающийся от господствовавшего в российской научной мысли XX в. (да, пожалуй, и сегодня) взгляд на периодизацию истории и будущее человечества. Для них глобальное цивилизационное пространство в каждый конкретный период вре-

4. Об этом подробнее см.: *Ананьин О.И.* Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005. С. 129.

мени представляет собой «разноцветное “лоскутное одеяло”, в котором прочно “сшиты” между собой цивилизации, находящиеся на различных стадиях развития. Цвет этого “одеяла” время от времени меняется: то одни, то другие цивилизации выходят вперед, становятся лидерами цивилизационного прогресса, а другие отходят во второй, третий эшелон»⁵. Понятно, что для представителей цивилизационного подхода нет и не может быть «конца истории», «полной и окончательной победы» того или иного строя, да и само понятие «переход» не сопоставимо с используемым представителями стадийно-формационного подхода.

Содержание трансформационного перехода. Анализ тенденций современного обществоведения позволяет признать, что в оценке посткоммунистических трансформаций господствующим является стадийно-формационный подход. «Социалистический период развития» в таком случае признается «отступлением» от исторического хода развития человечества (экспериментом, преступлением и т.п.), а трансформационный переход соответственно — возвращением в лоно цивилизации.

Существует четыре теоретических подхода к трансформации:

- **телеологический подход**, рассматривающий создание новой экономической системы как быстрый переход от одного состояния общества и экономики к другому, соответствующему некоему идеалу или проекту; в ходе трансформационного перехода он был отвергнут вместе с опытом строительства реального социализма — эксперимента с использованием широкомасштабной социальной инженерии;
- **абсолютизированный эволюционизм**, реализованный западными государствами в течение нескольких столетий формирования рыночной экономики,

5. Об этом подробнее см.: Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1. М.: Институт экономических стратегий, 2006.

использование которого оказалось невозможным в силу значительного сжатия времени к концу XX в.;

- **генетический подход**, представленный целым рядом научных концепций: идеей постепенной, поэтапной социальной инженерии К. Поппера, предлагавшего «идти от проблем», методом «проб и ошибок» постоянно осуществлять улучшения, вместо того чтобы стремиться быстро достичь умопостигаемого либо, как предполагалось, существующего идеала⁶; базирующимся на необходимости учета объективных тенденций развития подходом Н. Кондратьева к формированию целей и разработке плановых заданий⁷; концепцией «перспективных траекторий развития» В.М. Полтеровича⁸ и др.;
- **«переход через заимствование» существующих в наиболее развитых странах Запада институтов** в надежде на осуществление успешной догоняющей модернизации.

В практике посткоммунистических трансформаций реально востребованы «генетический подход» (Китай) и «переход через заимствование институтов рынка и демократии». В реальной жизни заимствование оказывалось либо формальным (государства постсоветского пространства), либо подкрепленным соответствующими механизмами принуждения к эффективному функционированию (страны Центрально-Восточной Европы).

О социально-экономической направленности трансформационного перехода. Казалось бы, для избирающих заимствование как способ трансформации пункт назначения определен — развитая рыночная экономика и политическая демократия. Однако нередко при этом вне

6. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992.

7. Кондратьев Н.Д. План и предвидение. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

8. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1.

анализа остаются скромные (а порой плачевные) попытки быстрого преодоления отсталости стран «третьего мира» в 1950–1960 гг., когда эта проблема трактовалась технократически, в духе телеологического подхода. Причем стратегия политики определялась методом «вычитания»: «из значений ряда важнейших экономических показателей (капиталовооруженности, объема инвестиций, уровня образования и т.д.) для развитых стран вычитались соответствующие значения для стран «третьего мира» и тем самым определялись конкретные задачи, причем предполагалось, что «контрольные цифры» достижимы прежде всего благодаря изменению потока финансовых ресурсов»⁹.

Мало кто услышал в ходе трансформации слова С. Хантингтона о том, что «Запад — странное, хрупкое, ни на что не похожее образование, которому ни в коем случае нельзя придавать статус общечеловеческого... Западный путь развития никогда не был и не будет общим путем для 95% населения Земли. Запад уникален, а вовсе не универсален»¹⁰. Гласом в пустыне прозвучали слова известного американского экономиста М. Олсона о том, что переход от плана к рынку обнажил «провал» в западной экономической мысли — ею до сих пор не дан ответ на главный вопрос, что представляет собой процветающая рыночная экономика как система¹¹.

Очевидно, что существуют особые типы рыночно-капиталистического хозяйства. Лозунг о переходе от плана к рынку как содержанию переходного процесса мало что объясняет в таком случае: рынок рынку рознь. О каком рынке мы говорим? Преобладание того или иного типа рынка будет определять специфику складывающейся экономической системы, особую социальную структуру общества и систему мотиваций его членов. Что имеем в результате — рентоориентированную или производительную экономику?

9. Ольшевич Ю.Я. Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М., 2007. С. 264–268.

10. Huntington S. West is unique, and not so universal // Foreign Affairs. 1996. Apr. 8.

11. Олсон М. Становление рыночной экономики в странах Восточной Европы. М., 1994. С. 8–9.

Таким образом, вопрос о реальной направленности социально-экономической трансформации остается открытым. Чего стоит признание избранного Президента России Д. Медведева на V Красноярском экономическом форуме 15 февраля 2008 г. о том, что «мы фактически занимаемся последние годы «ручным» управлением экономикой. Такое управление понадобилось потому, что «невидимая рука рынка», на которую возлагались основные надежды после распада СССР, так и осталась абсолютно невидимой во многих отраслях экономики. Свободная игра рыночных сил не произвела ни одного корабля или атомного реактора, ни одного автомобиля или нового самолета, не решила проблемы нищеты, в сферах образования и здравоохранения и т.д.»¹². И это, заметьте, по прошествии уже нескольких лет признания мировым сообществом существования в России рыночной экономики.

Надо сказать, что дискуссия вокруг характеристики достигнутой точки трансформации ведется даже относительно таких динамично реформирующихся стран, как Китай. Существует широкий спектр мнений по поводу экономической системы, созданной в современном Китае — от безусловного признания существования некоего отвечающего специфике страны варианта социалистической рыночной экономики (Г.Х. Попов), объяснения позитивного влияния реформенных преобразований в КНР на экономическую динамику исключительно находением Китая на этапе индустриализации, давно пройденного Россией и странами Восточной Европы (Е.Т. Гайдар), до полного отрицания такой специфики с объявлением чисто формальной, мимикрической самой приверженности Китая социализму (П.Г. Бунич). Питер Нолан отстаивает точку зрения, согласно которой с конца 70-х годов Китай «двигался в направлении националистической, руководимой государством, бюрократической рыночной экономики»; В. Полтерович признает за Китаем

12. Точки над «и» // Российская газета. 2008. 16 февр.

специфику в тактике реформирования при его общей ориентации на построение «стандартной рыночной экономики»¹³; Л. Кондрашова считает, что для Китая как «государства-цивилизации» всегда будет характерна большая цивилизационная специфика. Нам представляется наиболее оправданной и адекватной реальности точка зрения В. Портякова, который считает, что «формирующаяся рыночная экономика в КНР еще долго будет сохранять черты, говоря словами Л. Эрхарда, «принудительно направляемого хозяйства». Это продиктовано как экономическими причинами, ориентацией Китая на модернизацию, требующую высокой степени централизации ресурсов, так и обстоятельствами иного рода (необходимостью контроля за социальной и демографической ситуацией и т.п.)»¹⁴. «Принудительность» может даже возрасти по мере экономического роста, предполагающего переход к интенсивному характеру потребления полутора миллиардного населения страны, что в случае победы «свободных рыночных сил» может привести к вселенской катастрофе ввиду ограниченности ресурсов Земли.

Трансформация через заимствование. Частный пример стран Центральной и Восточной Европы

Перейдем от всеобщего к особенному в анализе посткоммунистических трансформаций. Возможно ли заимствование как успешный способ трансформации общества в принципе? Да, конечно, но, как показывает опыт постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы, для его успешной реализации требуется выполнение ряда условий.

Изучение процессов, протекающих в странах ЦВЕ, чрезвычайно интересно ввиду осуществления ими практически в чистом виде перехода к рынку и демократии через заимствование европейских институтов. О ходе трансформации

13. Nolan P. China's Rise, Russia's Fall. In. Economics and Planning in the Transition from Stalinism. Basingstoke, 1995. P. 303.

14. Портяков В.Я. Экономическая реформа в Китае. М., 2002. С. 26.

в этом регионе написано немало научной литературы, причем в России, к сожалению, цитируются, как правило, статьи западных аналитиков по данным вопросам, что нередко ведет к мистификации протекающих процессов (сказываются работа с переводными, нередко в силу высокой динамики изменений устаревшими источниками, преобладание среди авторов переводных работ представителей неоклассической экономической школы). Так, например, широко утвердился тезис о том, что страны ЦВЕ прошли через этап «шоковой терапии». В зависимости от идеологической ориентации авторов, этот по сути своей спорный факт объявляется либо предпосылкой достигнутых на пути трансформации успехов, либо объяснением «горьких последствий поспешных асоциальных шагов». В работах сотрудников Отделения международных экономических и политических исследований ИЭ РАН убедительно опровергается столь однозначный вывод как применительно к характеру преобразований, так и к анализу причин реальных трудностей, а также реальных достижений, имеющих в странах ЦВЕ. Полонисты ОМЭПИ неоднократно выступали с разоблачением представления о Польше как стране жестко проведенной «шоковой терапии». Достаточно вспомнить, что либерализация цен в стране проводилась постепенно, практически на протяжении всех 80-х годов, а темпы роста потребления в течение полутора лет после завершающего этапа либерализации (вторая половина 1989 г.) превышали темпы роста ВВП¹⁵. Нельзя не вспомнить польский подход к приватизации, которая признавалась экспертами МВФ «нерешительной», а также то внимание, которое было уделено в ходе трансформации усилению роли государства при существенном изменении его функций, созданию экономических основ функционирования мелкого

15. Бухарин Н.И., Симицина И.С., Чудакова Н.А. 10 лет рыночной трансформации в Польше // *Новая и новейшая история*. 2000. № 4; Симицина И.С., Чудакова Н.А. Польша // *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. Т. 3. Ч. II. М.: Наука, 2002; Симицина И.С., Чудакова Н.А. Польша на пути в Европу // *Современная Европа*. 2006. № 3. Июль–сент. и др.

бизнеса, подъему роли местного самоуправления и другим, не предусмотренным «шокотерапией» вопросам.

Еще более интересным является анализ трансформационных преобразований в Словении – стране, создавшей за переходный период самую благополучную экономику. Практические шаги по реформированию экономики здесь, как правило, противоречили постулатам вашингтонского консенсуса¹⁶. Да и в большинстве других постсоциалистических стран ЦВЕ вслед за непродолжительным по времени периодом «создания совершенной среды хозяйствования» наступил этап активного заимствования институтов рынка и демократии под жестким контролем Европейского союза, перспектива членства в котором стала мотором развернувшихся в странах преобразований.

Европейский союз оказал странам материальную помощь, предоставил финансовые ресурсы (деятельность фонда PHARE, подключение стран к деятельности Европейского банка реконструкции и развития), постепенно начал открывать рынок для товаров из стран ЦВЕ (специальный преференциальный режим, подписание асимметричных соглашений об ассоциации и др.), разработал и принял в 1993 г. на заседании Европейского совета в Копенгагене критерии членства в ЕС для стран ЦВЕ, желающих присоединиться к интеграционной группировке. Копенгагенские критерии предусматривали наличие в странах- кандидатах:

- стабильных институтов, обеспечивающих демократию, законность, соблюдение прав человека и национальных меньшинств;
- функционирующей рыночной экономики, способной выдерживать конкуренцию и справляться с действием рыночных сил в стране и в союзе;
- готовности и способности принять на себя все обязательства, связанные с членством в ЕС; согласия с целями создания Экономического и валютного союза.

16. Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006; Князев Ю.К. Экономический феномен Словении и его уроки: Науч. докл. М.: Эпикон, 2000.

В 1995 г. была утверждена программа «Подготовки ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Союза», которая содержала перечень законодательных актов (790), необходимых для интеграции стран ЦВЕ в единый рынок ЕС, а также рекомендации относительно порядка их принятия. Приложение, более объемное, чем основная часть Стратегии, анализировало пути сближения/гармонизации законодательства стран ЦВЕ с европейским правом в 23 секторах экономики и общественной жизни, начиная от движения капитала до защиты прав потребителей. Приложение включало рекомендации по созданию административных и технических структур, обеспечивающих эффективную правоприменительную практику, а также направления и формы технической поддержки, оказываемой странам-кандидатам со стороны ЕС в целях сближения их законодательства с правовой системой Евросоюза.

ЕС разработал индивидуальные стратегии присоединения для каждой страны-кандидата, в которых обозначил для каждой из них приоритеты, конкретные действия и сроки их осуществления. В программу подготовки к членству относительно более развитой Венгрии было включено 88 серьезных задач, Чехии – 90, Словакии – 98, большинства других стран – более 100 задач.

Параллельно с программой партнерства каждая страна-кандидат должна была до конца марта 1998 г. разработать Национальную программу принятия права ЕС с графиком выполнения поставленных задач и определением финансовых и административных ресурсов. В ее составлении принимали участие эксперты из всех охваченных программой областей, а также представители Европейской комиссии.

Процесс переговоров о присоединении стран-кандидатов к ЕС, которые проводились исключительно на двусторонней основе, состоял из двух этапов:

- 1) анализа соответствия данного государства копенгагенским критериям членства и достигнутого прогресса в сближении национального законодательства с законодательством ЕС;

2) разработки условий вступления стран ЦВЕ в ЕС, в частности возможности предоставления странам переходных периодов (отсрочек) для применения норм ЕС.

Таким образом, подготовка к вступлению в Европейский союз стимулировала реформирование экономики стран ЦВЕ. Формальное заимствование институтов (в частности, норм права) в обязательном порядке сопровождалось разработкой механизмов их запуска на национальной почве. В результате перспектива членства в ЕС выполнила роль «внешнего якоря» в осуществлении странами сложных институциональных преобразований.

Очевидные плюсы проделанного пути для стран ЦВЕ — существенное снижение вероятности появления политической оппозиции реформам и объединение обществ вокруг «европейской идеи», четкое структурирование программ развития, получение значительной финансовой помощи, повышение прозрачности принимаемых решений¹⁷.

Для субъектов рыночных отношений из новых членов ЕС среди очевидных положительных моментов — выход их продукции на рынки ЕС без таможенных и иных ограничений, упрощение системы сертификации, доступ к европейскому рынку общественных заказов, иностранным инвестициям, ресурсам финансового рынка, возможность использования европейских структурных фондов для финансирования и поддержки проектов (особенно в случае малых и средних предприятий), доступ к программам ЕС по поддержке научных исследований и прикладных разработок. Следует признать, что большинство преимуществ от работы на общем рынке страны ЦВЕ получили еще на предвступительном этапе, с этой точки зрения статус полноправного члена ЕС немного меняет в их положении¹⁸.

17. Подробнее об этом см.: Глинкина С.П. Центральная-Восточная Европа на пути в Евросоюз // Новая и новейшая история. 2007. №3.

18. Подробнее об этом см.: Последствия расширения Европейского союза для экономики России / Под ред. С.П. Глинкиной. М.: НИС, 2004.

Нередко в научной литературе можно встретить мнение, согласно которому одной из бед российской трансформации, в отличие от трансформаций в странах ЦВЕ, было доминирование политических мотивов над экономическими целями и задачами. С такой позицией можно согласиться лишь частично: ослабление политической составляющей на национальном уровне с лихвой компенсировалось политической обусловленностью практически каждого шага, предпринимавшегося Евросоюзом. Политические мотивы оказывались доминантными при предоставлении странам ЦВЕ финансовой и иной помощи, при определении сроков начала переговоров о вступлении в ЕС, при принятии решений об условиях членства и т.п.

Завершилась ли трансформация, осуществлен ли странами ЦВЕ, присоединившимися к Европейскому союзу, переход? Ответить на этот вопрос можно лишь при условии ясности критериев.

В научной литературе, как мы уже говорили выше, разное видение различными экономическими школами сути перехода предопределяет и разночтения в определении критериев завершенности переходного периода. Неудовлетворительными следует признать не только монофакторный подход, используемый марксистами и неоклассиками¹⁹, но и предлагаемые в современной научной литературе:

- статистический подход (переход завершается по мере достижения страной уровня дореформенного объема ВВП), однако переходный процесс не тождествен кризису;
- формально-институциональный подход (переход заканчивается тогда, когда в общих чертах завершается формирование нового институционального фундамента (А. Нестеренко²⁰), однако формальное наличие институтов не исключает возможности воз-

19. Убедительная критика такого подхода содержится в работе *Ольсевича Ю.Я.* Влияние хозяйственных реформ в России и КНР на экономическую мысль Запада. М., 2007. С. 226–228.

20. *Нестеренко А.* Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. 2000. № 6.

никновения «стационарно переходной экономики», о которой убедительно писал Р. Капелюшников²¹.

Р. Капелюшников, В. Тамбовцев и другие исследователи видят переходность экономической системы в преобладании (гипертрофированном развитии) неформальных институтов, в слабости механизмов принуждения к соблюдению формальных правил (law enforcement)²², что объясняется как слабостью собственно государственной власти (на этом немаловажном аспекте делает акцент В. Мау²³), так и несоответствием между формальными и неформальными институтами, на которое советует обращать пристальное внимание Д. Норт²⁴. И пока такое несоответствие будет сохраняться, между декларациями и повседневной хозяйственной практикой будет существовать огромная пропасть. Однако и в отношении этого, наиболее убедительного критерия переходности, можно сделать несколько замечаний. Во-первых, невозможно представить себе какую-либо экономическую систему, существующую исключительно на основе формализованных правил, даже самые развитые рыночные экономики Запада имеют «свою неформальность»; во-вторых, в целом ряде азиатских современных культур неформальные механизмы принуждения к соблюдению правил оказываются не менее эффективными, чем формализованные, или можно сказать иначе: в них неформальные институты реально могут играть позитивную роль.

Говоря о критериях завершенности переходного периода, нельзя не учитывать того, что процессы трансформации протекают одновременно на нескольких взаимодействующих уровнях. Выявление этих уровней и определение взаимосвязей между ними в научном анализе делает картину пере-

21. Капелюшников Р. Где начало того конца? (К вопросу об окончании переходного периода в России // Вопросы экономики. 2001. № 1.

22. Тамбовцев В.А. О предмете теории переходной экономики // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. 1996. № 3. С. 15–22; Капелюшников Р. Указ. соч.

23. Мау В. Экономика и революция: уроки истории // Вопросы экономики. 2001. № 1.

24. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 56.

хода многомерной. С учетом этого более сложными могут оказаться и критерии завершенности трансформационного перехода посткоммунистическими странами.

К вопросу о многоуровневом анализе трансформационных процессов

Мы согласны с теми, кто считает одним из устойчивых стереотипов в восприятии социально-экономических трансформаций чисто страновой подход, т.е. сужение объекта исследования до рамок национального государства. «Вопросы типа «что реформируется?» или «что находится в процессе трансформации?», как правило, даже не задаются, ибо само собой подразумевается, что речь идет об отдельном государстве или о его экономической системе»²⁵. В этих концептуальных рамках отношения трансформируемой системы с внешней средой сводятся, как правило, к двум основным моделям: закрытая национальная экономика и национальная экономика в единстве с ее внешнеэкономическими связями. Вместе с тем, хотя вторая модель расширяет пространственные рамки трансформации, она отнюдь не исчерпывает спектра типологически значимых вариантов. «За скобками, — пишет О. Ананьин. — остаются как собственно глобальные процессы, так и тип процессов, определяемых как субглобальные: трансформационные процессы, начавшиеся или инициированные на уровне отдельного государства, однако затрагивающие саму структуру мирохозяйственных отношений. Иными словами, речь идет о таких процессах национально-государственного уровня, которые не сводятся к адаптации национальной экономики к мировому рынку, но значимо влияют на сам этот рынок и, в частности, на место данной экономики в мировом хозяйстве»²⁶. Наконец, в век глобализации нельзя оставить без внимания влияния происходящих на глобальном уровне изменений на модели национальных трансформаций,

25. Ананьин О. И. Структура экономико-теоретического знания. М.: Наука, 2005. С. 129.

26. Там же. С. 130.

а также процессы регионализации и интеграции как ответы национальных государств на вызовы глобализации.

Мы берем на себя смелость утверждать, что вне многоуровневого анализа трансформационных процессов невозможно раскрытие сути посткоммунистических трансформаций. Предлагаемая нами в этих целях методология предусматривает исследования:

- национальных моделей трансформации в постсоциалистических государствах во всех основных аспектах — экономическом, социально-политическом, внешнеэкономическом (национальный уровень анализа);
- интеграционных и дезинтеграционных процессов, происходящих в трех основных ареалах посткоммунистического мира — постсоветское пространство, страны Центральной и Юго-Восточной Европы, Восточная и Юго-Восточная Азия; практики формирования основными мировыми акторами «пространств под себя» за счет распространения влияния на постсоциалистические страны (региональный уровень анализа);
- воздействия глобализации и происходящего на глобальном уровне изменения соотношения сил в мире на национальный и региональный уровни преобразований.

Национальный уровень анализа трансформаций чрезвычайно важен и интересен, однако, будучи оторванным от анализа региональных и глобальных трансформаций, едва ли позволяет ответить на вопрос, почему в одних странах налицо качественное развитие экономики и общества, а в других трансформации ведут к крайне слабым результатам.

Существует опасность, отвечая на эти вопросы, оказаться в плену широко распространенных на Западе исследовательских парадигм, в частности, настаивающих на том, что быстрота реформирования и открытость внешнему рынку — залог успеха трансформационных реформ в отдельных странах. Активно конструируются различного рода индексы, демонстрирующие глубину преобразований в посткомму-

нистических государствах. Так, Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) ежегодно рассчитывается так называемый индикатор прогресса на пути перехода (ИНН). В рамках ИНН степень рыночной ориентации страны измеряется по шкале от 1 до 4,5, где единица означает плановую экономику, а 4,5 — полномасштабно функционирующий рынок. ИНН состоит из нескольких элементов, включая либерализацию цен и торговли, политику властей в отношении конкуренции, характер корпоративного управления, приватизацию малых и крупных предприятий, а также либерализацию банковского и финансового секторов.

Взяв за основу индекс лидеров и отстающих на пути рыночных преобразований, сравним уровень ВВП в 2006 г. в этих странах в сопоставимых ценах с уровнем 1990 г., принятым за 100. Сравнение данных показывает, что две из наиболее отсталых по показателю ИНН страны СНГ — Белоруссия и Узбекистан демонстрируют рост ВВП к уровню 1990 г., равный показателю одного из лидеров перехода — Венгрии (более 140%). Армения, Грузия, Казахстан, Киргизия и Россия по индексу ИНН находятся на уровне Румынии, Македонии и Албании, при этом уровни ВВП к 1990 г. в названных странах колеблются в очень широких пределах — от 62% в Грузии до 165% в Албании^{27, 28}.

Как видим, столь высокий уровень формализации ведет к абсурдности выводов. Складывается впечатление, что нередко такие индексы служат лишь одной цели — доказательству не оправдавших себя на практике теоретических концепций. На память приходят слова американского экономиста Д. Бейзлона, который констатировал: «Частная собственность, рыночная конкуренция и прочие достоинства XVIII столетия — все это потеряно в быстрой смене обстановки. Эти понятия перестали быть руководящими представлениями для понимания экономики, и теперь они используются

27. Расчеты сделаны на основе данных: World Economic Outlook. 2007. October / International Monetary Fund.

28. *Bazon D.T. The Paper Economy. N.Y., 1963. Pp. 357–358.*

для сокрытия того, что открыто простому наблюдателю. Категории, которые служат для понимания экономики, это — технология, организация, власть, политика... Сила и задачи нации находятся в руках нескольких тысяч человек, которые руководят несколькими сотнями бюрократических организаций, господствующих в экономике. Эти организации и люди ведают перманентной технологической революцией, чем и является экономика...»²⁹.

Разговоры о максимальной либерализации, открытости, быстрой приватизации и т.д. приобретают новое звучание, если на них взглянуть с высоты процессов, протекавших на глобальном уровне после развала Советского Союза и возникновения ситуации, когда США стали по существу единственным глобальным игроком, уникальной «глобальной державой» с неопределенными полномочиями, изменившейся сферой компетенций и широким кругом ответственности³⁰.

Оказавшись в уникальном положении, США предложили миру свою модель глобализации, основным инструментом реализации которой стало распространение матрицы «вашингтонского консенсуса», по рецептам которого должна была проходить трансформация экономик порядка 70 стран мира. Модель предусматривала выстраивание подобия глобального государства со специфической эмиссионной (в виде фактической мировой резервной валюты) и налоговой (в форме глобальной дани, которая определенным образом выплачивалась значительной частью государств, к примеру, в рамках системы перманентного глобального долга, а потом перераспределялась в соответствии с теми или иными масштабными задачами) системами³¹. Проект провалился по ряду причин: прежде всего ввиду оказанного ему сопротивления набирающим силу

29. Там же.

30. Неклесса А. Битва за будущее. Пришествие постсовременного мира. http://www.intelros.ru/2007/03/15/aleksandr_neklessa_bitva_za_budushhee_sovremennaja_kniga_peremen.html

31. Неклесса А. Антропоток в матрице геоэкономического универсума / Интервью // Русский архипелаг. <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/postindustrializm/version/antropotok>

и активно модернизирующимся Китаем, а также Европейским союзом, попытавшимся усилить свои позиции в мире на пути крупномасштабного расширения и осуществленного беспрецедентного шага – введения европейской валюты, значительно подорвавшей позиции доллара. Ярким доказательством невозможности конструирования равновесной мировой экономики по рецептам «вашингтонского консенсуса» стал азиатский финансовый кризис.

С началом нового века, совпавшим с возвращением к власти в США республиканской партии, политическим руководством страны реализуется иная, принципиально отличная от первоначальной, модель геоэкономической реконструкции мира, в рамках которой на передний план выдвигается программа переустройства военно-политической, а не финансово-правовой мировой инфраструктуры. В сфере же экономики акцент переносится с развития цифровой экономики на контроль над глобальными ресурсами, прежде всего в области энергетики.

Таким образом, перспективы глобального мироустройства многовариантны даже с точки зрения «глобального государства».

Очевидно, что мировая экономика превратилась в экономику глобальную. В хозяйственной и финансовой системах происходят драматические перемены: формируется глобальный рынок, утверждается система ценностей, основанная на финансовой редукции бытия, где деньги – новая мера вещей – замещают пространство хозяйственных операций, постепенно вытесняя прежнее понимание экономической практики на обочину. Рост объема финансовых сделок в мире намного опережает темпы роста торговых операций, оборот ежедневных мировых валютнообменных операций превысил 1 трлн долл. еще в середине 90-х годов³². Формируется единое финансовое и информационное пространство, происходит «глобализация корпораций».

32. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир. 2004. С. 22.

Еще одна черта глобализации – выстраивание динамичной и в то же время иерархичной системы связей, приходящей на смену существовавшей еще 15-20 лет назад системы международных отношений. Этот феномен получил название «мировой политики», в рамках которой появляются новые субъекты власти, такие как глобальная держава, международные регулирующие органы, неформальные центры влияния чрезвычайно высокого уровня компетенции, транснациональные неправительственные организации. При этом происходит деформализация власти, снижение роли публичной политики и представительных органов, проявляется тенденция к расширению зоны компетенции неформальных процедур принятия решений, заключения устных, консенсусных соглашений вместо полноценных договоров; заявляет о себе новое поколение субъектов мировых связей, объединяющих в себе политические и экономические функции. На поверхность выходит феномен сетевой культуры, активно утверждающий себя как в формах социальной организации, так и экономической деятельности.

Меняется роль национального государства, его суверенитет размывается как в пользу наднациональных, так и в пользу локальных структур. Более того, глобализация растаскивает государственный суверенитет вширь, создавая новые экономические и культурные регионы, охватывающие отдельные территории сразу нескольких государств.

В столкновении двух источников власти в условиях глобализации – государства и капитала, государство постепенно «освобождается от обременений государственности»³³, а власть переходит к геэкономической системе политико-экономических центров силы. Нельзя не видеть, что Соединенные Штаты Америки сегодня фактически приобрели особый статус, являясь на практике глобальной регулирующей державой, «страной-системой», чьи рубежи – не административно-политические границы национальной тер-

33. Неклесса А. Указ. соч.

ритории, но зона жизненных интересов, имеющая тенденцию к глобальному охвату. «Страной-системой» — политико-экономическим центром силы является Европейский союз, Большой Китай, вбирающий в себя Гонконг, Макао, а в перспективе и Тайвань, связанный тысячами нитей с диаспорой, рассеянной по всему миру. На историческом горизонте маячат и новые проекты стран-систем.

С распадом Советского Союза и связанных с ним геополитических конструкций появилось пестрое пространство «стран с переходной экономикой», которое в условиях существования стран-систем подбирается новыми геоэкономическими центрами силы под себя, практически за их счет идет расширение ареала существования стран-систем. Наглядный пример — расширение Европейского союза на Восток, а с 2003 г. — реализация Евросоюзом Европейской политики соседства, направленной на втягивание в свою орбиту целого ряда стран СНГ.

Типизация объектов исследования с учетом многоуровневого анализа трансформаций

Факт нахождения посткоммунистической страны в поле влияния того или иного центра силы либо создание самостоятельного центра существенно влияет на выбор национальной (региональной) модели трансформации. Применительно к посткоммунистическому миру по этому критерию мы различаем:

- *Китай* — «страну-цивилизацию», расширяющую свой ареал за счет Гонконга, Макао, и в перспективе Тайваня; переход для Китая не предполагает достижения конкретной социально-экономической модели: соотношение между планом и рынком, открытостью и протекционизмом, демократией и «принудительным управлением» были и остаются для него инструментами достижения целей модернизации и усиления геоэкономического влияния; на стратегию реформирования решающее влияние оказывают внутренние

факторы (социальные и демографические проблемы), а также складывающаяся в глобальной экономике «международная специализация на основе сотрудничества в области факторов производства» (Ювэнь, Жэньвей, 2006);

- *постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы*, признавшие своей важнейшей задачей «возвращение в Европу» через присоединение к Европейскому союзу, что потребовало от них гармонизации национального законодательства с нормами европейского права, заимствования европейских институтов рынка и демократии, обеспечивающих саму возможность присутствия стран ЦВЕ на общем рынке ЕС;
- и, наконец, *постсоветское пространство* — зона острой конкурентной борьбы основных геоэкономических центров силы ЕС, США, Китая, а также по-прежнему играющей заметную роль в странах СНГ России. Будучи не способными на современном этапе самостоятельно инициировать импульсы модернизации, эти страны критически зависят от связей с внешним миром на региональном и глобальном уровнях. Преобразования в этом регионе будут в значительной степени определяться трансформацией, проходящей на региональном уровне, т. е. результатами включения каждой конкретной страны в пространство притяжения того или иного геоэкономического центра силы. Пять постсоветских государств — Украина, Молдавия, Грузия, Армения и Азербайджан, став объектами Европейской политики соседства, заявляют об избранном ими европейском векторе развития, что потребует от них (и уже сегодня является условием подписанных с ЕС Планов действий) реформирования экономики и права по евроатлантическим правилам и стандартам. В принципе сохраняется вероятность выращивания мощного, притягательно-

го для ряда участников СНГ центра силы в составе России, Казахстана и Белоруссии в результате реализации договоренностей о формировании до 2011 г. таможенного союза в рамках «тройки». Решение этой задачи, однако, критически зависит от того, сможет ли новый центр продуцировать импульсы модернизации в регионе³⁴. В случае неудачи данного проекта велика вероятность окончательного закрепления на периферии мирового развития большой группы постсоветских государств.

Россия существует сегодня вне определенного статуса: она не укладывается в рамки традиционного национального государства ввиду масштабов территории и сохраняющегося мощного ядерного потенциала, и посему не может быть «реструктурирована под себя» одним из геоэкономических центров силы. В последние годы с очевидностью наблюдается стремление руководства страны восстановить статус России как «страны-системы», что потребует от нее централизации ресурсов и власти, нахождения своего места в международном разделении факторов производства.

Принципиально разное позиционирование в планетарной системе, выстраиваемой геоэкономическими центрами притяжения, приводит к тому, что по форме одинаковые экономические процессы, протекающие в различных группах посткоммунистических стран, наполняются существенно разным содержанием. Приведу лишь один пример. В научной литературе много говорится о позитивной роли иностранных инвестиций в трансформации экономической системы посткоммунистических государств. Статистика свидетельствует, что во всех посткоммунистических странах наблюдается значительное присутствие иностранных инвесторов. По отдельным годам в странах ЦВЕ ПИИ достигали 20% (Эстония,

34. Сегодня Россия обеспечивает 2,6% мирового ВВП, 2,3% общемирового совокупного и 0,5% высокотехнологичного экспорта. Страна находится на 62-м месте по рейтингу конкурентоспособности, представленному Всемирным экономическим форумом (World Economic Outlook. 2007. October / International Monetary Fund / P.209).

2005 г.), а в странах СНГ 50% ВВП (Азербайджан, 2003 г.). Сыграли они огромную роль и в Китае, в частности в создании экспортного потенциала, сосредоточенного на 90% в пяти свободных экономических зонах, принявших 85% всех иностранных инвестиций. Однако если в первом случае мы можем говорить об иностранных инвестициях как инструменте интеграции экономики стран ЦВЕ в общий рынок ЕС, в случае стран СНГ – о захвате иностранным капиталом отдельных, связанных прежде всего с разработкой природных ресурсов отраслей (а порой и отдельных предприятий), то применительно к современному Китаю речь должна идти об иностранных инвестициях как следствии «силы притяжения имеющихся у страны факторов производства», создающей новую ситуацию «привязки» международного сообщества к государству, обладающему подобной силой³⁵. Реально существующая привязка международного сообщества к Китаю есть своего рода «новая стоимость», создаваемая «силой притяжения факторов производства».

Как видно из сказанного, вопреки широко распространенному в экономической науке мнению, решающим для посткоммунистических государств в ходе трансформации был не выбор одной из стратегий реформирования – «шоковая терапия» либо градуализм, а сознательное либо принудительное попадание в сферу модернизационного и политического влияния того или иного центра силы либо существование вне его, что, безусловно, не отрицает важности выстраивания

35. По мнению китайских обществоведов, используемое в научной литературе страны понятие «сила притяжения факторов производства» не тождественно понятию «привлечение зарубежных инвестиций». Привлечение иностранных инвестиций является одним из инструментов макроэкономической политики принимающего государства; в случае эффективного осуществления данная политика приносит выгоду экономике данной страны. Притяжение же факторов производства есть механизм размещения ресурсов в условиях экономической глобализации. Наличие в какой-либо стране мощной силы притяжения факторов производства влияет на всю глобальную экономику (Yu Keping / Globalization and Autonomy in China / A Paper presented at the Fourth MCRI Globalization and Autonomy Team Meeting at the Munk Centre for International Studies? University of Toronto, 23–25 September 2005. http://www.globalfutonmy.ca/global/position.j.sp?index-PP_Keping_ChinaGlobalization.xml)

«оптимальных траекторий развития» (В. Полтерович³⁶) посткоммунистическими странами.

Возвращаясь к рассмотренному выше вопросу о критериях завершенности переходного периода, можно выдвинуть предположение о том, что стабилизация посткоммунистического государства на орбите планетарной системы, выстраиваемой геоэкономическим центром притяжения, либо формирование страной такой системы самостоятельно, могут рассматриваться в качестве критерия завершенности посткоммунистического переходного периода. Это не исключает даже для стран ЦВЕ, успешно завершивших переходный период в результате присоединения к Европейскому союзу, сохранения значительной специфики в функционировании национальных экономик и институтов политической организации общества. Сказанное подтверждает ранее рассмотренное положение о неопределенности (многовариантности) конечного пункта посткоммунистических трансформаций.

36. Полтерович В.М. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ // Экономическая наука современной России. 2005. №1(28). С. 7–24; Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. Вып. 1.

С.П. Глинкина

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
КАК ФАКТОР СДЕРЖИВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА
В РАМКАХ СНГ¹

После распада СССР Россией предпринимались попытки интегрировать в более или менее широком формате государства постсоветского пространства. Но лишь в годы мирового экономического кризиса 2008–2009 гг., в условиях крупных геополитических сдвигов сразу в нескольких регионах (Европе, Ближнем и Среднем Востоке, АТР) удалось совместно с Белоруссией и Казахстаном осуществить определенный прорыв в этом направлении. Запуск 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС), к которому присоединились Армения и Киргизия, – важный этап на пути реализации евразийского интеграционного проекта.

Согласно ст. 4 Договора о ЕАЭС, основными целями союза являются: 1) стабильное развитие экономик стран-участниц и повышение жизненного уровня населения; 2) формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов; 3) модернизация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобализации. Однако очевидно, хотя официально это и не признается, миссия ЕАЭС состоит в том, чтобы сформировать на постсоветском

1. Материал опубликован: Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества стран СНГ // Экономическое взаимодействие стран СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта: сборник / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 11–32.

пространстве полюс геополитического притяжения. В случае успеха ЕАЭС вокруг России могла бы возникнуть новая геополитическая реальность с особой, отвечающей исторической и культурной специфике региона моделью развития. Региональная интеграция явилась бы тем инструментом, при помощи которого постсоветские государства могли максимально использовать преимущества глобализации и минимизировать ее неизбежные издержки².

Активизировавшийся интеграционный процесс на пространстве СНГ может быть успешным при условии проведения Россией и ее партнерами реалистичной политики, учитывающей многие экономические, политические, социальные и иные факторы, среди которых особое место занимает факт существования на постсоветском пространстве целого ряда конкурирующих между собой интеграционных стратегий и проектов. США, ЕС, Китай прилагают немалые усилия для реализации в данном регионе мира собственных геополитических и геоэкономических интересов, учитывающих огромные сравнительные преимущества региона. Речь прежде всего идет о геополитическом положении стран СНГ. Британский географ и политик Х. Маккиндер (1861–1947) еще в 1904 г. называл огромное внутреннее пространство Евразии осевым регионом мировой политики и истории, считая, что господство над этим пространством может явиться основой для мирового господства³.

Предлагая соседям России альтернативные интеграционные проекты, ведущие мировые игроки (США, ЕС, Китай) объективно сокращают унаследованную постсоветскими государствами взаимозависимость. Одно из проявлений этого – разделение стран пространства СНГ на отдельные группы по внешнеэкономическим и интеграционным приоритетам.

2. Буторина О., Захаров А. О научной основе Евразийского экономического союза / Евразийская экономическая интеграция. 2015. № 2. С. 53.

3. Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории. www.virmk.ru

Европейская стратегия вовлечения стран постсоветского пространства

После осуществления широкомасштабного восточного расширения за счет 13 новых членов в 2004, 2007 и 2013 гг., основным методом влияния ЕС на восточные страны-соседи стало их вовлечение, втягивание в свою орбиту посредством «европеизации», под которой понимаются «процессы создания, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, политических парадигм, стилей, общих норм и убеждений, которые сначала закрепляются в процессе принятия решений на уровне ЕС, а затем транслируются в национальный политический дискурс»⁴.

Инструментом европеизации стран – восточных соседей ЕС стала инициированная Польшей и Швецией и реализуемая с 2010 г. Программа Восточного партнерства (ВП), развивающая Европейскую политику соседства (ЕПС)⁵ применительно к шести странам СНГ – Украине, Белоруссии, Молдавии, Армении, Грузии и Азербайджану. Цель Программы – формирование многостороннего формата взаимодействия стран – участниц ВП между собой и с ЕС-28. Юридическая основа Программы является гораздо более прочной, чем это было в рамках ЕПС. Программа предусматривает заключение странами-участницами и ЕС трех обязательных международных соглашений, среди которых:

- *Соглашение об Ассоциации (Association Agreement)* – политический документ, подтверждающий готовность партнеров из СНГ придерживаться согла-

4. Стрежнева М.В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления. www.portalus.ru. Номер публикации 1228887031.

5. Европейская политика соседства (ЕПС), разработанная Евросоюзом в 2003 г., представляет собой новый подход ЕС к соседним странам, предусматривающий укрепление отношений между ними. Он нацелен на создание зоны безопасности, «кольца дружественных стран» на границах ЕС. ЕПС призвана предоставить странам-соседям возможность более тесного сотрудничества с ЕС в области политики, безопасности, экономики и культуры, при этом не предусматривает их присоединения к европейской интеграционной группировке на правах полноправного членства.

сованной с ЕС внешней политикой, политикой безопасности и обороны, а также принять европейскую систему ценностей. Документ определяет приоритетные области взаимодействия между ЕС и конкретной страной-партнером.

- *Соглашение о создании углубленных и комплексных зон свободной торговли (Deep and Comprehensive Free Trade Areas Agreements — DCFTA)* — документ, определяющий перспективу экономического сближения с ЕС, в частности создание зоны свободной торговли («ЗСТ плюс»). Соглашения, как показывает опыт Грузии, Молдовы и Украины, распространяются практически на все аспекты торговли, в том числе энергоресурсами, услугами, и нацелены на максимально возможную либерализацию торговых отношений, но с соблюдением асимметрии в темпах либерализации, отвечающей состоянию экономик стран-партнеров. Предусматривается сближение всех стандартов регулирования взаимной торговли (технические и санитарные нормы, требования к товарам по маркировке и упаковке и т.п.). После подписания всеми странами соглашений такого типа может возникнуть многосторонняя зона свободной торговли между ЕС и «восточными партнерами», «экономическое сообщество соседей ЕС». Главным условием начала переговоров по заключению соглашений «ЗСТ плюс» стало членство страны — партнера в ВТО.
- *Соглашение о мобильности и безопасности (Mobility and Security Pacts)*, конечным результатом реализации которого должна стать визовая либерализация со стороны ЕС, которой предшествует подписание между ЕС и каждым государством — участником ВП двустороннего соглашения об упрощении визового режима для отдельных категорий граждан, обеспечение в странах-партнерах и на границах этих государств т.н. безопасной среды.

Анализ Программы ВП, а также последовавшей практики ее реализации высвечивает конкурентную природу этой интеграционной инициативы по отношению к евразийскому интеграционному проекту⁶. Так, обязательным условием заключения углубленных соглашений о зонах свободной торговли между «восточными партнерами» и ЕС является их отказ от сотрудничества с Россией в Таможенном союзе, что получило множество доказательств в ходе событий вокруг Украины 2013–2015 гг.

Восточное партнерство предусматривает (и это соответствует сути европеизации) *Комплексную программу по реформированию институтов (Comprehensive Institution-Building Programme)* в странах – участниках ВП. Речь идет об их серьезной трансформации, адаптации к европейским нормам посредством так называемой гармонизации. Понятие «гармонизация» законодательства ВП трактуется органами ЕС, как необходимость согласования правовой системы этих стран с уже действующей в Евросоюзе «нормативной силой», или законодательной базой ЕС – *acquis communautaire*⁷. Фактически речь идет об односторонней политике ЕС по переносу на страны СНГ своей нормативной базы.

Все энергетические проекты и трубопроводные маршруты в рамках Восточного партнерства носят характер альтернативных по отношению к реализуемым и планируемым российским проектам. Их главный лозунг – «энергетическая безопасность Европы», что понимается как сокращение российского присутствия на энергетических рынках стран ЕС и государств – соседей ЕС, якобы для предотвращения угрозы возможного энергетического давления со стороны России.

Потенциальное облегчение визового режима между ЕС и восточными партнерами, подписание соглашений о реадмиссии нелегальных мигрантов, а также обсуждение проектов

6. Косикова Л.С. Восточное партнерство Евросоюза со странами СНГ и интересы России // Россия и современный мир. 2012. №1(74). С. 171–190.

7. Материалы круглого стола «Нормативная сила ЕС на мировой арене» // <http://hse.ru/news/recent/8385679.html>

создания единой системы пограничного контроля приводят к ужесточению пропускного режима на границах России с государствами СНГ. Между тем российская сторона заинтересована в сохранении безвизового пространства в СНГ, дающего немалые преимущества гражданам Содружества и способствующего формированию общего регионального рынка труда.

Привлекательность ЕС для стран СНГ базируется на экономической мощи союза, на предоставлении странам права доступа для их товаров на европейский рынок, на возможности получения из бюджетных средств Евросоюза финансовых ресурсов на разнообразные программы, на перспективе свободного передвижения граждан по Европе. Привлекателен ЕС и в роли сообщества, выстроенного на общих ценностях. В сфере международной политики за пределами собственных границ ЕС эффективен, когда он может использовать свою «мягкую силу», навязывая заинтересованным странам собственные условия присоединения к ЕС или ассоциации с ним. Складывается специфическая ситуация, когда государства постсоветского пространства, в частности участники Программы ВП, находятся и не вне, и одновременно не внутри традиционной политики ЕС. При этом возникает особого рода зависимость постсоветских государств от подвешенной перед ними «морковки» в виде перспективы членства в ЕС, либо (чаще) ассоциации с ним, в результате которой обещается настоящая европеизация стран-кандидатов.

В то же время Евросоюз бывает довольно слаб в отношениях с государствами постсоветского пространства, когда нужно быстро реагировать на чрезвычайные международные события и требуется отстоять мнение, отличное от позиции США по вопросу, в котором Вашингтон может быть «особо заинтересован». В таком случае для постсоветских государств Европейский союз становится «неоимперией», которой им предлагают пассивно довериться»⁸.

8. Стрежнева М.В. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления. www.portalus.ru. Номер публикации 1228887031.

Новый Шелковый путь как инструмент формирования Соединенными Штатами Америки особого мегарегиона Центральной Азии

В июле 2011 г. США представили мировому сообществу стратегию Нового шелкового пути (СНШП), которая должна была стать альтернативой существующим или потенциальным региональным объединениям с участием России, Китая и Ирана в Центральноазиатском субрегионе. Поставлена задача создания в результате объединения Центральной и Южной Азии нового мегарегиона, сплоченного на основе углубления экономических, энергетических и транспортно-коммуникационных связей между странами Центральной Азии, с одной стороны, и Афганистаном, Пакистаном и Индией – с другой.

СНШП включает в себя развитие торговых связей, транспортный коридор по маршруту Центральная Азия – Афганистан – Южная Азия; запуск газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ); предусматривает энергопоставки из стран Центральной Азии в Афганистан и Южную Азию (проект CASA-1000) и др. Стратегия реализуется через страны региона, региональные экономические механизмы и программы сотрудничества при поддержке международных организаций.

Исторически транспортная и энергетическая инфраструктура постсоветских государств ЦА была развернута на Россию. Очевидной задачей вновь реализуемых при содействии США проектов является создание транспортных коридоров, линий энергопередач стран ЦА (Киргизии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана), сориентированных на юг (Афганистан, Пакистан, Индию).

Белый дом делает упор на поощрение как правительственных, так и неправительственных организаций ряда стран постсоветского пространства (прежде всего Таджикистана, Киргизии, Туркмении и Узбекистана) в проведении неоли-

беральных реформ, которые выгодны США, противодействуя при этом любым интеграционным процессам в регионе, будь то российско-центральноазиатские отношения либо увеличение иранского присутствия. Американские инициативы вносят раскол между главными претендентами на лидерство в субрегионе – Казахстаном и Узбекистаном; предлагают Казахстану, одному из трех основателей проекта евразийской интеграции, альтернативные пути интеграции⁹; блокируют любые попытки государств ЦА создать собственную субрегиональную группировку.

США никогда не скрывали своего неприятия любых проектов интеграции даже с участием ограниченного числа государств постсоветского пространства, что проявилось и в связи с реализацией евразийского интеграционного проекта. Об этом, в частности, недвусмысленно заявила бывший Госсекретарь США Х. Клинтон незадолго до своей отставки и всего за несколько часов до встречи с главой российского МИД С. Лавровым 6 декабря 2012 г. на пресс-конференции в Дублине. «Сейчас предпринимаются шаги по ресевтелизации региона, – сказала она. – Называться это будет иначе – Таможенным союзом, Евразийским союзом и так далее. Но не будем обманываться. Мы знаем, какова цель этого и пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это. Тревожит, что, спустя 20 лет после постсоветской эпохи...исчезают многие из показателей прогресса, на которые мы надеялись...Мы пытаемся бороться, но это очень сложно»¹⁰.

Очевидно, что с геоэкономической и геополитической точек зрения реализация проекта Нового шелкового пути означает выстраивание США механизмов конкуренции

9. Не секрет, что в Казахстане сегодня не только оппозиционные силы, но и президент Н. Назарбаев заявляют о возможности и выгодах участия Астаны не только в ЕАЭС, но и в Тюркском союзе – проекте Турции и США, направленном на объединение стран Великого Шелкового пути, т.е. Киргизии, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Азербайджана, Турции и Турецкой Республики Северного Кипра.

10. Financial Times. 2012, Dec. 7.

с Россией, Китаем и Ираном в Центральноазиатском регионе. Американские эксперты в связи с развитием евразийской интеграции откровенно высказывают опасения по поводу того, что «новая авторитарная сфера влияния России» может еще больше ограничить доступ США и НАТО к морским и сухопутным путям в регионе, а «это не то, чего хотят США и НАТО»¹¹.

Китайская стратегия освоения постсоветского пространства

За последние годы сильно выросло влияние Китая на постсоветское пространство. КНР пристально следит за сложной и переменчивой ситуацией в Евразийском регионе, придерживаясь дипломатического курса по двум направлениям. Прежде всего «держат крупное – отпустить мелкое», т. е. поддерживать прочные отношения с крупными странами – членами СНГ. Кроме того, продвигаться «от ближнего к дальнему», т. е. сначала установить дружественные отношения с сопредельными странами – участницами СНГ, а затем развивать связи с другими государствами, которые имеют особенно важное стратегическое значение для Китая¹².

Китайское руководство всегда признавало, что «СНГ является традиционной сферой влияния РФ, к любым внешним силам здесь Россия очень чувствительна, и КНР не является исключением. Эта реальность, – по мнению китайских специалистов, – значительно осложняла продвижение политики Китая в СНГ»¹³. Именно поэтому, как отмечают китайские обществоведы Ван Шуцунь и Вань Чинсун, «темпы укрепления влияния Китая в рамках СНГ не должны были быть слишком быстрыми – в противном случае его политика была бы обречена на провал». «Для начала, – писали они, – мы должны взяться за экономику, постепенно расширяя

11. Дмитриев П. Угрожают ли США проекту евразийской интеграции? http://ruskline.ru/opp/2013/07/09/ugrozhayut_li_ssha_proektu_evrazijskoj_integracii.

12. Шуцунь В., Чинсун В. СНГ и современная политика Китая // Свободная мысль. 2012. № 5–6.

13. Там же.

доступ в СНГ, более широко использовать многосторонние механизмы, укреплять роль Шанхайской организации сотрудничества, устранять настроение враждебности России к китайской политике и добиваться максимального успеха при минимальных издержках»¹⁴.

Учитывая нарастающую гетерогенность постсоветского пространства, проникновение в регион сил Запада во главе с США, а также ослабление ранее доминирующего влияния России, Китай считал возможным и желательным осуществление в перспективе скоординированной с Россией политики в СНГ. Как писали цитируемые выше китайские ученые, «Китай должен разработать активную политику в отношении стран СНГ с учетом содержания китайско-российских отношений стратегического взаимодействия и партнерства, стратегических интересов, а также в соответствии с текущей ситуацией в странах Содружества»¹⁵.

Исходя из расстановки политических сил вокруг постсоветского пространства, уже в начале нового тысячелетия китайским руководством была разработана многоуровневая, поэтапная и тщательно выверенная стратегия по освоению постсоветского пространства.

В этой стратегии ведущее место занимает *двустороннее сотрудничество Китая с целым рядом постсоветских государств*, среди которых Россия, несомненно, является для КНР наиболее важной страной. Продолжают укрепляться взаимопонимание и взаимное доверие между странами, свидетельством чего являются многочисленные встречи руководителей государств на самом высоком уровне. Достигнуты впечатляющие результаты в практических областях взаимодействия: созданы межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству и подкомиссия по сотрудничеству в сфере сельского хозяйства, по линии заместите-

14. Шуцунь В., Чинсун В. СНГ и современная политика Китая // Свободная мысль. 2012. № 5-6.

15. Там же.

лей глав правительств проведено рекордное число взаимных визитов.

Энергетический сектор, безусловно, является локомотивом экономического взаимодействия России и КНР. Здесь страны последовательно движутся к формированию стратегического альянса, который не только имеет ключевое значение для дальнейшего укрепления двустороннего сотрудничества, но и призван играть важную роль в мировой энергетике. В 2014 г. были достигнуты прорывные успехи в газовой сфере. В ходе визита Президента РФ в КНР заключен контракт на поставку в Китай по восточному маршруту 38 млрд куб. м российского природного газа в год в течение 30 лет. Для реализации этого проекта начато строительство газопровода Сила Сибири. В ноябре 2014 г. сторонам удалось зафиксировать рамочные договоренности по поставкам газа по западному маршруту.

Двусторонние экономические связи не ограничиваются энергетикой. Весьма динамично развивается сотрудничество в таких высокотехнологичных сферах, как авиастроение, космос, ядерная энергетика. За последние годы удалось серьезно продвинуться в финансовой области. Расширяются расчеты в национальных валютах, подписан документ о валютном свопе. Развитие многоотраслевого сотрудничества непосредственно сказывается на товарообороте, который растет, начиная с 2000 г. И даже в 2014 г., несмотря на непростую ситуацию в мировой экономике, странам удалось избежать снижения взаимного товарооборота. По итогам 2014 г. оборот российско-китайской торговли составил 95,3 млрд долл. Китай уверенно занял 1-е место среди торговых партнеров России, а Россия среди партнеров Китая находилась на 9 месте¹⁶.

16. На фоне впечатляющего роста взаимного товарооборота для России вырисовываются и определенные проблемы. Так, вплоть до 2007 г. торговый баланс складывался в пользу России. Затем отрицательное для РФ сальдо стало быстро увеличиваться (2007 г. — 8,5 млрд долл., 2010 — 18,7 млрд долл.). Некоторое снижение дисбаланса наблюдается в 2014 г. на фоне роста российских энергетических поставок, когда он составил 12,1 млрд долл. Наряду с количественным

В новом тысячелетии Китай увеличил свою долю в российских накопленных прямых инвестициях более чем в 5 раз, став вторым после ЕС инвестиционным партнером РФ, Россия же находится лишь на 5 месте среди иностранных инвесторов в Китае. При этом отрыв от лидеров огромен.

Наряду со всесторонним сотрудничеством с РФ Китай стремится развивать двусторонние отношения с другими странами — членами СНГ. Китай перешел к стратегии укрепления двусторонних связей в регионе, действуя точечно, тщательно изучая ситуацию в каждой из стран СНГ. В сфере безопасности важнейшими для КНР партнерами на постсоветском пространстве, наряду с Россией, являются Казахстан, Киргизия и Таджикистан. В сфере экономики — это Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Азербайджан, Белоруссия и Украина, страны, обладающие либо богатыми энергетическими ресурсами, либо значительным военным потенциалом, и, следовательно, в силу этого играющие важную роль в экономическом развитии Китая и модернизации национальной обороны страны.

В региональном разрезе особое место в стратегии Китая на постсоветском пространстве занимают страны Центральной Азии. В 1992 г., когда были установлены дипломатические отношения между Китаем и пятью странами ЦА, совокупный товарооборот Китая с этим регионом составил лишь 460 млн долл. Спустя 20 лет (в 2012 г.) этот показатель достиг почти 46 млрд долл., увеличившись в 100 раз¹⁷. Вплоть до 2014 г. ежегодный приток прямых иностранных инвестиций из КНР в постсоветские страны ЦА значительно превышал их объемы в Российскую Федерацию (табл. 1) и лишь в 2014 г. ситуация изменилась в пользу России.

дисбалансом существует дисбаланс структурный. К 2014 г. в российском экспорте в Китай практически полностью исчезла продукция обрабатывающей промышленности, преобладают минеральные продукты, доля которых увеличилась с 10,9% в 2001 г. до 63,4% в 2014 г., в то время как китайский экспорт более чем на 60% состоит из готовых изделий.

17. Концепция создания «экономического коридора вдоль Великого шелкового пути» послужит движущей силой для комплексного сотрудничества в Евразии // По материалам Агентства Синьхуа, 2013, 24 октября.

Таблица 1. Приток прямых инвестиций Китая в страны Центральной Азии и Россию (млн долл.)

Год	Казахстан	Туркмения	Узбекистан	Таджикистан	Киргизия	ЦА	Россия
2006	276,24	0,16	14,97	30,28	124,76	446	470
2007	609,93	1,42	30,82	98,99	139,75	881	438
2008	1 402,30	88,13	77,64	227,17	146,81	1 942	240
2009	1 516,21	207,97	85,22	162,79	283,72	2 256	410
2010	1 590,54	658,48	83,00	191,63	394,32	2 918	594
2011	2 858,45	276,48	156,47	216,74	525,05	4 033	568
2012	4578,23	178,25	187,23	124,4	353,47	5422	660
2013	5623,76	342,14	132,07	205,65	302,98	6706	4080
2014	4382,38	234,6	145,13	166,9	278,56	5208	8000

Источник: Ежегодный статистический бюллетень о прямых зарубежных инвестициях Китая 2015; Данные министерства коммерции Китая.

За период с 2004 по 2014 г. доля Китая выросла как в экспорте, так и в импорте практически всех стран ЦА. Страна стала самым крупным торговым партнером Казахстана и Туркмении, вторым для Узбекистана и Кыргызстана и третьим для Таджикистана. КНР закрепила за собой статус крупнейшего импортера России, важного поставщика оборудования и возможного участника логистических цепочек по доставке товаров. При этом доля России за обозначенный период сократилась в экспорте и импорте Казахстана и Туркмении, в экспорте Таджикистана и импорте Узбекистана. С очевидностью происходит вытеснение России Китаем из постсоветских государств Центральной Азии, а также, как свидетельствуют данные табл. 2, и из кавказских республик.

Таким образом, провозглашению Китаем в 2013 г. интеграционной стратегии под названием «Экономический пояс шелкового пути» (ЭПШП) предшествовала многолетняя работа по формированию широких и устойчивых экономических связей между КНР и государствами постсоветского пространства, прежде всего со странами Центральной Азии — сердцем континентального ЭПШП.

Таблица 2. Поворот в торговле стран Кавказа и Центральной Азии (КЦА) от России к Китаю, % от ВВП КЦА

Показатель	2000	2012
Экспорт нефти и газа в Китай	0,3	2,6
Экспорт нефти и газа в Россию	4,6	0,2
Сельскохозяйственный и сырьевой экспорт в Китай	0,8	3,3
Сельскохозяйственный и сырьевой экспорт в РФ	4,7	0,8
Импорт готовой продукции из Китая	1,3	6,2
Импорт готовой продукции из России	14,5	8,5
Экспорт готовой продукции в Китай	2,7	3,3
Экспорт готовой продукции в Россию	5,5	3,0

Источник: World Economic and Financial Surveys. Regional Economic Outlook: Middle East and Central Asia, October 2014. P. 93.

После XVIII съезда КПК (8–12 ноября 2012 г.) с очевидностью меняются внешнеполитические приоритеты Китая. В выступлениях на Рабочем совещании по периферийной дипломатии (октябрь 2013 г.) и Центральном рабочем совещании по вопросам иностранных дел (ноябрь 2014 г.) Председатель КНР Си Цзиньпин определяет китайскую дипломатию как характерную для «большого государства». Такая формулировка предполагает иной, нежели это было до сих пор, уровень ответственности и иную степень вовлеченности страны в решение глобальных проблем. При этом в списке приоритетных направлений первым теперь называется периферийная дипломатия, т. е. развитие связей КНР с соседями по региону. Ранее на этом месте были отношения с США и другими «большими государствами».

«Эти перемены, — как считают эксперты МГИМО, — связаны не только с некоторым разочарованием темпами строительства «отношений нового типа» с Вашингтоном, но и с осознанием того, что преодолеть американскую стратегию сдерживания Китай может лишь в том случае, если построит собственную сеть партнерских дружественных государств. Противовес американской стратегии возвращения в Азию

Китай видит в первую очередь в «наступлении на Запад» — то есть как раз в усилении своего влияния по маршруту «нового Шелкового пути»¹⁸.

Предложенная Китаем интеграционная стратегия ЭПШП во многих аспектах (принципы и механизмы организации взаимодействия между участниками, состав участников, финансовые возможности и др.) выигрышно отличается от Программы восточного партнерства ЕС и проекта ЕАЭС. Проект базируется на стратегической координации партнеров, взаимодействие между которыми, как видно из приведенных выше данных, сложилось естественным путем. В силу этого бумажные договоренности играют здесь не основную роль. ЭПШП — не обязательная, не принудительная схема интеграции. Участие в реализации программы добровольное. Принцип «кто не с нами, тот против нас» здесь не действует.

Принято говорить, что за интеграцию должно платить наиболее сильному участнику. Для КНР в случае с ЭПШП это не так или не совсем так. Реализация программы Экономического пояса Шелкового пути для Китая — «Открытие самого себя». Стратегия предусматривает освоение и развитие западных районов страны (Нинся-Хуэйский и Синьцзян-Уйгурский автономные районы, провинции Шэньси, Ганьсу и Цинхай) с целью обретения большей сбалансированности экономики КНР. «Открывая себя», Китай создает инфраструктурную и промышленную базу для ускорения движения вовне. На этапе достижения Китаем такой степени развития, когда для него важнее не заманивать инвесторов к себе, а осуществлять экспорт капитала по всему миру, в том числе в Евразии, наступает переход, по китайской терминологии, от «входа» к «выходу». Инвестирование в инфраструктуру за рубежом объективно будет расширять экспортные рынки Китая, обеспечивать высокую отдачу от инвестирования золотовалютных резервов, станет дополнительным каналом интернационализации китайской валюты.

18. Шелковый путь Китая 2015. <http://www.mgimo.ru/news/experts/document268139.shtml>

Таким образом, речь идет об использовании интеграционных возможностей в интересах развития китайской национальной экономики.

Реализация крупномасштабной интеграционной стратегии позволяет Китаю решить целый ряд важных задач.

Во-первых, создать современную, безупречно функционирующую транспортно-логистическую систему, которая объединит Китай и страны ЦА, обеспечит быструю и эффективную связь КНР с Африкой и Европой.

Во-вторых, постепенно должно произойти снижение, а затем и полная ликвидация торговых и инвестиционных барьеров между участниками ЭПШП. По итогам реализации проекта может быть создана масштабная зона свободной торговли от северо-западных провинций Китая, Центральной Азии до Центральной и Восточной Европы. На Саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. прозвучала идея подключения ЭПШП к более широкому проекту создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли. Формат ЗСТ теоретически способствует раскрытию торгового и инвестиционного потенциалов всех стран-участниц, ускорению движения капитала внутри формирующегося пространства. Однако, как показывает практика, наибольшие выгоды при этом получает сильнейший, т.е. Китай.

В-третьих, в перспективе планируется создание семи коридоров на евразийском континенте – транспортного, энергетического, торгового, информационного, научно-технического, аграрного, туристического, что существенно повысит роль Евразии в мировой экономике и политике, позволит Китаю использовать сближение стран ЦА и Кавказа с Евросоюзом для собственного выхода на рынки объединенной Европы.

В-четвертых, в ходе реализации проекта решается тесно связанная с предыдущими задача усиления многостороннего сотрудничества в финансовой сфере, обеспечения бесперебойного денежного обращения, гармонизации валютных систем стран-участниц. В интересах решения этой задачи предполагается создать сеть региональных финансовых орга-

низаций развития и оптимизировать движение финансовых потоков, широко использовать практику расчета при реализации инфраструктурных проектов в национальных валютах. В условиях нестабильности и несовершенства существующей на сегодняшний день мировой валютно-финансовой системы такое сотрудничество может существенно облегчить положение развивающихся государств.

Китай, поставивший перед собой задачу из мировой фабрики превратиться в инновационного гиганта, для стран — участников проекта ЭПШП становится центром, продуцирующим модернизационные импульсы. Быстро растет доля высокотехнологичной продукции в экспорте Китая. При этом страна обладает огромными финансовыми ресурсами, которые могут быть использованы в рамках реализуемой интеграционной стратегии. Уже сегодня, как было показано выше, Китай предоставляет значительные льготные кредиты странам ЦА, в чем они жизненно заинтересованы.

В крайне сжатые сроки началось формирование финансовой базы проекта. Создан «Фонд Шелкового пути» в размере 40 млрд долл., а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с капиталом в 100 млрд долл. Совокупные средства этих двух финансовых институтов сравнимы с капиталом Азиатского банка развития (действующего в интересах Японии); составляют чуть менее объема средств, которыми располагает Всемирный банк, и всего в два с половиной раза меньшим капиталом, которым оперирует Международный валютный фонд (МВФ). Как известно, политику двух последних институтов определяют США.

14 апреля 2015 г. Россия стала учредителем АБИИ, став 58 участником организации, в которую вошли такие традиционные союзники США и Японии, как Австралия, Южная Корея, Израиль и Великобритания. Членами Банка стали все постсоветские государства, лежащие на маршруте «Нового Шелкового пути», в частности Азербайджан, Армения, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Важным финансовым источником проекта становится частный капитал. Китайской стороной проведены переговоры с потенциальными частными инвесторами и достигнуты предварительные договоренности об инвестировании ими в проекты ЭПШП до 2025 г. до 8 тран. долл. На реализацию проекта мобилизована китайская банковская система, которая открывает специальные кредитные линии под проекты ЭПШП.

Китайская интеграционная стратегия, которая объединяет как сухопутную, так и морскую части, принимает масштабы глобального проекта, охватывающего страны, в которых проживает почти две трети жителей Земли, создается треть мирового ВВП. Речь идет главным образом о развивающихся государствах, чьи интересы слабо учитываются существующими институтами глобального управления и чей потенциал может быть существенно более эффективно использован в рамках новых моделей взаимоотношений, которые предлагает стратегия ЭПШП.

Реализация проекта ЭПШП на декларируемых Китае принципах (развитие дружественных, взаимовыгодных связей, поиск взаимопонимания между участниками проекта, «мораль выше интересов» как основной лозунг сотрудничества) означала бы, что впервые в истории человечества объективное доминирование одной из держав достигнуто не на путях противоборства, войн и конфликтов, а в результате глобальной экономической экспансии. Для Китая это новый этап и важнейший инструмент осуществления государственной политики в отношении государств постсоветского пространства, на котором КНР имеет свои политические, экономические интересы и интересы обеспечения национальной безопасности. От преимущественно двусторонних связей в отношениях с государствами СНГ Китай переходит к стратегии активизации многосторонних форматов сотрудничества, наглядным примером чего является усиление роли и значения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Китай еще в 2003 г. предложил программу многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС. Однако торгово-экономические связи государств – членов ШОС вплоть до последнего времени оставались на двустороннем уровне. Китаем предпринимались попытки расширить экономическую составляющую деятельности ШОС, ставился вопрос о создании многосторонней зоны свободной торговли в рамках организации, Банка и Фонда ШОС, однако эти инициативы наталкивались на серьезное противодействие со стороны России. Инициатива создания ЗСТ рассматривалась РФ как заведомо проигрышная для нашей страны. И лишь на Саммитах ШОС в Бишкеке (июль 2014 г.) и в Уфе (июля 2015 г.) достигнут исторический прорыв в этом вопросе – ШОС превращается в важнейший институт и инструмент реализации китайской стратегии ЭПШП. Реализация китайской интеграционной стратегии, по мнению китайских экономистов, «окажет огромное влияние на процесс экономической интеграции в рамках ШОС, поможет Китаю и далее расширять доступ на рынки СНГ, будет содействовать устойчивому экономическому развитию и создаст условия для формирования зоны свободной торговли в границах стран – членов ШОС»¹⁹.

Какова в новых условиях судьба евразийского интеграционного проекта? Оценки экспертов разнятся от безграничного оптимизма до полного пессимизма. Китайские экономисты В. Шучунь, В. Чинсун, признают, что «с точки зрения логики охват большого географического района и частичное дублирование функций в определенной степени определяют конкурентные отношения между двумя проектами (ЕАЭС и ЭПШП, – *Авт. С.Г.*). Тем не менее, мы считаем, что их отношения в значительной степени будут зависеть от того, как Россия и Китай договорятся»²⁰.

19. Шучунь В., Чинсун В. Проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? / Observer. 2014. № 10.

20. Там же.

8 мая 2015 г. председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом России В.В. Путиным подписано Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути²¹. Первым и главным пунктом документа является взаимная поддержка – Россией ЭПШП, а Китаем – евразийской интеграции. Стороны договариваются о необходимости начать переговоры между КНР и ЕАЭС о торгово-экономическом сотрудничестве.

Подписанное между Президентом РФ и Председателем КНР совместное Заявление о сопряжении проектов ЕАЭС и ЭПШП пока вызывает больше вопросов, чем дает разъяснений по поводу конкретных форм сопряжения. Не до конца ясным остается и само понятие «сопряжение». В.В. Путин по итогам переговоров с китайской стороной заявил о том, что «по сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающий общее экономическое пространство на всем Евразийском континенте²²». О перспективе создания общего пространства ШОС и ЭПШП в сентябре 2013 г. говорил и Си Цзиньпин. Однако если вспомнить ныне, видимо, похороненную идею Общеввропейского экономического пространства, решение о формировании которого было принято Россией и ЕС в 2003 г., нельзя не признать, что вопрос о содержании понятия «общее пространство» оказался не до конца проработанным даже на теоретическом уровне. ЕС настаивал на заимствовании Россией европейского законодательства, норм и регламентов, Россия же говорила о четырех свободах (свободном движении товаров, услуг, капиталов и граждан). Видимо, и в случае с Китаем перспектива общего экономического пространства – дело сложное, на пути его формирования необходимо решить множество ныне непростых

21. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. www.kremlin.ru

22. Пресс-конференция по итогам саммитов БРИКС и ШОС 10 июля 2015 г. www.kremlin.ru

для обеих сторон (ЕАЭС и Китая) проблем. Так, с очевидностью, страны – члены ЕАЭС не готовы к созданию зоны свободной торговли с Китаем, о чем неоднократно применительно к себе заявляла Россия. Проблема расширения китайской миграции вызывает негативную реакцию и в России, и в Киргизии, и в Казахстане. Евразийский проект интересен странам-участницам прежде всего как инструмент активизации процессов реиндустриализации и модернизации их экономик. Появление же у Китая в результате реализации стратегии ЭПШП современной инфраструктуры доставки производимых в КНР товаров на рынки государств Центральной Азии и России и через них в Европу в лучшем случае обострит конкуренцию между КНР и постсоветскими государствами, а с большой вероятностью блокирует их попытки возрождения национальной обрабатывающей промышленности. При этом даже закрытый характер евразийской интеграционной группировки не обеспечит им должной защиты от дешевого китайского импорта. Перенос же Китаем в страны ЦА ряда производств²³ (нередко грязных либо базирующихся на отсталых технологиях) едва ли можно рассматривать как инструмент реальной реиндустриализации.

ЭПШП уже на этапе проработки проектов усиливает конкуренцию среди стран-членов ЕАЭС. Так, серьезное соперничество разворачивается между Казахстаном и Россией за право стать основным транзитным путем китайских транспортных проектов.

Таким образом, несмотря на высказываемые китайской стороной привлекательные идеи, в частности о необходимости совместного соразвития евразийского пространства, учитывающего интересы континентальных держав, нельзя не видеть и возникающих в связи с реализацией проекта ЭПШП рисков. Настораживает и тот факт, что США, долгое время

23. Казахстан поддержал предложенную КНР программу по переносу производственных мощностей на свою территорию. Китай, в частности, готов открыть на территории Казахстана заводы по производству стекла, цемента и переработке сельхозпродукции.

критиковавшие ШОС как инструмент китайской экспансии, вдруг очень положительно заговорили об ЭПШП. Так, в марте 2015 г. заместитель госсекретаря Энтони Блинкен заявил, что китайская инициатива «полностью стыкуется» с американской политикой в регионе²⁴. И это заявление делается на фоне однозначно отрицательного отношения США к любым попыткам реинтеграции постсоветского пространства с участием России. Видимо, прав эксперт МГИМО Игорь Денисов, говоря, что «Китай, возможно, и не против американских экономических интересов в ЦА, но он явно не хочет «полной стыковки» в вопросах безопасности, поскольку не солидаризуется с американской политикой в регионе и понимает, что принципиально ситуация в континентальной Центральной Азии мало будет отличаться от Тихоокеанского региона, где США стремятся сдерживать Китай».

Вынужденным или выверенным является разворот России в сторону стратегического партнерства с Китаем, осуществляемого в крайне сжатые сроки? Многие эксперты считают, что эти шаги все же в большей степени вынужденные. Как писал директор Московского центра Карнеги — политолог Дмитрий Тренин, «Евразийский союз не стал достаточной компенсацией негативному повороту в отношениях с Европой и Америкой. При всем общем позитивном значении интеграции с Беларуссией и Казахстаном, к которым присоединилась Армения и Киргизия, на долю этих стран приходится примерно 7% торгового оборота РФ. Значение политической и военной поддержки, которую Астана, Минск и другие готовы оказать Москве, не стоит преувеличивать. Ни одна из этих столиц не признала не только присоединение Крыма к России, но даже независимость Абхазии и Южной Осетии. В этих условиях значение поддержки России со стороны Китая, Индии, Бразилии, ЮАР, Ирана и других стран очевидно возрастает. После неудачных попыток интеграции России в евроатлантический Запад и очень скромных резуль-

24. Цит. по: Денисов И. Дежурные по Евразии. www.mgimo.ru/news/experts/document271202phtml

татов интеграции стран СНГ вокруг России у Москвы остался фактически единственный вариант международного позиционирования — в качестве части глобального Незапада»²⁵.

Как показал анализ, геополитическое соперничество, развернувшееся на постсоветском пространстве, является реальным и очень важным фактором, детерминирующим масштабы, динамику и формы сотрудничества на постсоветском пространстве. Жертвой этого сотрудничества стало СНГ, деятельность которого фактически парализована. Процесс реформирования постсоветского пространства продолжается, и его важными участниками, наряду с постсоветскими государствами, выступают внешние силы, в частности США, ЕС и Китай. Причем роль последнего устойчиво возрастает.

25. Дмитрий Тренин. Сможет ли Россия стать равной странам Востока // Ведомости. 2015. 6 июля.

ЕВРОПЕЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю.К. Князев¹

СТРАНЫ ЦВЕ: ОТ ЕВРОАТЛАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ К САМОИЗОЛЯЦИИ ОТ РОССИИ

Аннотация. Евроатлантическая интеграция стран ЦВЕ началась с вступления их в НАТО и Европейский союз и означала принятие ими стандартов и ценностей западного мира. Наряду с некоторыми успехами в экономическом развитии эти страны стали испытывать трудности в политической, международной, хозяйственной и социальной сферах по мере нарастания кризисных явлений в Евросоюзе и обострения геополитической ситуации. После начала СВО на Украине был взят курс на изоляцию России с целью нанесения ей непоправимого ущерба, но он фактически привел к самоизоляции Запада, так как большинство стран мира продолжают сотрудничество с нашей страной, сумевшей адаптироваться к антироссийским санкциям и внешнему давлению и перейти на самостоятельный путь развития.

Ключевые слова: страны ЦВЕ, евроатлантическая интеграция, самоизоляция Запада, возрождение России.

Yuri K. Knyazev²

CEE COUNTRIES: FROM EURO-ATLANTIC INTEGRATION TO SELF-ISOLATION FROM RUSSIA

Abstract. Euro-Atlantic integration of CEE countries began after their joining NATO and the European Union. It means they have adopted standards and values of Western world. Together with some successes in economic development, these countries began to meet difficulties in political, foreign, economic and social spheres during crises in EU and geopolitical aggravations. After SMO in Ukraine, the course to isolate Russia and to cause irreparable damage carried out. Nevertheless, in fact it led to self-isolation of western world because the majority of states continue to cooperate with our country, which succeeded in adoption to Anti-Russian sanctions and foreign pressure and began its independent development.

Keywords: CEE countries, Euro-Atlantic integration, Self-Isolation of Western world, Russia regeneration.

-
1. Юрий Константинович Князев, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; kyuk151@rambler.ru.
 2. Yuri Konstantinovich Knyazev, Doctor of Economics, Chief Researcher of the Center for Eastern European Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»; kyuk151@rambler.ru.

Путь в евроатлантическую интеграцию

Страны Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), представляющие собой западный ареал российского пояса соседства, избрали путь скорейшей интеграции в Европейский союз (ЕС) и НАТО сразу же после прекращения действия оборонительного Варшавского договора (ОВД) и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). С распадом Советского Союза у этих стран появилась возможность установить политические и экономические отношения с Россией и другими постсоветскими государствами на новой равноправной и взаимовыгодной основе. Якобы уставшие от длительных тесных связей с авторитарным и слишком крупным восточным соседом, страны ЦВЕ оказались в ситуации, когда они, наконец, могли сполна насладиться обретенной ими свободой и развиваться как самостоятельные государства. Однако этого не случилось. Вместо укрепления собственного суверенитета они дружно провозгласили курс на вступление в Евросоюз, который предполагал обязательное предварительное присоединение к НАТО. В результате почти все страны этого региона попали в лоно евроатлантической интеграции и вынуждены следовать политическим установкам, экономическим стандартам и поведенческо-культурным ценностям, навязываемым из Брюсселя и Вашингтона.

Сделанный странами ЦВЕ выбор можно объяснить не только их неуверенностью в собственных силах и многовековой склонностью искать опору в союзе с более сильным партнером, но и стремлением связать себя с более успешным и богатым миром, от пребывания в котором они рассчитывали получить немалую материальную выгоду. Таких возможностей не могла в тот период предоставить Россия, оказавшаяся в глубоком кризисе после распада СССР с разрушенной экономикой и невнятной политикой по отношению к своим соседям. Сыграл свою роль и начавшийся переход постсоциалистических стран к рыночной экономике, который объективно толкал их, включая Россию, к использованию опыта и прямому заимствованию практики более развитого мира. Вступление в Европейский союз гарантировало успешный ход

экономических реформ и системных преобразований на пути от социализма к капитализму. Весьма привлекательной была и оказывавшаяся техническая и финансовая предвступительная помощь, как и дальнейшая возможность получать денежные вливания из многочисленных фондов ЕС, содействующих политике сплочения.

Вступление в Европейский союз и НАТО означало для стран ЦВЕ не только их экономическую интеграцию, но и участие в более широкой военной и политической ассоциации трех десятков государств, получившей название «евроатлантизм». Идея атлантизма применительно к Северной Атлантике преследовала цель предотвратить расширение советского влияния на Западную Европу. Свое практическое воплощение она нашла в реализации плана Маршалла по экономическому восстановлению послевоенной Европы и в создании военно-политического блока НАТО³. В политологическом обиходе широко использовался также термин «евроатлантическая цивилизация», под которым понималась политическая, экономическая и военная общность государств Северной Атлантики и Европы на основе общих ценностей демократии, индивидуальной свободы и прав человека.

Экспансия евроатлантизма стала одним из главных трендов мирового развития в послевоенный период. Первоначальная цель объединения в военный блок под эгидой США только североатлантических государств, включая средиземноморских, была в дальнейшем распространена на всех вступающих в Европейский союз стран Центрально-Восточной Европы.

С момента создания НАТО в 1959 г. прошли пять волн расширения этого блока на восток, результатом чего было включение в эту военную организацию трех граничащих с Россией республик бывшего СССР (прибалтийских стран), всех государств, входивших ранее в Организацию Варшавского договора, и четырех из шести бывших респу-

3. *Straus I.* Atlanticism as the core 20-th century US strategy for international policy. Strait Council. 2005. June; *Dunne T.* When the shooting starts: Atlantism in British security strategy. International Affairs. 2004. Vol. 80. № 5; *Dealder U.* The End of Atlantism. Survival. 2003. Т. 45. № 5.

блик распавшейся Югославии. Этот процесс продолжается до сих пор. В повестке дня дальнейшей экспансии НАТО стоит присоединение двух остальных постюгославских республик (Сербии с Боснией и Герцеговиной) и очередных кандидатов на вступление в лице Украины, Грузии и Молдовы.

В результате такой расширительной политики североатлантизм превратился в евроатлантизм, который представляет собой форму военной, политической и экономической интеграции под эгидой США стран не только Северной Атлантики, но и западной и центральной частей Европы⁴.

Евроатлантическая интеграция предъявляет странам-участникам ряд требований, выполнение которых оказывает решающее влияние на их дальнейшее внутреннее развитие и вектор их внешней политики. Они попадают в общую правовую и политическую орбиту, определяющую их действия не только в военной и политической областях, но и в других сферах жизнедеятельности. Экономика этих государств становится однотипной и одноцентричной, нацеленной на преимущественные связи внутри своего объединения и на их относительное ослабление с другими странами и регионами. Помимо получаемых от этого преимуществ, возникают также определенные риски, связанные с односторонней внешнеэкономической ориентацией, что чревато болезненными последствиями в периоды мировых кризисов.

Красноречивым подтверждением этого служит Республика Северная Македония — государство, проделавшее длинный путь в евроатлантическую интеграцию и получившее в начале 2020 г. статус полноправного члена НАТО и возможность завершить присоединение к Евросоюзу. В процессе подготовки к этому акту произошла коренная переориентация внешнеэкономических связей этой страны на Запад при одновременном сокращении товарооборота с Россией почти в пять раз. Изменилась отраслевая структура национальной

4. *Воротников В.* Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // Современная Европа. 2019. № 7. С. 124–135.

экономики под воздействием наплыва иностранного капитала в особые промышленные зоны. К власти в стране пришли прозападные партии, поменявшие внутривнутриполитический курс и ориентиры внешней политики. Пороки одноцентричной структуры экономических связей наглядно проявились в разгар коронакризиса, когда годовой объем внешней торговли этой страны сократился сразу на 40% из-за резкого снижения конъюнктуры западноевропейского и североамериканского рынков⁵.

Евроатлантическая интеграция стран ЦВЕ наряду с позитивными для них результатами, полученными в процессе системной трансформации и выразившимися в ускоренных темпах экономического роста и некотором сокращении отставания от развитого авангарда, начала в последнее время проявлять свои слабые стороны, отрицательно сказывающиеся на социально-экономическом развитии этих государств.

Усиление кризисных явлений в Евросоюзе

Внутри Европейского союза постепенно стали накапливаться противоречия, которые свидетельствовали о постепенном приближении этого интеграционного объединения к многофакторному кризису⁶. Можно перечислить его следующие признаки:

1) выход из ЕС Великобритании, таящий угрозу своего рода цепной реакции в случае желания некоторых других членов союза последовать этому примеру;

2) усиливающиеся трудности в управлении делами в Евросоюзе, обусловленные недифференцированным подходом брюссельской администрации к странам — членам союза;

3) миграционные кризисы в периоды наплыва беженцев из Африки и Ближнего Востока, а в последнее время из Украины;

5. Князев Ю.К. Евроатлантическая интеграция Македонии: не в добрый час // Мир перемен. 2021. № 2. С. 170–186.

6. Кризис в Европейском союзе: последствия для стран Центрально-Восточной Европы / Отв. ред. Ю.К. Князев, Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2020.

4) периодические террористические акты и столкновения в Испании, Франции, Англии и других западноевропейских странах, связанные с исламизацией населения и ростом влияния на часть европейской молодежи мусульманских общин;

5) внутренняя миграция с Востока на Запад Евросоюза, порождающая сопротивление и национализм в «старых» членах ЕС;

6) углубление разногласий среди стран ЕС по вопросам экономических и политических санкций в отношении России;

7) издержки проводившегося при президенте Д. Трампе курса Соединенных Штатов на экономическое и политическое давление в отношении европейских стран;

8) неоднозначное отношение разных стран к навязываемому увеличению расходов на содержание НАТО и планы создания европейской армии;

9) стремление государств Евросоюза диверсифицировать свои торгово-экономические связи и развивать двусторонние отношения с Китаем, Россией и другими «проблемными» странами;

10) сохраняющийся разрыв в уровнях экономического развития членов ЕС и дифференциация между странами ЦВЕ;

11) неустойчивость единой валюты и неодинаковая привлекательность евро для государств с разными уровнями развития;

12) появление неприемлемых для менее развитых стран сценариев дальнейшего развития Европейского союза, предусматривающих разноуровневые темпы интеграции;

13) непреодолимые различия между странами в социальной сфере;

14) сопротивление в странах ЕС жесткой антикризисной политике Брюсселя, направленной на бюджетную консолидацию, снижение долгового бремени и поддержание режима строгой экономии.

Эти кризисные проявления неизбежно оказывают негативное влияние на страны Центрально-Восточной Европы,

усиливая их евроскептицизм и неуверенность в безбедном будущем.

Как можно увидеть из вышеприведенного перечня кризисных признаков, неурядицы и вызовы, с которыми сегодня сталкивается Евросоюз, проявляются в разных сферах, а именно во внутренней политике (пункты 1–6), международных отношениях (пункты 7–9), экономике (пункты 10–12) и социальной сфере (пункты 13–14). Там же следует искать и исходные причины их возникновения.

Внутриполитические пертурбации связаны с растущей неудовлетворенностью ряда стран – членов ЕС своим положением в сложившейся системе власти и управления общими делами объединения, а конкретно – в авторитарном поведении центральной администрации и в навязывании воли Брюсселя конкретным государствам часто без учета их мнения и интересов.

Внешнеполитические трения возникают из-за нежелания ряда государств безоговорочно подчиняться единой жесткой линии в отношении чувствительных мировых проблем и взаимоотношений с партнерами по торгово-экономическому сотрудничеству и межгосударственным связям.

Экономические факторы не столь очевидны в силу изначальной готовности государств подчиняться общей политике в разных хозяйственных сферах, но декларируемое единство подспудно подтачивается вследствие продолжающейся дифференциации стран по уровню их развитости и усиления сомнений в эффективности курса на интеграцию и сплочение.

В социальной сфере, которая в основном оставлена на попечение самих стран, царит очевидный разнобой в силу неодинакового уровня их экономической развитости, ограниченных возможностей и готовности отдельных государств содействовать повышению жизненного уровня широких слоев населения и удовлетворению их жизненных потребностей⁷.

7. Князев Ю.К. Кризис в ЕС и страны Центрально-Восточной Европы // Свободная мысль. 2019. № 2. С. 81–94.

Последствия кризиса в ЕС для стран ЦВЕ

В усложняющихся геополитических и социально-экономических условиях *усиливаются трудности в управлении* Брюсселем общими делами Евросоюза. В сложившейся под влиянием мирового финансово-экономического кризиса непростой ситуации Еврокомиссия вынуждена была прибегнуть к принятию жестких антикризисных мер, затрагивавших жизненные интересы стран ЦВЕ и вызывавших их подспудное или открытое сопротивление линии на ужесточение дисциплины при проведении мероприятий, направленных на согласование и стандартизацию усилий в чувствительных сферах государственных финансов, налогообложения, банковской деятельности, внешней задолженности и валютных отношений в зоне евро.

Евросоюз взял на себя ряд функций, обеспечивающих создание важных общественных благ для стран-членов. Помимо гарантии безопасности, он стремится поддерживать свободную конкуренцию на совместном рынке, защищать его от негативных воздействий извне, создавать финансовую и макроэкономическую стабильность в зоне евро, координировать экономическую политику государств, перераспределяя часть финансовых ресурсов между ними при проведении региональной политики. Тем самым ЕС преодолевает неизбежные провалы рынка⁸.

Утверждение основных направлений экономической политики ЕС преследует цель корректирования проводимых отдельными странами курсов, если они угрожают функционированию Экономического и валютного союза в зоне евро и скоординированной линии Евросоюза в целом. Но если в условиях благоприятной экономической конъюнктуры государства склонны к выполнению своих обязательств, то в кризисных ситуациях, вследствие ужесточения конкурен-

8. Плойко А.Ю. Трансформация экономической политики Европейского союза в результате кризиса 2008—2011 гг. Дис. канд. экон. наук. М., 2018. С. 25—26.

ции, возрастает стремление к защите своего национального рынка и страновой экономики в целом. Применение единых политических аршинов к разнообразным условиям конкретных стран-членов приводило к управленческим сбоям и проблемам во взаимодействии: «Брюсселем ошибочно практиковался одинаковый подход к экономикам стран ЕС без учета их разнообразия и уровня развития»⁹.

Страны ЦВЕ сильно различаются по производительности труда и стоимости рабочей силы, по издержкам на социальные нужды, а, следовательно, и по конкурентоспособности производимых товаров и оказываемых услуг. В период мирового кризиса усилилась неравномерность в экономическом развитии государств – членов ЕС, обострилась проблема безработицы и усилились другие социальные неурядицы. Из-за навязывавшихся Брюсселем мер жесткой экономии с целью бюджетной консолидации и снижения долгового бремени во многих государствах снижались или замораживались заработные платы, уменьшались пенсионные и другие социальные выплаты, сокращалось финансирование государственных учреждений, научных и культурных организаций, высшего образования и здравоохранения. Следствием этого была не только деградация социальной сферы, но и экономическая депрессия по причине сужения платежеспособного спроса населения.

Ощутимый экономический ущерб наносят странам ЕС *антироссийские санкции*, вводимые и постоянно расширяемые Евросоюзом под давлением США в связи с украинским кризисом, а также контрсанкции России, ограничившие импорт сельскохозяйственной и продовольственной продукции из стран ЕС. Осознавая вредоносность санкционной политики, все больше стран отказывались безоговорочно поддерживать ее и высказывались за ее смягчение или отмену. На разных этапах введения санкций представители Венгрии,

9. Иванов Д. Перспективы сотрудничества Казахстана с Европейским союзом в контексте кризисных явлений в Европе // Общество и экономика. 2017. № 11. С. 99.

Словении, Чехии занимали отличную от других членов ЕС позицию. Сербия, являющаяся кандидатом на вступление в ЕС, противостоит жесткому давлению Запада и отказывается вводить санкции против России. Венгерское руководство также осудило подобные меры и продолжает сотрудничество с Россией в строительстве АЭС, закупке российской военной техники и расширении торговых связей.

Антироссийские санкции и негативное отношение к России некоторых государств не становились непреодолимым препятствием для поддержания двусторонних торгово-экономических связей. Внешняя торговля продолжалась в сложившихся объемах, несмотря на волатильность мировых цен, взаимовыгодные инвестиционные проекты по-прежнему реализовывались, а объекты сотрудничества нормально работали. Евроатлантическая интеграция стран ЦВЕ сама по себе не служила непреодолимым препятствием для поддержания взаимовыгодных связей с Россией, которые стали разрушаться лишь в самое последнее время в результате целенаправленного ужесточения антироссийских санкционных и других враждебных действий.

Отдельную проблему для Евросоюза представляет *сохраняющийся разрыв* между «старыми» и «новыми» членами сообщества и *дифференциация среди стран ЦВЕ* по уровню социально-экономической развитости и политическим устремлениям¹⁰. Присоединение стран ЦВЕ к ЕС проводилось под флагом «конвергенции и сплочения», что предполагало постепенное выравнивание их экономической развитости путем целенаправленной общей политики.

Подтягивание экономически менее развитых стран к передовым и даже к средним по ЕС показателям оказалось труднодостижимой целью, несмотря на финансовую помощь из многочисленных совместных фондов. Дивергентность внутри Евросоюза сохраняется как среди отдельных стран, так

10. Орлик И.И., Князев Ю.К. Политическая и экономическая дифференциация Центрально-Восточной Европы. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2019.

и между отстающими в развитии государствами и отрывающимся от них авангардом.

Все страны ЦВЕ стремятся достичь среднего по ЕС уровня развитости, но далеко не всем это удается. Табл. 1 дает представление о динамике этих показателей по странам за 7 лет и степени их расхождения на сегодняшний день.

Таблица 1. ВВП на душу населения по ППС (ЕС-28=100)

Страна	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Болгария	49	50	52	53	56	57	59
Венгрия	69	69	71	73	74	75	77
Латвия	66	67	69	69	72	72	74
Литва	76	79	81	84	88	89	89
Польша	69	69	71	73	76	77	80
Румыния	59	63	66	70	73	74	77
Словакия	73	71	70	71	73	71	68
Словения	84	86	87	89	89	90	92
Хорватия	62	64	65	67	65	70	73
Чехия	89	91	92	93	93	92	91
Эстония	77	79	82	82	86	89	87
Албания	30	30	30	30	31	32	34
БиГ	31	31	32	32	33	34	35
С.Македония	37	37	38	38	38	42	42
Сербия	39	39	40	41	43	44	44
Черногория	45	46	48	50	46	48	50

Источник: GDP per capita in PPS. <http://ec.europa.eu/eurostat/database>.

Наиболее успешно в 2017–2022 гг. продвигались к среднему по ЕС уровню ВВП на душу населения по ППС Румыния, улучшившая свою позицию на 18 процентных пунктов, Литва – на 13 п. п., Польша и Хорватия – по 11 п. п., Болгария – на 10 п. п., Венгрия, Латвия и Словения – по 8 п. п. каждая. Не входящие в ЕС западно-балканские страны Сербия, Северная Македония и Черногория повысили свои показатели на 5 п. п. каждая, а Албания с Боснией и Герцеговиной – на 4 п. п. Чехия, которая в предыдущий

пятилетний период сократила разрыв на 7 п. п., на сей раз продвинулась вперед лишь на 2 п. п. И только позиция Словакии, остававшаяся в предыдущем пятилетии на одном и том же уровне, теперь ухудшилась на 5 п. п.

Исходя из достигнутых разными странами в 2022 г. уровней, можно следующим образом сгруппировать их по степени близости к среднему по ЕС показателю:

I – свыше 90% от среднего по ЕС уровня – Словения, Чехия;

II – в диапазоне от 85 до 90% – Литва, Эстония;

III – свыше 75 по 80% включительно – Польша, Венгрия, Румыния;

IV – от 70 до 75% – Латвия, Хорватия;

V – более 65 до 70% – Словакия;

VI – от 55 до 60% – Болгария;

VII – между 40 и 50% – Черногория, Сербия, Северная Македония;

VIII – не выше 35% – Босния и Герцеговина, Албания.

Таким образом, в период после мирового финансово-экономического кризиса все страны ЦВЕ, за исключением Словакии, в той или иной мере сократили свое экономическое отставание от среднего уровня по Евросоюзу. Процесс выравнивания ускорился в 2020–2022 гг., что говорит о том, что эти государства более удачно прошли тяжелый период пандемии COVID-19 и последовавшего геополитического обострения, создавшего больше трудностей для наиболее развитых стран. Их экономическое торможение повлияло на снижение среднего уровня развитости и несколько ускорило приближение к нему отстающих государств.

Формальное сокращение разрыва в уровнях ВВП не означает сравнительного улучшения структуры и технологической оснащенности экономики соответствующих стран. Опережающие темпы экономического развития стран ЦВЕ достигнуты в основном благодаря ускоренному расширению сферы обслуживания, сильно отстававшей во времена социализма, а также в результате перевода на их терри-

тории сборочных производств транснациональных корпораций. Заимствование простейших трудовых операций не сопровождалось наращиванием собственного научно-производственного потенциала: «...Встраиваясь более 30 лет в международную систему разделения труда, Польша, как и другие страны Восточной Европы, не создала ни одного бренда и ни одного высокотехнологичного продукта, который был бы узнаваем в мире и в котором все самые главные ступени жизненного цикла — от чертежной доски до производства, логистики, маркетинга — были бы отечественными. Кроме того, Восточная Европа не производит никакого оборудования...»¹¹. По сравнению с развитым Западом Восток Евросоюза по-прежнему остается отсталой европейской «периферией».

Сохраняющийся разрыв между экономически более и менее развитыми странами ЕС и значительная дифференциация среди стран ЦВЕ являются «миной замедленного действия», заложенной под европейский интеграционный проект, способной «взорваться» в любое время, а особенно в грядущие периоды дальнейших кризисных обострений.

Все большей разнородностью страны ЕС стали проявлять и *во внешнеэкономической сфере*. Прежде всего это касается государств ЦВЕ, озабоченных диверсификацией своих торговых связей с целью поиска новых рынков сбыта и получения дешевых потребительских товаров за пределами Евросоюза.

Дело в том, что результате начавшейся в 90-е годы переориентации внешнеэкономических связей стран ЦВЕ на западноевропейские государства, усилившейся после вступления большинства из них в Европейский союз, в этом регионе сложилась европоцентричная структура внешней торговли и разделение труда, основанное на участии национального бизнеса в международных цепочках создания добавленной стоимости преимущественно в рамках ЕС. Положительные

11. Спирин В. Выживание простейшего. Европейский союз как план Моргентау для Восточной Европы: уроки и уникальная возможность для России // Свободная мысль. 2023. № 4. С. 5–16.

эффекты от такого замкнутого сотрудничества начали постепенно ослабевать по мере усиления трудностей и проблем в экономическом развитии всего этого интеграционного сообщества вследствие нараставших кризисных явлений в мире и в самом Евросоюзе.

Можно констатировать, что к настоящему времени абсорбционный ресурс Европейского союза для экспорта этих государств в основном исчерпан, как и лимитированы возможности импорта необходимой для них продукции¹². Об этом свидетельствуют статистические данные об изменении доли ЕС во внешней торговле стран ЦВЕ с 2009 г., и в особенности за последнее семилетие (табл. 2).

Таблица 2. Доля ЕС в совокупном товарообороте стран ЦВЕ-11, 2009–2022 гг., %

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Словакия	77,1	75,9	76,7	76,4	75,8	77,4	78,8	79,4	79,7	79,7	79,4	79,7	79,4	78,5
Чехия	77,9	75,9	75,7	74,9	75,4	76,1	76,4	77,2	77,2	77,1	76,8	76,5	77,2	76,8
Эстония	73,1	72,3	68,8	69,2	73,5	74,5	75,8	75,6	74,4	70,1	72,4	70,8	69,7	74,0
Венгрия	71,1	69,7	70,4	71,1	71,9	74,9	76,0	76,6	76,0	75,5	75,2	74,6	74,7	73,1
Латвия	69,7	69,7	69,5	69,0	71,3	71,8	71,4	71,9	69,5	67,3	69,1	69,4	68,8	72,5
Румыния	71,1	69,7	69,4	69,3	69,7	70,2	72,2	72,9	72,7	72,7	72,9	73,8	72,8	71,5
Польша	71,4	70,3	69,4	67,2	67,3	69,0	70,2	71,3	71,3	70,8	70,2	71,0	70,7	69,5
Хорватия	60,1	59,0	59,6	59,4	63,5	70,0	71,8	71,3	71,0	72,6	74,0	73,3	71,6	69,1
Литва	58,6	55,5	56,2	54,8	54,4	56,4	61,0	62,6	61,3	60,8	60,9	63,4	63,3	62,8
Болгария	60,7	58,1	59,3	57,2	58,1	60,1	62,4	64,0	61,8	63,5	62,6	63,2	63,3	60,2
Словения	74,5	73,4	73,0	72,0	70,8	70,8	71,5	71,6	71,2	70,4	67,1	63,2	61,8	57,4
ЦВЕ	72,3	70,8	70,6	69,7	70,0	71,6	73,0	73,8	73,4	73,1	72,7	72,7	72,4	71,1

Источник: данные Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DS-018995_custom_7362621/default/table?lang=en

Доля Евросоюза, составлявшая в 2009 г. 72,2% общего внешнеторгового товарооборота группы стран ЦВЕ-11 (членов ЕС, включая торговлю между ними), снизилась под

12. Голубкин А.В., Князев Ю.К. Необходимость диверсификации внешнеэкономических связей стран Центрально-Восточной Европы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 141-160.

воздействием мирового финансово-экономического кризиса до 69,7% в 2012 г., затем достигла максимальные 73,8% в 2016 г., ставшему наиболее успешным для ЕС в посткризисный период, а после этого начала плавно, но неуклонно сокращаться. Особенно заметно было снижение этой доли в 2019 г. (на 0,4 п. п.), в ковидном 2020 г. она осталась на уровне предыдущего года, в 2021 г. уменьшилась на 0,3 п. п., в 2022 г. — сразу на 1,3 п. п. до 71,1%.

Аналогично выглядела динамика участия в общем импорте стран ЦВЕ-11 региона ЕС, удельный вес которого уменьшился с 68,5% в 2015 г. до 67,4% в 2022 г. Несколько иначе менялась доля Евросоюза в совокупном экспорте указанных стран: с 72,9% в 2011 г. она снизилась к 2013 г. до 70,5%, затем повысилась до 75% в 2018 г., после чего оставалась приблизительно на неизменном уровне, составив 75,1% в 2022 г. Изменение доли ЕС в совокупном товарообороте, экспорте и импорте стран ЦВЕ — членов ЕС на протяжении 2009–2022 гг. наглядно представлено на рис. 1.

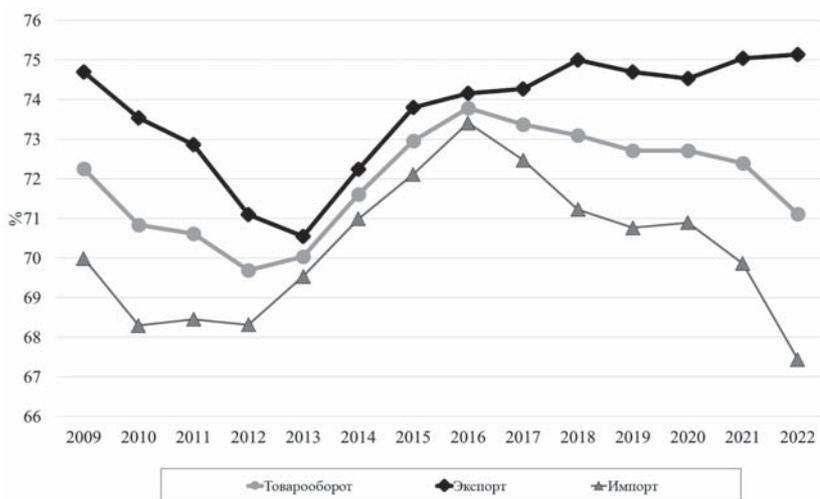


Рис. 1. Доля ЕС в товарообороте, экспорте и импорте стран ЦВЕ, 2009–2022 гг., %

Источник: данные Eurostat. https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/DS-018995__custom_7362621/default/table?lang=en.

В отличие от товарооборота и импорта, доли которых имеют явную тенденцию к снижению, удельный вес ЕС в экспорте стран ЦВЕ в целом остается на постоянно высоком уровне, что свидетельствует о глубокой включенности национального производства в международные цепочки создания добавленной стоимости и преобладании в экспорте промежуточной, а не готовой продукции, способной к реализации на альтернативных рынках. После исчерпания потенциала расширения торговли и производственной кооперации с государствами – членами ЕС страны ЦВЕ оказались перед необходимостью диверсифицировать свои внешнеэкономические связи, расширяя их на другие регионы мира. К этому их толкает все большая товарная и инвестиционная перенасыщенность европейского рынка.

Географическая диверсификация внешнеэкономических связей стран ЦВЕ, заметно усилившаяся после 2016 г., выражается в расширении торговли с неевропейскими государствами, прежде всего со странами Азии. Доля азиатских стран в их совокупном товарообороте выросла с 12% в 2012 г. до 14,6% в 2021 г. Правда, их удельный вес в общем экспорте уменьшился с 7,5 до 7%, тогда как в импорте он вырос с 17 до 22%.

Азиатский вектор торгово-экономической политики стран ЦВЕ, направленный главным образом на Китай, выглядит наиболее перспективным. Хотя объемы торговли с Китаем, Японией, Южной Кореей, и тем более с другими азиатскими странами, пока сравнительно невелики, динамика роста взаимного товарооборота за последние годы явно оживилась.

Особенно успешно развивалась торговля с Китайской Народной Республикой, объем которой постоянно растет в основном за счет увеличения импорта странами ЦВЕ. Доля КНР в их общем товарообороте выросла с 2,5% в 2005 г. до более 6% в 2020–2021 гг., в экспорте – с 0,5% до 1,8%, в импорте – с 4,5% до около 11%. На Китай приходится примерно половина всего импорта стран ЦВЕ из азиатских

стран¹³. По китайской инициативе создано объединение «16 плюс 1», в котором участвуют страны ЦВЕ – члены Евросоюза и кандидаты на вступление в ЕС.

Другим активным направлением внешнеэкономической диверсификации стран ЦВЕ является евразийское. Доля стран СНГ в их совокупном товарообороте довольно сильно колеблется: с 11% в 2012 г. она снизилась до 5,7% в 2016 г. и в последующие годы не превышала 6%. Примерно такая же динамика характерна для экспорта, в котором удельный вес указанных стран колебался в 2016–2021 гг. на уровне 5%. Доля этого региона в импорте стран ЦВЕ, превышавшая в 2016 г. 7%, снизилась до 5,6% на пике коронакризиса и вновь выросла до 7,3% в 2021 г.¹⁴ Хотя постоянного роста торгово-экономических связей этих стран с Россией и государствами Средней Азии не наблюдалось, они служили своеобразным якорем стабильности, способствуя регулярному снабжению стран ЦВЕ энергоносителями и другим сырьем и будучи рынком сбыта для их традиционных товаров.

Отмечая признаки, свидетельствующие о нарастании кризисных явлений в Евросоюзе, необходимо тем не менее признать, что руководству ЕС удавалось добиваться единства его членов в идеологической сфере, в общем понимании так называемых общеевропейских ценностей, в проведении скоординированной внешней политики, в создании общего рынка товаров, услуг и капитала, в расширении взаимных торгово-экономических связей. Начавшаяся в 2022 г. российская специальная военная операция (СВО) на Украине была использована для еще большего сплочения стран западного мира под флагом совместной борьбы против России, когда былые и остающиеся разногласия временно отошли на второй план.

13. Голубкин А.В., Князев Ю.К. Необходимость диверсификации внешнеэкономических связей стран Центрально-Восточной Европы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2021. № 1. С. 141–160.

14. Рассчитано по данным UNCTADstat. <https://unctadstat.unctad.org/wds>

Курс на самоизоляцию от России и войну до победного конца

В условиях обострившейся геополитической ситуации после внутривосточных событий 2014 г. на Украине, имевших открыто антироссийскую направленность, процесс евроатлантической интеграции в целом и для стран ЦВЕ в частности приобрел вполне очевидный новый вектор, а именно курс на самоизоляцию Запада от России, ужесточившийся после начала российской СВО в начале 2022 г. Целью этого разворота в политике США, НАТО, Евросоюза и примкнувших к ним азиатских государств в лице Австралии, Южной Кореи и Японии была полная изоляция России в надежде на нанесение ей непоправимого экономического ущерба и полного поражения на поле боя с вооруженными силами Украины (ВСУ), которым стала оказываться непрерывная поддержка поставками тяжелого вооружения и финансовыми вливаниями со стороны коалиции из более 50 государств. Практически же задуманная изоляция России превратилась в самоизоляцию от нее коллективного Запада, так как большинство стран вопреки жесткому санкционному давлению продолжают нормальные двусторонние отношения с РФ в политической, экономической и гуманитарной сферах.

Поддержав общую политическую линию в отношении Российской Федерации, члены Евросоюза из Центрально-восточного региона включились в санкционную кампанию Запада. В феврале 2023 г. был принят десятый по счету пакет антироссийских санкций, одобренный всеми странами-членами ЕС, хотя и с некоторыми оговорками со стороны отдельных государств. Находящиеся пока вне ЕС Сербия, получившая статус кандидата на вступление в интеграционное объединение, и Босния и Герцеговина (благодаря решительной позиции автономной Республики Сербской) отказались присоединиться к санкциям Евросоюза и поддерживают с Россией нормальные отношения.

Санкционная война, включая ответное российское эмбарго на ввоз сельскохозяйственной и продовольственной продукции из враждебных стран, отрицательно сказывалась на взаимной торговле, которая, тем не менее, продолжала осуществляться в приемлемых объемах, если не считать периодические кризисные годы. Согласно данным Таможенной службы РФ, объем внешней торговли России со странами ЦВЕ рос в период с 2009 по 2013 г., в 2014–2015 гг. сокращался, а с 2016 г. возрастал вплоть до 2019 г. включительно. Доля России в экспорте этой группы стран составляла тогда около 3%, а в их совокупном импорте – более 5%.

Резкое обострение геополитической ситуации в 2022 г. изменило в худшую сторону динамику торгово-экономических связей, которые оказались на перепутье. В стремлении наказать Российскую Федерацию и добиться победы на поле боя, США и Евросоюз встали на путь разрыва имевшихся торгово-экономических связей, исключению российских банков из мировой платежной системы, эвакуации из страны своих производственных компаний, отмены действовавших межгосударственных соглашений и коммерческих контрактов, прекращения любых деловых контактов. Расчет был сделан на полную международную изоляцию России не только от Запада, но и от всего остального мира с целью нанесения непоправимого ущерба национальной экономике и невыносимых страданий населению.

После сокращения взаимного товарооборота в ковидном 2020 г. произошел его восстановительный рост в 2021 г., когда стоимостной объем торговли увеличился на 41,4% относительно уровня предыдущего года¹⁵.

Отказ от импорта значительной части российских энергоносителей и многих других товаров, как и прекращение поставок критически важной для России продукции, производившейся иностранными компаниями на ее территории или за

15. Голубкин А.В., Князев Ю.К. Торговые связи стран Центрально-Восточной Европы с Россией на перепутье // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 149–166.

границей, привели в 2022 г. к сокращению взаимного товарооборота. Как видно из табл. 3, после прироста стоимостного объема экспорта государств ЦВЕ — членов ЕС в РФ на 20% в январе и небольшого его увеличения в феврале, с марта и до конца года происходило ежемесячное значительное уменьшение поставок товаров более чем на треть (в апреле зафиксировано наибольшее сокращение поставок, составившее свыше 60%).

Таблица 3. Динамика импорта России из стран ЦВЕ — членов ЕС, январь—декабрь 2022 г. (% прироста/снижения к соответствующему месяцу 2021 г.)

Страна	Экспорт стран ЦВЕ в РФ											
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Болгария	22,6	14,1	-28,4	-4,1	12,6	4,3	10,6	52,1	16,2	18,3	16,4	5,6
Венгрия	-4,0	17,3	-50,2	-69,5	-46,4	-30,2	-31,1	0,0	-20,1	-22,0	4,2	-5,3
Латвия	16,0	0,4	9,9	-26,4	16,2	66,7	14,4	13,7	14,4	18,2	19,5	11,0
Литва	36,7	8,2	-34,2	-52,5	-42,4	-37,4	-26,9	-29,3	-24,0	-24,2	-33,4	-34,0
Польша	29,3	8,2	-51,2	-69,4	-55,9	-43,5	-47,7	-46,1	-49,1	-46,1	-41,5	-45,7
Румыния	13,9	-0,5	-72,3	-87,2	-70,1	-80,8	-66,1	-79,5	-68,9	-56,4	-69,4	-70,4
Словакия	1,2	-25,4	-58,2	-72,2	-56,3	-57,5	-61,9	-61,9	-63,6	-61,5	-60,3	-68,9
Словения	2,4	15,1	13,8	-26,3	33,8	66,5	54,4	39,8	63,3	52,5	108,3	53,5
Хорватия	8,0	2,7	-40,0	-65,5	-32,8	19,5	63,9	7,4	120,4	-10,9	-34,4	-45,4
Чехия	28,6	-4,5	-76,3	-78,1	-77,0	-66,7	-72,1	-69,3	-70,6	-67,2	-67,0	-69,5
Эстония	1,2	5,0	-16,6	-21,8	-29,1	6,5	14,6	13,3	18,4	14,9	-3,9	-4,4
ЦВЕ	20,5	3,9	-45,6	-61,1	-47,4	-33,7	-36,0	-34,7	-33,4	-31,7	-29,1	-36,3

Источник: Голубкин А.В., Князев Ю.К. Торговые связи стран Центрально-Восточной Европы с Россией на перепутье // Вестник ИЭ РАН. 2023. № 2. С. 149–166.

На фоне резкого сокращения экспорта в РФ странами региона их импорт из России продемонстрировал в 2022 г. противоположную динамику. В первом полугодии его объем заметно увеличился относительно аналогичного периода 2021 г. Совокупный импорт стран ЦВЕ из России, набравший высокий темп роста уже в январе, в феврале—апреле продолжил свою экспансию средним темпом ежемесяч-

ного прироста более чем на 100%. В мае—июне повышение объема импорта из России было более умеренным (около 35%), и лишь в июле началось его небольшое снижение, закончившееся резким сокращением в декабре почти в два раза. Примечательно, что рост импорта из РФ наблюдался у Болгарии, Венгрии и Словении весьма высокими темпами на протяжении всего 2022 г., а у Словакии и Чехии — в большинстве месяцев того года (табл. 4).

Таблица 4. Динамика экспорта России в страны ЦВЕ — члены ЕС, январь—декабрь 2022 г. (% прироста/снижения к соответствующему месяцу 2021 г.)

Страна	Экспорт РФ в страны ЦВЕ											
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Болгария	275,6	129,4	145,3	135,4	147,0	107,4	98,3	66,6	72,8	132,5	96,3	-16,2
Венгрия	103,4	151,3	151,9	141,6	152,3	242,1	66,2	75,8	182,7	190,5	255,7	89,5
Латвия	125,5	115,3	110,3	23,5	-30,9	-33,5	-34,6	8,2	-8,0	-46,3	-35,9	50,2
Литва	198,9	142,1	46,9	25,5	-65,3	-59,3	-78,0	-82,4	-89,8	-84,4	-85,9	-86,7
Польша	70,7	93,4	137,1	89,7	-8,0	-16,4	-29,2	-44,6	-41,8	-52,0	-61,6	-69,3
Румыния	102,6	124,1	163,0	90,9	96,4	20,9	9,2	-16,9	-2,4	-24,6	-57,8	-60,4
Словакия	158,9	155,1	81,1	95,8	123,9	74,4	18,8	-3,3	36,6	21,9	19,0	-32,6
Словения	5,8	285,4	50,1	305,5	386,8	532,3	600,5	443,9	117,7	170,3	226,1	1186,7
Хорватия	-33,0	-18,1	-60,5	234,7	100,2	185,7	-13,0	38,7	-35,2	-60,3	-84,8	-70,6
Чехия	86,7	46,3	58,8	44,1	6,2	11,6	27,6	29,4	-2,2	-43,1	14,1	-40,6
Эстония	87,4	37,9	48,8	25,7	-4,6	-13,2	-15,2	-49,7	-67,5	-59,8	-22,9	-68,8
ЦВЕ	110,1	109,5	111,2	86,8	33,6	34,5	-0,1	-10,1	2,8	-8,6	-11,3	-44,8

Источник: Голубкин А.В., Князев Ю.К. Торговые связи стран Центрально-Восточной Европы с Россией на перепутье // Вестник ИЭ РАН. 2023. № 2. С. 149–166.

Благодаря гораздо более высокому росту импорта по сравнению со снижением экспорта общий объем товарооборота стран ЦВЕ с Россией имел более умеренную динамику: в первом квартале 2022 г. он вырос более чем на 40%, в апреле увеличился на 25%, в мае — всего на 3%, и лишь в августе началось сокращение, достигшее 42% в декабре (по отношению к соответствующим месяцам 2021 г.).

Наиболее чувствительный удар по России брюссельская администрация постаралась нанести в энергетической сфере. С целью минимизации валютной выручки от экспорта энергоносителей и создания трудностей с исполнением бюджета РФ Евросоюз ввел эмбарго на закупки в России угля с августа 2022 г., перевозимой танкерами нефти с декабря 2022 г. и нефтепродуктов с марта 2023 г. Прекратить полностью поставки нефти не удалось из-за сопротивления Венгрии, Словакии и других стран, не имеющих выхода к морю, и для них оставлена возможность получать ее по южной ветке нефтепровода «Дружба». Был введен потолок цен на российскую нефть на уровне 60 долл. за баррель, который Россия не согласилась соблюдать и снизила с 1 марта 2023 г. ее добычу на 0,5 млн баррелей в сутки.

Хотя на закупку природного газа из России эмбарго не вводилось, объемы его поставки значительно сократились. По техническим и политическим причинам прокачка газа по трубопроводу «Северный поток» сначала уменьшилась на 40%, а затем полностью прекратилась. Окончательно вопрос об эксплуатации этого газопровода был закрыт после совершенной 26 сентября 2022 г. диверсии с подрывом обеих нитей «Северного потока» и одной из двух нитей «Северного потока-2», прокладка которых по дну Балтийского моря была закончена вопреки санкционному давлению США. Были прекращены поставки природного газа по магистральному трубопроводу между Сунджей и Ужгородом/Вельке-Капушанами из-за отказа Украины использовать эти транзитные мощности под предлогом утраты своего контроля. Польша отказалась от использования трубопровода Ямал – Европа. Во всех случаях ограничения газовых поставок это происходило не вследствие нежелания России снабжать этим топливом европейских потребителей, а по причине вводимых Евросоюзом или отдельными странами антироссийских санкций.

Снижение физических объемов поставок российских энергоносителей поначалу не приводило к уменьшению стоимостных показателей торговли. Более того, они даже увеличивались из-за роста мировых цен (табл. 5).

Таблица 5. Динамика импорта энергоносителей странами ЦВЕ из России, январь–декабрь 2022 г. (% прироста/ снижения к соотв. месяцу 2021 г.)

Страна	Импорт стран ЦВЕ из РФ											
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Болгария	292,3	324,3	160,6	128,2	180,3	197,5	118,8	110,2	62,6	113,1	144,0	51,3
Венгрия	102,8	300,8	148,4	160,8	238,3	261,9	163,7	89,1	262,5	225,7	180,1	50,0
Латвия	134,6	297,9	256,7	484,0	-36,2	-36,4	14,8	66,3	13,2	15,4	-54,7	186,1
Литва	421,1	194,9	109,9	18,2	-84,6	-93,4	-80,2	-92,3	-97,4	-97,0	-94,4	-95,9
Польша	92,2	60,2	104,4	42,2	31,2	53,0	21,3	-11,0	-31,5	-2,9	-38,6	-50,4
Румыния	34,6	289,3	214,0	160,2	89,5	152,2	22,6	-31,9	10,7	-39,4	-36,5	-65,1
Словакия	210,3	231,9	146,9	135,4	191,4	159,7	21,8	29,0	80,5	52,0	63,0	-20,3
Словения	-22,1	160,5	400,7	171,8	417,9	1043,9	297,2	907,6	135,4	325,6	513,8	599,7
Хорватия	-69,8	299,7	-96,5	535,0	158,7	143,4	227,6	-20,7	-24,3	-23,5	-99,7	-99,9
Чехия	69,1	96,5	71,9	40,6	32,6	20,3	89,0	34,0	64,7	7,1	-46,6	8,1
Эстония	75,2	63,4	46,2	34,2	37,2	-6,6	3,5	-15,1	-73,2	-61,6	36,9	-69,2
ЦВЕ	132,1	162,5	126,7	93,4	90,9	90,8	48,9	17,2	35,0	35,9	17,4	-25,3

Источник: Голубкин А.В., Князев Ю.К. Торговые связи стран Центрально-Восточной Европы с Россией на перепутье // Вестник ИЭ РАН. 2023. № 2. С. 149–166.

Из представленных в табл. 5 данных о стоимости совокупного импорта российских энергоносителей странами ЦВЕ – членами ЕС в 2022 г. видно, что в первом квартале объем закупок этой группы товаров рос в среднем по 140% ежемесячно относительно соответствующих месяцев 2021 г., во втором квартале произошло снижение темпов прироста экспорта энергоносителей из России до около 90%, во втором полугодии они еще больше замедлились, и только в декабре произошло сокращение стоимостного объема поставок на 25%. Данные по отдельным странам значительно разнятся из-за нюансов использовавшейся ими прагматической тактики закупок, но и они свидетельствуют о проводившейся общей линии на максимальный отказ от российских энергоносителей, что стало окончательно ясным по обвальным результатам взаимной торговли в первом полугодии 2023 г.

Российское противодействие санкционной политике и военному давлению

План экономического удушения России не сработал. Несмотря на жесткое политическое давление и угрозу прямых и вторичных санкций, большинство государств мира продолжили торгово-экономическое сотрудничество с нашей страной, которая сумела переориентировать свои экспортные и импортные потоки преимущественно на Китай, Индию и другие азиатские, а также на некоторые латиноамериканские и африканские страны. В ответ на транспортную блокаду со стороны западных государств были выстроены альтернативные логистические коридоры в восточном направлении, обеспечившие доставку грузов обходными, хотя и более дорогостоящими, путями.

В ответ на ужесточившиеся санкции Россия стала активно проводить политику импортозамещения важнейших промышленных изделий и восстановления отечественного народнохозяйственного комплекса собственными средствами при торговом и технологическом содействии дружественных стран. Это стало неизбежным императивом в условиях самоизоляции Запада и навязанной им войны на истощение и полное поражение России. Без создания Западом безвыходной для России ситуации, потребовавшей концентрации всех внутренних сил для обеспечения экономического развития на собственной основе, добиться позитивных структурных и технологических сдвигов, как показала история последних тридцати лет, было невозможно. Подтвердилась народная примета: нет худа без добра.

Российская экономика адаптировалась к текущим вызовам и начала демонстрировать достаточно успешный рост при опоре на внутренний спрос, который ненамного увеличился по объему, но переориентировался на закупки отечественной продукции. По итогам 1 полугодия, ВВП страны увеличился на 1,5%, причем во втором квартале прирост составил 4,6%, показав хорошую динамику. Промышленное производство выросло за первое полугодие 2023 г. на 2,5%,

продукция обрабатывающих отраслей — на 6%, причем в июне — на 13% (по отношению к тем же периодам 2022 г.). Дали свои результаты меры по увеличению занятости, повышению эффективности производственной деятельности. Улучшился инвестиционный климат и увеличилось вложение частных капиталов. За 7 месяцев 2023 г. нефтегазовые доходы бюджета выросли на 20%, а в июле — более чем на треть. Нефтегазовые доходы также увеличились — в июле они выросли на 5% и превысили 73 млрд руб. (размер, установленный бюджетным правилом)¹⁶.

На полях сражений Россия на всем протяжении 2022—2023 г. придерживалась первоначального замысла ограниченной военной операции, имеющей цель защиты народа ДНР и ЛНР от издевательств и геноцида со стороны киевского режима. По ходу вооруженных действий пришлось вносить некоторые коррективы в руководство операцией, ведение которой было передано начальнику генерального штаба. Работа ВПК была переведена на военные рельсы. Проведена мобилизация 300 тыс. резервистов и множества добровольцев, усиливших профессиональную армию.

Заключение

Вместо изоляции России от мира Запад в конце-концов сам оказался в положении самоизоляции от нашей страны, с которой продолжает поддерживать нормальные отношения большая часть человечества. В этой изоляционистской политике вынуждены участвовать страны ЦВЕ как члены евроатлантической интеграции. Но если затруднить межличностные отношения в результате отмены упрощенного режима шенгенских виз можно было одним бюрократическим решением, то полностью разорвать торгово-экономические связи в одночасье оказалось невозможным, и они частично сохраняются вопреки желаниям брюссельской администрации.

16. Совецание в правительстве по экономическим вопросам 11 августа 2023 г. Сайт Правительства РФ. <http://government.ru/news/49253>

Товарооборот между странами ЦВЕ и Россией на протяжении 2022 г. хотя и сокращался из месяца в месяц, но уменьшился за год всего на 6,7%.

Враждебный Запад не ограничился изолированием России от своих торговых, технологических, финансовых и логистических систем, но и стал оказывать Украине поддержку в ведении военных действий путем поставок разных видов вооружений, снарядов, амуниции и финансовой помощи на покрытие текущих расходов. США и ведущие европейские страны воспользовались вооруженной акцией ограниченного контингента российских войск как предлог для превращения локального военного конфликта в широкомасштабную гибридную войну НАТО против России в надежде нанести ей непоправимое поражение. Особенность этой войны состоит в том, что Запад ведет ее на территории Украины пока без участия живой силы стран НАТО, используя военнотружущих ВСУ и выходцев из других стран в качестве своих платных наемников. Противостоящая России армия почти полностью снабжается оружием, поставляемым Соединенными Штатами Америки и их союзниками. Финансирование военных операций и поставок вооружения, как и частичное денежное содержание бюджетников осуществляется из средств, выделяемых на эти цели индивидуально или коллективно всеми странами НАТО. Военные операции планируются и обеспечиваются с использованием всех возможных средств (финансовых, военно-технических, разведывательных, информационных) руководящими структурами НАТО и инкорпорированных государств.

Без официального объявления войны противник, тем не менее, действует по законам военного времени, не считается с нормами международного права: конфискует собственность российских бизнесменов, арестовывает банковские счета граждан, замораживает валютные резервы и другие государственные активы, изыскивает возможности расходования их на нужды ведения войны и последующего восстановления украинской экономики.

Серьезнейшим риском, связанным с дальнейшим углублением кризиса в Евросоюзе и продолжением военных действий, может стать замедление динамики роста экономики и погружение ее в рецессию, признаки которой уже наблюдаются в ФРГ. Как показал недавний опыт, кризисные неурядицы сильнее всего бьют по небольшим странам, наиболее интегрированным в общее европейское пространство. Возможное ухудшение экономической ситуации в ЕС может катастрофически сказаться на всех его членах, и в особенности на странах ЦВЕ, темпы экономического роста которых замедлились в последнее пятилетие по причине начавшегося ухудшения внутренней и внешней конъюнктуры.

Самоизоляция Запада, переросшая во всеобъемлющую войну против России, запустила процесс формирования сообщества государств, не согласных с доминированием США и выступающих за многоцентричный мир, в котором уважается государственный суверенитет и соблюдаются интересы всех участников международных отношений. Движение по этому пути может стать спасительной альтернативой назревающей третьей мировой войне с самоубийственным для человечества исходом.

Дальнейшее развитие событий будет во многом зависеть от решимости российского народа всеми силами противостоять экзистенциальной угрозе своему государству и от готовности Запада нести непомерные расходы для обеспечения своей победы. Противоборство может быть длительным, если не вмешаются миротворческие силы извне или внутри самих милитаристски настроенных государств.

Что же касается стран западного сегмента российского пояса соседства, то они, благодаря их историческому и современному опыту, могли бы сыграть свою плодотворную роль в умиротворении зарвавшихся западных ястребов в интересах возвращения к добрососедскому сотрудничеству с Россией, имеющему неисчерпаемый взаимовыгодный потенциал.

Н.В. Куликова, И.С. Синицина¹

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ОТ СОЦИАЛИЗМА К «ЗАВИСИМОМУ
КАПИТАЛИЗМУ» И ДО КРИЗИСА
В ОТНОШЕНИЯХ С РОССИЕЙ

Аннотация. Центральнo-Восточная Европа оставалась объектом повышенного научного интереса Светланы Павловны Глинкиной на протяжении всего ее исследовательского пути. В исторически сложные для России 1990-е годы она возглавила Отдел европейских социалистических стран Института международных экономических и политических исследований РАН (до 1990 г. – Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР), руководимый в 1960–1980-х годах такими видными российскими учеными как В.Ф. Терехов, Я.Б. Шмераль, О.Р. Лацис. Встав после объединения ИМЭПИ РАН с Институтом экономики РАН во главе научного направления института «Международные экономические и политические исследования», Светлана Павловна, несмотря на расширение географии своих научных интересов, не изменила юношескому пристрастию и продолжила научную работу в Центре восточноевропейских исследований, входящем в возглавляемое ею научное направление. В предлагаемой статье дан краткий обзор результатов изучения С. Глинкиной постсоциалистической трансформации в Центральнo-Восточной Европе, сформировавшейся по ее итогам модели капитализма в регионе, а также рассмотрены последствия системных преобразований в странах ЦВЕ для их взаимоотношений с Россией с акцентом на анализ в условиях современного геополитического кризиса.

Ключевые слова: постсоциалистические трансформации, евроинтеграция, геополитический кризис, антироссийские санкции, внешнеэкономические связи, страны ЦВЕ, Россия.

1. Наталия Владимировна Куликова, кандидат географических наук, зав. Центром восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; kulikova.home@gmail.com.
Синицина Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; ira_sinicyna@mail.ru.

Natalia V. Kulikova, Irina S. Sinitsina²

COUNTRIES OF CENTRAL AND EASTERN EUROPE:
FROM SOCIALISM TO «DEPENDENT CAPITALISM»
AND TOWARDS THE CRISIS IN RELATIONS WITH RUSSIA

Abstract. Central-Eastern Europe remained the object of keen research interest by Svetlana Pavlovna Glinkina throughout her entire research career. In the 1990s, a historically difficult period for Russia, she headed the Department of European Socialist Countries of the Institute of International Economic and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (until 1990 – the Institute of Economics of the World Socialist System at the USSR Academy of Sciences), which in the 1960s–1980s was directed by such prominent Russian scientists as V.F. Terekhov, Ya.B. Shmeral, and O.R. Latsis. After the merger of IMEPI RAS with the RAS Institute of Economics, Svetlana Pavlovna became the head of the Research Area «International Economic and Political Studies». Despite the expanded geographical area of her research interests, she did not change her «youthful passion» and continued her analytic work at the Center for East European Studies, a division of the Research Area she headed. The current article provides a brief overview of the results of Svetlana Glinkina's studies of post-socialist transformations in the CEE countries and the resulting model of capitalism that emerged in the region. It also dwells on the effects of systemic transformations in Central-Eastern Europe upon the relations of CEE countries with Russia, with a focus on their analysis in the context of the current geopolitical crisis.

Keywords: post-socialist transformations, European integration, geopolitical crisis, anti-Russian sanctions, foreign economic relations, CEE countries, Russia.

2. Natalia Vladimirovna Kulikova, Cand. Sci. (Geography), Head of the Center for East European Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»; kulikova.home@gmail.com.

Irina Sergeevna Sinitsina, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Center for East European Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»; ira_sinicyna@mail.ru.

Центр восточноевропейских исследований под руководством Светланы Павловны Глинкиной стал в новой России единственным крупным научным центром, где проводились комплексные исследования общественно-политических и экономических процессов в странах Центрально-Восточной Европы. Здесь углубленно изучались развернувшиеся на рубеже 1980–1990-х годов политические преобразования в регионе, их внутренние и внешние причины, реальные и скрытые цели, движущие силы и следствия. Анализировались особенности перехода стран ЦВЕ от плановой системы хозяйствования к рыночной экономике, положительные и отрицательные эффекты их участия в процессах европейской интеграции, успехи и проблемы в социально-экономическом развитии и модернизации экономики, главные векторы изменений во внешнеэкономических связях. Результаты этих многолетних исследований лежат в основе сегодняшних исследовательских задач Центра – определения места и роли стран ЦВЕ в мировых процессах глобализации и региональной интеграции в условиях новой ситуации в мировой экономике и геополитике, оценки возможностей и препятствий на пути экономического и политического взаимодействия России с этими странами.

Общественно-экономическая трансформация через евроинтеграцию

Сталкиваясь с мифотворчеством во многих зарубежных публикациях по вопросам становления, расцвета и гибели «реального социализма», С.П. Глинкина выступила инициатором подготовки и стала ответственным редактором третьего тома фундаментальной трехтомной монографии «Страны Центрально-Восточной Европы во второй половине XX века»³ под общей редакцией академика А.Д. Некипелова. Ставшие его авторами ученые-страноведы, опираясь на результаты

3. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. / Под общ. ред. акад. А.Д. Некипелова. Т. 3. Трансформации 90-х годов. В 2-х частях / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: Наука, 2002.

своих более чем полувековых исследований, дали оценку исторических процессов в странах ЦВЕ после Второй мировой войны, рассмотрели причины и ход их постсоциалистической трансформации. Исследования проходящих в Центрально-Восточной Европе процессов и их влияния на отношения стран региона с Россией вылились в подготовку монографии в двух томах «Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века» под редакцией С.П. Глинкиной и И.И. Орлика⁴. Итоги системных преобразований в Центрально-Восточной Европе были подведены в первом томе трехтомной монографии под общей редакцией С.П. Глинкиной «Постсоциалистический мир: итоги трансформации»⁵.

Наряду с изучением глобальных социально-экономических и политических процессов в Центрально-Восточной Европе С.П. Глинкина уделяла внимание анализу специфики отдельных направлений экономической политики стран региона. К числу наиболее важных результатов таких исследований можно отнести ее монографию «Приватизация: концепции, реализация, эффективность»⁶, в которой рассмотрено становление частного сектора в экономике стран ЦВЕ, проведен сравнительный анализ моделей приватизации государственных предприятий в странах ЦВЕ, СНГ и Китае, выявлены основные механизмы формирования частных капиталов на базе приватизации финансовых ресурсов, показана динамика, меры стимулирования и основные проблемы развития частного сектора. При анализе трансформации отношений собственности Светлана Павловна включила в число объектов исследования теневую экономику и показала генезис ее развития, рассмотрела некоторые социально-

-
4. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI века. В 2 т. Т. 1. Преобразования; Т. 2. Взаимоотношения / Отв. ред. С.П. Глинкина, И.И. Орлик. М.: Наука, 2005.
 5. Постсоциалистический мир: итоги трансформации. В 3 т. / Под. общ. ред. С.П. Глинкиной. Т. 1. Центрально-Восточная Европа / Отв. ред. Н.В. Куликова. СПб: Алетейя, 2017.
 6. Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006.

экономические последствия приватизации для экономики постсоциалистических стран, проанализировала структуру новых собственников, мотивы и стратегии их поведения.

Большой научный интерес, по мнению С.П. Глинкиной, представлял вопрос об эффективности общественно-экономических реформ в странах ЦВЕ, которые совпали по времени с подготовкой к вступлению в ЕС и были во многом подчинены требованиям Европейского союза к странам-кандидатам. В результате переход этих стран к рынку и демократии произошел через заимствование практически в чистом виде институтов, существующих в ЕС^{7,8,9}. Перспектива членства в Евросоюзе выполняла роль внешнего якоря в осуществлении странами ЦВЕ сложных институциональных преобразований. Была проведена полная либерализация хозяйственной деятельности, внешней торговли, рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, созданы новые структуры и правовые основы, способствующие улучшению инвестиционного климата, развитию бизнеса и конкурентной среды и т.п.

В числе очевидных преимуществ, которые дал странам ЦВЕ курс на евроинтеграцию, С.П. Глинкиной выделялись объединение общества вокруг «европейской идеи», четкое структурирование программ развития под контролем Еврокомиссии, предоставление финансовой помощи из фондов ЕС, получение возможности поставок продукции на рынки стран Евросоюза без таможенных пошлин и нетарифных ограничений, приток больших объемов прямых инвестиций из развитых стран, открытие доступа к ресурсам их финансовых рынков.

Однако наличие этих положительных моментов не означало бесконфликтности и беспрепятственности осуществлен-

-
7. Страны Центральной и Восточной Европы на пути в Европейский союз / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: Наука, 2002.
 8. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского союза: проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010.
 9. Глинкина С.П., Куликова Н.В. Заимствование рыночных институтов развитых стран: опыт Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2015. № 4. С. 105–117; Глинкина С.П., Куликова Н.В. К вопросу об эффективности трансформации общественной системы в странах Центрально-Восточной Европы // Мир перемен. 2015. № 4. С. 9–24.

ного перехода. Трансформация через копирование западно-европейской модели, обеспечив достаточно быстрое формальное внедрение рыночных и демократических институтов, не гарантировала появления в странах ЦВЕ эффективных систем принуждения к выполнению принятых ими норм и правил ЕС¹⁰. Хотя демонтаж прежнего авторитарного режима, оформление правовых основ новой демократической системы, учреждение новых политических структур произошли стремительно, налаживание функционирования новых политических институтов в соответствии с демократическими нормами оказалось сложным процессом, который Светлана Павловна не считала завершенным.

Внимание С.П. Глинкиной привлекали не только влияние вступления в ЕС на страны ЦВЕ, но и последствия их присоединения для самого интеграционного объединения. «Восточное» расширение, в результате которого число членов Евросоюза увеличилось на одну треть при 5%-м увеличении ВВП, привело к резкому росту гетерогенности интеграционного объединения, что серьезнейшим образом повлияло на принципы его функционирования, существенно осложнило управление экономическим и валютным союзом. Стартовые позиции новых членов ЕС практически по всем параметрам сильно отставали от позиций его «старых» участников. Средства из фондов ЕС, выделенные новым странам-членам, не могли устранить этого разрыва, так как направлялись преимущественно на решение экологических проблем и развитие инфраструктуры. Условием выделения этих средств было национальное софинансирование проектов, что нередко блокировало возможности их использования. Размеры субсидий в расчете на душу населения оказывались много больше в странах ЦВЕ с относительно высокими показателями развития, что приводило к усилению экономической дифференциации региона.

10. Проблемы в развитии политических составляющих трансформации были подробно отражены в монографии: Демократическое правовое государство и гражданское общество в странах Центрально-Восточной Европы / Отв. ред. Н.И. Бухарин. М.: Наука, 2005.

В таких условиях сделать из экономического пространства ЕС подлинно единый внутренний рынок, согласно выводам Светланы Павловны, было невозможно даже при полном отсутствии барьеров на пути движения товаров, услуг, капиталов и физических лиц¹¹.

Формирование «зависимой рыночной экономики» и ее эффективность

По мере углубления в проблематику постсоциалистических трансформаций внимание С.П. Глинкиной стали привлекать полученные зарубежными учеными в ходе междисциплинарных исследований доказательства того, что существуют различные типы капиталистического хозяйства¹². Наиболее детальному анализу был подвергнут труд американских экономистов П. Холла и Д. Соскиса, которые выделили два базовых типа капитализма – либеральная рыночная экономика (ЛРЭ) и координируемая рыночная экономика (КРЭ)¹³. По мнению авторов, в ЛРЭ основным механизмом, координирующим деятельность хозяйствующих субъектов, является рынок, а в КРЭ важную роль в координации играют разнообразные нерыночные механизмы: межфирменные и внутрифирменные деловые сети, национальные и секторальные бизнес-ассоциации, профсоюзы и пр. Однако С.П. Глинкина обратила внимание на то, что разработанный методологический подход позволяет анализировать лишь ограниченную часть производственных отношений и институтов развитого капиталистического общества¹⁴. Попытка идентифицировать типы капитализма в постсоциалистическом мире на основе методологии, предложенной П. Холлом

11. *Glinkina S.* Relations between Russia and the EU: Obstacles to the Implementation of the Goals set // EU Watch. Issue 9. Dec.2007/Jan.2008. European Parliament, Brussels, Belgium. Pp. 3–9.

12. *Shonfield A.* Modern Capitalism. Oxford: Oxford University Press, 1965.

13. *Hall P., Soskice D.* An Introduction to Varieties of Capitalism. In: Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage / Ed. by P. Hall, D. Soskice. Oxford University Press, 2001. Pp. 1–69.

14. *Глинкина С.П., Куликова Н.В.* Какой капитализм построен в странах Центрально-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 83–84.

и Д. Соскисом, Светлана Павловна считала непродуктивными. Развитый западный капитализм не универсален, он является результатом исторических особенностей развития конкретных государств, и ни в одной постсоциалистической стране не была реализована ни одна из базовых моделей современной капиталистической экономики, характерных для развитых западных стран. Вместо этого возникли новые типы капитализма – *государственный капитализм* в Китае или *клановый капитализм* в ряде государств Средней Азии и, наконец, *зависимый капитализм* (или *зависимая рыночная экономика*) в Центрально-Восточной Европе.

Формирование в странах ЦВЕ такой модели капитализма предопределило способ перехода от централизованно управляемого планового хозяйства к рыночному путем переноса на национальную почву в полном объеме институтов рыночной экономики, существующих в Евросоюзе. После снятия, в соответствии с правилами ЕС, всех ограничений на деятельность западноевропейских компаний на своей территории эти страны фактически отдали национальные экономики иностранному капиталу. Основной их чертой стала фундаментальная зависимость развития от иностранных инвестиций.

Функцию центрального механизма координации в случае зависимого капитализма выполняют иерархии в рамках ТНК, а такой структурный элемент капиталистической экономики, как корпоративное управление, реализуется их штаб-квартирами^{15,16}. При этом как ключевой институт модели этот механизм координации полностью комплементарен с другими ее элементами, т. е. очевидна связь между корпоративным управлением, основными источниками инвестиций (которыми выступают ПИИ, контролируемые

15. Nolke A., Vliegthart A. Enlarging the Varieties of Capitalism. The Emergence of Dependent Market Economies in East Central Europe // World Politics. 2009. Vol. 61. №. 4. Pp. 670–702.

16. Schneider B.R. Comparing Capitalisms: Liberal, Coordinated, Network, and Hierarchical Varieties. September 2007. <http://www.ufjfbr/ich/files/2010/03/texto-06-grupo-de-pesquisa.pdf>

и финансируемые из штаб-квартир ТНК)^{17,18,19}, системой отношений между трудом и капиталом (при которой ТНК оказываются в исключительно благоприятных условиях для выстраивания особых трудовых отношений в принимающих странах) и механизмами развития инноваций (при которых ТНК оставляют инновационные виды деятельности в странах своего базирования и не тратят большие средства на научно-исследовательскую деятельность или профессиональную подготовку кадров в принимающих странах)²⁰.

Описанная комплементарность институтов обеспечивает странам зависимого капитализма специфические сравнительные преимущества, которые базируются не на радикальных технологических инновациях, характерных для ЛРК, и не на постоянных и постепенных инновациях в организации труда и совершенствовании средств производства, свойственных КРЭ, а являются следствием комбинации низких затрат на труд и достаточно высокого уровня квалификации рабочей силы. Такая комбинация делает страны зависимого капитализма привлекательными для организации транснациональными корпорациями на их территории мощностей по выпуску несложных, стандартизированных товаров или сборочных производств²¹.

Изучение вопроса о том, насколько благоприятным для стран ЦВЕ оказалось попадание в число стран зависимого рыночного капитализма, привело к следующим выводам. Начальный эффект был положительным – группа этих стран уже к 2000 г. восстановила дореформенный объем совокуп-

-
17. Глинкина С., Куликова Н. Трансформация и ее социально-экономические эффекты в Центральной и Восточной Европе // Белорусский экономический журнал. 2013. № 3. С. 8.
 18. Hall P.A., Gingerich D.W. Varieties of Capitalism and Institutional Complementarities in the Macroeconomy. MPIfG Discussion Paper 04/5. September 2004. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/19907/1/dp04-5.pdf>
 19. Horner M. What Connects Industrial Relations and Corporate Governance? Explaining Institutional Complementarity // Socio-Economic Review. 2005. No. 2. Pp. 331–358.
 20. Глинкина С.П. К вопросу о разнообразии моделей капитализма, или Что мы построили в результате трансформации: Доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. С. 16.
 21. Там же. С. 16, 17.

ного валового продукта, а в последующие годы глобального экономического бума, вплоть до мирового финансового кризиса, входила в число наиболее динамично развивавшихся регионов мира. Улучшились и качественные характеристики экономики: повысился средний технологический уровень производства, выросла доля добавленной стоимости в валовом выпуске товаров и услуг, более половины прироста регионального валового продукта обеспечивалось за счет повышения общей факторной производительности, прежде всего производительности труда²². Экономика стала экспортоориентированной, причем впечатляющий рост товарного экспорта сопровождался ростом доли в нем капиталоемкой машиностроительной продукции, а в некоторых странах и доли высокотехнологичных товаров (особенно в Венгрии, Чехии, Эстонии). Своими успехами страны ЦВЕ были во многом обязаны обильному притоку ПИИ и гарантированному спросу на продукцию экспортных секторов экономики, созданных западноевропейскими ТНК. Импульс экономическому росту давало также поддерживавшее внутренний спрос щедрое кредитование производителей и потребителей филиалами западноевропейских банков.

Однако многие из этих достижений имели обратную сторону. Ускорение экономического роста без достаточной для этого собственной здоровой основы привело в странах к опасным внешним и внутренним макроэкономическим диспропорциям. Либерализация внешней торговли обернулась крупными дефицитами торговых и платежных балансов. Предоставление иностранным инвесторам льгот и субсидий, снижение корпоративных налогов с целью стимулирования притока ПИИ увеличивали почти во всех странах ЦВЕ дефициты государственных бюджетов и, как следствие, вели к урезанию не только государственных социальных расходов,

22. Куликова Н.В. Социально-экономические эффекты интеграции стран ЦВЕ в Европейский союз. В сб: Евроинтеграция: влияние на экономическое развитие Центральной и Восточной Европы / Под ред. А.И. Бажана (отв. ред.) и др. М.: Институт Европы РАН, 2014. (Доклады Института Европы, № 303). С. 31.

но и финансирования тех видов деятельности, от которых напрямую зависит экономический рост (образование, научные исследования). Открытие экономики для иностранного финансового капитала вылилось в фактически неуправляемую кредитную экспансию западноевропейских банков.

Рост факторной производительности и добавленной стоимости в странах ЦВЕ был в основном не результатом совершенствования имевшихся производств, а следствием размещения на территории стран ЦВЕ технологически более совершенных филиалов ТНК, раздувания в экономике финансового сектора, сектора платных услуг и сектора недвижимости при одновременном разрушении многих традиционных видов экономической деятельности под давлением конкуренции, возникшей в результате полной свободы передвижения товаров и движения капиталов в границах ЕС, а также вследствие несоответствия техническим стандартам или санитарно-гигиеническим нормам Евросоюза либо из-за установленных его органами квот на производство сельхозпродукции.

Повышение эффективности экономики обеспечили в основном сектора с большой долей иностранного капитала. Впечатляющий рост экспорта произошел благодаря встраиванию продукции филиалов ТНК в вертикальные цепи поставок, внешняя торговля почти полностью замкнулась на рынок ЕС. Одновременно ПИИ мало что дали для технологической модернизации «национального» сектора экономик стран ЦВЕ. Даже передавая в свои филиалы технологии среднего уровня, ТНК сохраняли над ними полный контроль со стороны корпоративных иерархий, исключая риски «утечки»²³. Вместе с тем ставка на «имитационную» модернизацию на основе ПИИ отвлекла внимание стран ЦВЕ от развития сферы НИОКР, которая хронически недофинансировалась, а изобретения в сфере высоких технологий в большинстве

23. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма в Центрально-Восточной Европе // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 3. С. 17.

стран отсутствовали почти полностью²⁴. В итоге значительная часть предприятий стран ЦВЕ с национальным капиталом пришла в упадок, и лишь немногие из них смогли выйти со своей продукцией на западноевропейские рынки.

Наряду с экономическими проблемами в странах региона в ходе трансформации и евроинтеграции выросло неравенство доходов, снизилась доступность публичных услуг, увеличилась безработица и эмиграция, особенно молодежи. Отток рабочей силы обеднил трудовые ресурсы стран, а во многих случаях послужил важной, если не главной, причиной депопуляции.

Обозначенные экономические и социальные проблемы сделали страны ЦВЕ уязвимыми перед внешними шоками, что проявилось во время мирового финансового кризиса, кризиса суверенных долгов в еврозоне и глобального пандемического кризиса. Каждый из этих кризисов ввергал страны ЦВЕ в экономическую рецессию с последующей стагнацией, поскольку падение деловой активности в Западной Европе выбивало из-под экономического роста опору на экспорт, а проблемы западноевропейских банков — на иностранный финансовый капитал²⁵. Показательно, что наибольшую устойчивость среди стран ЦВЕ в кризисные периоды демонстрирует экономика Польши, в большей степени «защищенная» собственным емким внутренним рынком.

Вызовы новой реальности для восточноевропейской модели экономики. Поиск новых решений

Риски стран ЦВЕ, исходящие от критической важности для экономик притока иностранного капитала и их сильной экспортной ориентированности, начали просматриваться уже

24. Глинкина С.П., Куликова Н.В., Синицина И.С. Страны Центрально-Восточной Европы: евроинтеграция и экономический рост: Научный доклад. М: Институт экономики РАН, 2014. С. 58–63.

25. Центральная и Восточная Европа: уроки мирового кризиса / Под ред. Н.В. Куликовой. СПб: Алетей, 2011.

в середине 2000-х годов, когда подошел к завершению льготный для ТНК процесс приватизации. С началом мирового финансового кризиса проблемы проявились в полной мере: объем притока ПИИ в регион сократился в разы; остановка кредитной экспансии западноевропейских банков подавила внутренний спрос; падение деловой активности в Западной Европе обвалило экспорт. В итоге Центрально-Восточная Европа пережила более глубокую экономическую рецессию, чем большинство других регионов, а темпы восстановления были здесь одними из самых низких в мире²⁶.

Роль главной движущей силы начавшегося с середины 2010-х годов экономического роста перешла от экспорта к потреблению домохозяйств, увеличению которого способствовало повышение доходов населения, в том числе заработных плат. Очевидно, что такой экономический рост не может быть устойчивым, поскольку длительное повышение оплаты труда без соответствующего роста его производительности ставит под угрозу международную конкурентоспособность экономики. Вместе с тем, возвращение прежних благоприятных внешних условий развития маловероятно ввиду ставших более скромными международных потоков капитала, замедления роста международной торговли, мировой тенденции к усилению протекционизма и постепенной утраты странами ЦВЕ своего главного конкурентного преимущества — уникальной комбинации низкой стоимости рабочей силы и ее высокой квалификации. Приоритетное значение для обеспечения долгосрочного устойчивого развития приобретают более активная адаптация к глубинным изменениям в мировой экономике и экономическая политика, направленная на форсирование накопления капитала, увеличение предложения рабочей силы и повышение факторной производительности²⁷.

26. Глинкина С.П., Куликова Н.В. О модели капитализма... С. 18.

27. Там же. С. 21.

Осознание ущербности модели зависимого капитализма, в основе которой лежит господство ТНК, вынуждает страны ЦВЕ к поиску новых решений в социально-экономическом развитии. В частности, в ряде из них стал набирать силу «экономический патриотизм». С.П. Глинкина провела анализ этого явления, сосредоточив основное внимание на примере Венгрии. Руководство этой страны, долгие годы выступавшей лидером по привлечению иностранного капитала в регионе, теперь разработало и стало последовательно проводить новую экономическую политику, направленную на поддержку отечественных товаропроизводителей, ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики и увеличение налогового бремени в секторах, где в основном обосновались иностранные компании. Светлана Павловна исследовала используемые в Венгрии инструменты восстановления контроля государства над рыночной экономикой, предприняла попытку оценить результаты новой политики и сделала вывод о том, что вопреки господствующим в экономической теории либеральным догматам идеология экономического патриотизма может быть довольно эффективной с точки зрения развития экономики даже в условиях небольших по размеру постсоциалистических стран Европы. Однако возможности для успешной реализации самостоятельного экономического курса в парадигме «экономического патриотизма» у интегрированных в ЕС стран ЦВЕ весьма ограничены ввиду зависимости от политики наднациональных органов Евросоюза и отсутствия достаточных капиталов^{28, 29}.

-
28. Глинкина С.П. Экономический патриотизм: понятие, предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии) // *Общественные науки и современность*. 2018. № 6. С. 45–58.
29. Глинкина С.П. Куликова Н.В. К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах – членах ЕС // *Экономическая наука современной России*. 2019. № 2 (85). С. 131–149.

Последствия трансформации и евроинтеграции для отношений с Россией

Одно из главных мест в научных исследованиях С. Глинкиной занимал вопрос о геополитических последствиях пост-социалистических трансформаций в Центрально-Восточной Европе. Эти трансформации завершились не только сменой социально-экономической системы в странах региона, но и нахождением ими нового центра геополитического и геоэкономического притяжения в лице Европейского союза. Политические контакты и экономическое взаимодействие с Россией, которая на протяжении почти полувека выступала их политическим союзником и главным экономическим партнером, отошли на второй план. В России, кстати сказать, также возобладала тенденция к максимальному расширению политических контактов и экономических связей с ЕС.

Дополнительные удары по торгово-экономическому сотрудничеству России со странами ЦВЕ нанесла череда экономических кризисов: российский финансовый кризис в 1998 г., мировой финансово-экономический кризис в 2009 г., кризис в российской экономике после 2014 г., коронакризис в 2020 г. Почти полное отсутствие взаимных инвестиций стало препятствием для поступательного наращивания торговли и диверсификации ее товарной структуры. За Россией закрепилась преимущественно роль топливно-сырьевого придатка стран ЦВЕ³⁰.

Товарооборот между Россией и странами ЦВЕ в 1990-х гг. пережил обвал. В 2000-х гг. его стоимостной объем стал расти, однако взаимная торговля так и не вышла на путь устойчивого развития (рис. 1). Этому помешали сначала экономическая рецессия в странах-партнерах в период мирового финансового кризиса, затем застой в российской экономике после 2014 г., антироссийские санкции, введенные Европейским

30. Куликова Н.В., Сеницина И.С. Торговые отношения России со странами Центрально-Восточной Европы // Современная Европа. 2019. № 3. С. 153.

союзом за воссоединение Крыма с Россией, ответное российское продовольственное эмбарго³¹ и, наконец, современный геополитический кризис, вызванный развитием событий на Украине.

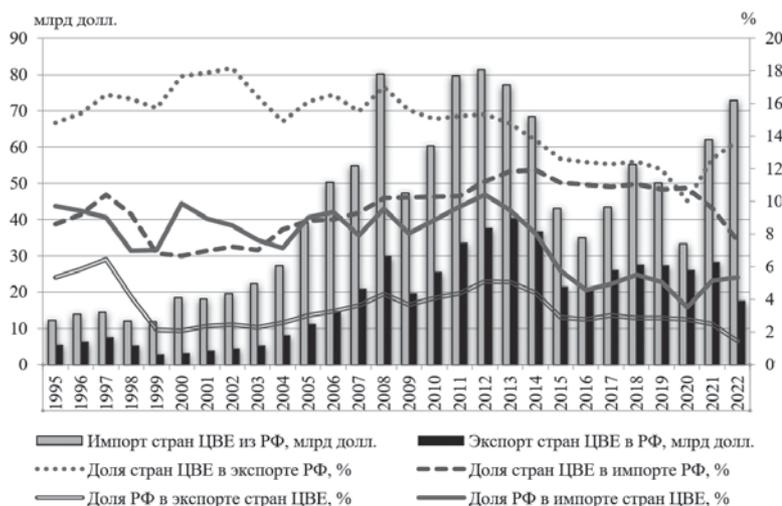


Рис. 1. Динамика товарооборота между РФ и странами ЦВЕ, 1995–2022 гг.

Источник: Рассчитано по UNCTADstat.

Торгово-экономическое взаимодействие с Россией в условиях геополитического кризиса

В настоящее время проходящие в странах ЦВЕ процессы и действующие в их отношениях с Россией тенденции изучаются учениками и соратниками С. Глинкиной в контексте новой геополитической ситуации. Санкционная война, объявленная Западом России после признания нашей страной в конце февраля 2022 г. независимости республик Донбасса и начала СВО на Украине, нанесла по и без того подорванным экономическим связям стран ЦВЕ с Россией сокрушительный

31. Страны Центрально-Восточной Европы в санкционной войне Запада против России: политические позиции и экономические последствия / Отв. ред. Ю.К. Князев. М.: ИЭ РАН, 2015.

удар. Применение странами ЦВЕ (за исключением Сербии и Боснии и Герцеговины) беспрецедентных по количеству и суровости ограничений и запретов, принятых Евросоюзом в отношении России в финансовой, транспортной, торговой и других сферах³², уход многих восточноевропейских компаний из России, возникшие проблемы с поставками Россией природного газа в ЕС³³ привели к радикальному сокращению товарооборота с Россией, включая импорт российских энергоносителей.

Введение Евросоюзом ограничений на закупки большинства ключевых товаров российского экспорта обвалило его стоимостной объем в несколько раз. Вследствие исключений и отсрочек, предусмотренных Европейской комиссией для некоторых стран ЦВЕ в вопросе применения введенных санкций³⁴, изменилась и географическая структура российского экспорта в регион: выросла доля Венгрии, Болгарии, Словакии и Словении при уменьшении доли большинства других стран.

Товарные поставки из стран ЦВЕ в Россию тоже существенно сократились. Наиболее резким было их падение из стран Вышеградской группы и Румынии, которые были основными экспортерами из региона в Россию продукции машиностроения, которая почти вся попала под санкции ЕС.

Значение России как торгового партнера для стран ЦВЕ значительно уменьшилось — в первую очередь вследствие переориентации ими импорта энергоносителей на страны Азии, Африки, США, а также довольно успешной реализации программы REPowerEU по повышению энергоэффективности, энергосбережению и более широкому использованию возобновляемых источников энергии. Вдвое сократилась и доля РФ в экспорте стран ЦВЕ.

32. Куликова Н.В., Синицина И.С. Россия и страны Центрально-Восточной Европы: новый железный занавес // Общество и экономика. 2022. № 12. С. 16–37.

33. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад // Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: Институт экономики РАН, 2022. С. 12–13.

34. Там же. С. 15–16.

Обострение геополитической ситуации имело крайне негативные экономические последствия для стран ЦВЕ. Санкции ЕС спровоцировали энергетический кризис в Европе, перед лицом которого страны ЦВЕ оказались в худшем положении, чем большинство других европейских стран, поскольку уровень их зависимости от импорта российских энергоресурсов в силу исторических и географических причин был особенно высок (по нефти и газу он нередко достигал 100%). Отказ от российских энергоресурсов в пользу энергоресурсов от других поставщиков увеличил стоимость их импорта, которая ранее служила важным источником глобального конкурентного преимущества стран ЦВЕ. Энергоресурсы теперь в регионе почти так же дороги, как и в Западной Европе, а в ряде случаев оказываются даже дороже из-за более высоких транспортных затрат. К этим затратам добавляются инвестиции в передающую инфраструктуру и расходы на переоборудование НПЗ, которые строились во времена СЭВ на трассах нефтепроводов, идущих из СССР, и были технологически заточены именно на переработку тяжелой российской нефти³⁵.

Энергетический кризис и перестройка географии внешней торговли значительно подстегнули инфляцию и резко снизили темпы экономического роста, а во многих странах столкнули экономику в рецессию. Одновременно усилилась напряженность в сфере государственных финансов из-за нарастания дефицита госбюджетов и стоимости обслуживания государственных заимствований. Макроэкономические последствия санкционной войны, трансформируясь в снижение реальных доходов и качества жизни населения, приводят в странах ЦВЕ к социальной, а в некоторых случаях и к политической нестабильности.

Несмотря на очевидный ущерб от разрушения торгово-экономических связей с Россией для большинства стран

35. Куликова Н.В., Сеницина И.С. Россия и страны Центрально-Восточной Европы: новый железный занавес // Общество и экономика. 2022. № 12. С. 19.

ЦВЕ, шансы на их восстановление в сложившейся геополитической ситуации не просматриваются. Кроме того, страны ЦВЕ достаточно успешно реализуют установки программы ЕС REPowerEU по снижению энергозависимости от России: находят замену российским углеводородам, заключая контракты с альтернативными поставщиками; принимают меры по повышению энергоэффективности и энергосбережению; прилагают усилия для более широкого использования возобновляемых источников энергии и осуществления «зеленого перехода» в экономике. Наконец, общественное мнение в странах ЦВЕ не понуждает политиков к прекращению санкционной войны и нормализации отношений с Россией³⁶.

Надежду на некоторое смягчение проблем вселяет только относительно прагматическое поведение восточноевропейского бизнеса, часть которого находит обходные пути для осуществления подсанкционного сотрудничества, прибегая, например, к торговле через посредников в третьих странах³⁷. Однако теневая внешнеэкономическая активность хозяйствующих субъектов не меняет положения дел принципиально, поскольку не связана с налаживанием долгосрочных торговых связей, не говоря уже об инвестиционном сотрудничестве. Реальная возможность нормализации экономических отношений стран ЦВЕ с Россией появится только в том случае, если для европейских политиков станет очевидной недостижимость заявленной цели стратегического поражения России, если они реально оценят ущерб от санкций для их инициаторов и осознают бесперспективность и пагубность сегодняшнего антироссийского политического курса. Случится ли это когда-нибудь? Вопрос остается открытым.

36. Проблемы экономических отношений России со странами Центрально-Восточной Европы в условиях евроинтеграции: Монография / Отв. ред. Н.В. Куликова. М.: ИЭ РАН, 2023. С. 325.

37. Borin A. *et al.* The impact of EU sanctions on Russian imports. <https://cepr.org/voxeu/columns/impact-eu-sanctions-russian-imports> (дата обращения 05.11.2023).

Б.Е. Фрумкин¹

АДАПТАЦИЯ СТРАН ЦВЕ К ОБЩЕЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОСОЮЗА: НОВЫЙ ЭТАП

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления и проблемы адаптации входящих в Евросоюз стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ) к Общей сельскохозяйственной политике (ОСП) ЕС на трех этапах: формирования предпосылок адаптации (1990–2004 гг.), преимущественно пассивной адаптации (2005–2015 гг.) и нарастающе-активной адаптации (после 2015 г.). Особое внимание обращено на актуальные вопросы этой адаптации к изменениям ОСП, обусловленным принятием в 2020 г. новой аграрной стратегии Евросоюза «От фермы до стола». Рассмотрен перенос приоритета в реформируемой ОСП с обеспечения продовольственной безопасности ЕС на максимизацию вклада сельского хозяйства в адаптацию всей экономики Евросоюза к изменениям климата; улучшение управления природными ресурсами в сельском хозяйстве; защиту биоразнообразия и услуг агролесных экосистем. Показано, что «эко-климатизация» основных целей и инструментов ОСП, закрепленная в новой форме управления ею – Национальных стратегических планах, оказалась поспешной и недостаточно продуманной, чреватой подрывом сельхозпроизводства (особенно в типичных для аграрного сектора ЕС семейных фермах), сельского уклада жизни и регионального продовольственного суверенитета ЕС. Рассмотрены связанные с этим беспрецедентные по массовости и остроте протесты фермерства ЕС (особенно стран ЦВЕ) в конце 2023 г. – начале 2024 г. и возможные направления соответствующего «корректирующего» воздействия стран ЦВЕ на ОСП ЕС.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Евросоюз, Общая сельскохозяйственная политика ЕС, адаптация, стратегия «От фермы до стола», фермерские протесты.

-
1. Борис Ефимович Фрумкин, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН и Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примова РАН; boris.frumkin@mail.ru

Boris E. Frumkin²

ADAPTATION OF CEE COUNTRIES TO THE COMMON
AGRICULTURAL POLICY OF THE EUROPEAN UNION:
A NEW STAGE

Abstract. The article examines the main directions and problems of adaptation of the countries of Central and Eastern Europe (CEE) to the Common Agricultural Policy (CAP) of the EU at three stages: the formation of prerequisites for adaptation (1990–2004), mainly passive adaptation (2005–2015) and increasingly active adaptation (after 2015). Particular attention is paid to the current issues of this adaptation in the CAP, caused by the adoption in 2020 of the new agricultural strategy of the European Union – «Farm to Fork». The paper considers the transfer of priority in the reformed CAP from ensuring EU food security to maximizing the contribution of agriculture to the adaptation of the entire EU economy to climate change; improving the management of natural resources in agriculture; protecting biodiversity and agro-forest ecosystem services. It is shown that the «eco-climatization» of the main goals and tools of the CAP, fixed in a new form of its management – National Strategic Plans, turned out to be hasty and insufficiently thought out, fraught with undermining agricultural production (especially in family farms typical of the EU agricultural sector), rural way of life and EU regional food sovereignty. The related unprecedented in scale and severity protests of EU farming (especially in the CEE countries) in late 2023 – early 2024 and possible directions of the corresponding «corrective» impact of the CEE countries on the EU CAP are considered.

Keywords: Central and Eastern Europe, European Union, EU Common Agricultural Policy, adaptation, Farm to Fork strategy, farmer protests.

Со Светланой Павловной Глинкиной я познакомился в конце 1970-х годов, когда она после окончания аспирантуры стала сотрудником Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС) АН СССР. Светлана Павловна принадлежала к условной «второй волне» омоложения научного коллектива института, достойно дополнившей

2. Boris Efimovich Frumkin, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Center for East European Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences», Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; boris.frumkin@mail.ru

«первую волну», инициированную в начале 1970-х гг. директором ИЭМСС, академиком АН СССР Олегом Тимофеевичем Богомоловым с учетом новых задач и требований к институту. Ряд сотрудников «первого молодежного призыва» (например, Б.А. Хейфец, Л.И. Цедилин, да и автор этих строк) до сих пор активно трудятся в Институте экономики (ИЭ) РАН, в состав которого с 2005 г. интегрировалась значительная часть прежнего коллектива ИЭМСС. Уже в первые годы работы Светлана Павловна проявила себя как перспективный исследователь и хороший организатор, в т. ч. в Совете молодых ученых.

Направления работы и структура «Института Богомолова», как ИЭМСС обычно неформально называли в СССР и за рубежом, существенно трансформировались по мере системных экономических и политических перемен в нашей стране и мире. В непростых условиях последней декады 1990-х и первой – 2000-х годов. ИЭМСС был преобразован в Институт международных политических и экономических исследований (ИМЭПИ) РАН, а затем – в Научное направление «Международные экономические и политические исследования» в рамках Института экономики РАН. Именно в то время теоретико-исследовательский и научно-организационный потенциал Светланы Павловны оказался особенно востребованным. Она внесла заметный вклад в разработку проблем теории и практики системных преобразований, изучение социально-экономического развития постсоциалистических стран (особенно стран ЦВЕ) и их взаимоотношений с Россией. В качестве зав. Центром восточноевропейских исследований, а затем – курирующего международные связи зам. директора ИМЭПИ и позднее – ИЭ РАН, она во многом способствовала налаживанию разностороннего сотрудничества с авторитетными научными центрами стран СНГ, Центрально-Восточноевропейских и других государств ЕС, Китая. Например, С.П. Глинкина была членом Научного комитета международного Совета по социальным наукам (Франция), профессором Российско-немецкой высшей школы управления и др.

Не могу не отметить и искренний интерес Светланы Павловны к аграрному сектору в силу сложности его системной трансформации, охватывающей проблемы не только (а нередко – и не столько) преобразования производства, но и изменения всего жизненного уклада в сельских регионах. Для таких исследований страны ЦВЕ давали обширный материал. Мне довелось участвовать в его анализе и осмыслении в рамках подготовленного под редакцией С.П. Глинкиной ряда пионерных научных публикаций³. Учитывая значимость проблематики развития АПК и сельских территорий для устойчивого социально-экономического роста России и Польши (ведущего производителя агропродовольственной продукции в ЦВЕ), Светлана Павловна активно содействовала организации многолетнего продуктивного научного сотрудничества ИЭ РАН с Институтом развития села и сельского хозяйства ПАН (Instytut Rozwoju Wsi i Rolnictwa PAN) – лидером польской аграрно-экономической науки и координатором ряда совместных исследовательских программ с другими странами ЦВЕ.

В этом контексте представляется целесообразным рассмотреть актуальные направления адаптации АПК стран ЦВЕ к трендам в развитии Общей сельскохозяйственной политики (ОСП) ЕС, связанные с реализацией новой, экоклиматически ориентированной аграрной стратегией Евросоюза – «От фермы до стола». Эти направления фактически отражают существенные изменения характера адаптационного процесса, начиная с 1990 г. до настоящего времени. Это период условно можно разделить на три этапа: формирование предпосылок адаптации (1990–2004 гг.), преимущественно пассивной адаптации (2005–2015 гг.) и нарастающе активной адаптации (после 2015 г.).

3. Например, см.: Очерки теории и практики системных преобразований в постсоциалистическом мире. Курс лекций / Отв. ред. С.П. Глинкина. М.: ИЭ ОМЭПИ РАН, 2005. С. 153–199; Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010. С. 167–191.

«Преадаптационный» этап, по сути, замыкался во «внутренних, национальных» рамках конкретных стран ЦВЕ. Они не имели ни формальных, ни реальных возможностей учета своих интересов при модификации ОСП ЕС в этот период. Напротив, эти реформы включали ряд мер адаптационной защиты «старых» стран — членов ЕС от возможных негативных последствий будущего расширения ОСП на страны ЦВЕ (установление заниженных норм субсидирования фермеров ЦВЕ из бюджета ЕС, ужесточение требований к стандартам продовольствия и др.). Начальная часть этого этапа (1990–2000 гг.) фактически совпадала с проведением в странах ЦВЕ рыночных аграрных реформ. Оно в значительной мере организационно-политически и финансово направлялось и контролировалось Еврокомиссией (ЕК) и ведущими «старыми» странами ЕС для создания в регионе ЦВЕ моделей аграрной политики ээсовскому образцу. Эти модели включали определение и стимулирование структурных приоритетов развития агропродовольственного производства, формирование системы его государственной поддержки, регулирования внутренних рынков агропродовольственной продукции и сельскохозяйственных земель. Они охватывали и внешнеторговую политику по агропродовольственной продукции АПК, прежде всего определенное улучшение условий торговли для стран ЦВЕ в рамках единого рынка ЕС. «Прединтеграционная» поддержка из бюджета Евросоюза оказывалась странам ЦВЕ в 1989–1997 гг. в рамках общей Программы содействия реструктуризации экономик стран ЦВЕ (ФАРЕ), а позднее — Специальной программы содействия развитию сельского хозяйства и сельских регионов (САПАРД). Она была нацелена на создание в странах ЦВЕ институционально-правовых механизмов, необходимых для участия в ОСП, и на содействие соответствующей модернизации сельского хозяйства, пищевой отрасли и сельских территорий. За 2000–2004 гг. в рамках САПАРД страны ЦВЕ получили около 0,9 млрд евро, хотя на инвестиции в собственно сельхозпроизводство, увеличивающие потенциал поставок стран ЦВЕ на рынок ЕС, пошло менее

25%⁴. Наиболее успешно «преадаптационная» унификация проходила в Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии и государствах Балтии (Латвии, Литве и Эстонии), которые и стали пионерами присоединения стран ЦВЕ к ОСП ЕС в 2004 г. Более позднее вовлечение в подготовительные процессы в Болгарии и Румынии (подключившихся к ОСП ЕС в 2007 г.) и в меньшей степени – Хорватии (в 2013 г.) было связано с общей недостаточной готовностью к интеграции (слабостью государства, высокой коррупцией)⁵, а также негативными последствиями непродуманных аграрных реформ (чрезмерной парцеллизации сельхозземель, резкого разобобществления сельхозпредприятий, систем их материально-технического обеспечения и др.).

В целом, несмотря на недоработанность и нередко неэффективность, национальных «преадаптационных» механизмов, они заметно способствовали подготовке стран ЦВЕ к ОСП, в т. ч. существенному росту реальных доходов в их сельском хозяйстве⁶. Однако внешние адаптационные возможности «аграрных новичков» были минимальны, что было особенно ощутимо на завершающей части (2000–2004 г.) первого этапа – оформлении присоединения к ОСП. Установление Еврокомиссией жестких 4-летних сроков завершения организационно-правовой имплементации в национальные аграрные системы норм, правил и инструментов ОСП вынудило страны ЦВЕ в ряде ключевых сфер (цен, прямых платежей фермерам, собственности иностранцев на сельхозземли и др.) в ущерб своим аграриям предоставить значительные преимущества фермерам «старых» стран.

-
4. Страны Центральной и Восточной Европы – новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010. С. 178; Европейская интеграция: учебник / Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 295.
 5. Так, ЕК лишь через два года после формального вступления Болгарии и Румынии в ЕС разрешила им «разморозить» соответственно 141 и 180 млн евро, предназначенные для адаптации к ОСП по линии САПАРД, ранее заблокированные из-за плохого администрирования и коррупции при распределении средств внутри стран.
 6. Например, в 2004 г. этот рост был на порядок выше среднего по «расширенному» ЕС 25 и на два порядка – по ЕС 15.

Добиться льготных условий по значимым вопросам новичкам удавалось редко. Например, лишь Польша выговорила себе право 12 лет почти вдвое дольше других стран ЦВЕ) не разрешать покупку своих сельхозземель гражданам других стран ЕС⁷. Впрочем, ЕК была неуступчива и важным вопросам, периодически применяя к странам ЦВЕ «дисциплинарные наказания». Так, к концу 2004 г. во многом по формальным причинам фермеры в Польше недополучили из бюджета ЕС 290 млн на участие в адаптационных программах, пищевым компаниям в Эстонии были назначены штрафы за накопленные ими по недосмотру правительства сверхнормативные запасы сахара, фермам куриных яиц в Латвии — за нарушение неразъясненных им местными чиновниками правил политики конкуренции ЕС и др.

Предотвратить или смягчить такие ситуации не позволяло отсутствие на этом этапе координации адаптационных усилий стран ЦВЕ, в т. ч. из-за фактического поощрения Еврокомиссией конкуренции между ними за скорейшее присоединение к ОСП.

Положение начало заметно меняться уже на следующем этапе (2005—2015 гг.). Получив право голоса в основных институтах ЕС — Евросовете, Европарламенте (ЕП) и Еврокомиссии⁸ — и постепенно осваивая механизм их деятельности, страны ЦВЕ получили реальную возможность все более широко и эффективно адаптироваться к меняющейся ОСП. Эта адаптация оставалась преимущественно пассивной, хотя постепенно расширялась с конкретных просьб отдельных стран ЦВЕ и поддержки ими действий «старых» стран на системные проблемы развития ОСП и выдвижение соб-

-
7. Правда, в ряде стран ЦВЕ находились неформальные пути обхода запрета покупки иностранцами сельхозземель. В Болгарии даже официальная отмена ограничений, с которыми сталкиваются граждане ЕС при покупке сельхозземель, из-за организационно-бюрократических проблем затянута почти на 17 лет.
 8. В 2007 г. доля представителей стран ЦВЕ в Еврокомиссии составляла 37%, в Совете ЕС — около 30%, в Европарламенте — 26%, что в 2,5–3 раза превышало их долю в совокупном ВВП и в 1,3–2 раза — в численности занятых в ЕС. См.: Дынкин А.А. и др. Россия и мир: 2008. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2007. С. 112.

ственных «центральноевропейских» инициатив. По вопросам менее важным для текущей реализации общих направлений ОСП, не ущемляющим коренных интересов «старых» стран и «политически целесообразным» для прогресса европейской интеграции, ЕС шел навстречу инициативам отдельных стран ЦВЕ, их групп или блоков (особенно «Вишеградской четверки» – Венгрии, Словакии, Польши, Чехии и близкой к ним Словении). Так, уже в 2005 г. из бюджета ЕС Польша получила субсидии на экспорт в третьи страны пшеницы и молокопродуктов, Венгрия и Польша – на поддержку продвижения их продовольствия на единый рынок ЕС, Латвия, Литва, Польша – на компенсацию потерь фермеров из-за погодных аномалий и др. В 2006 г. Польша, доминировавшая на рынке замороженной клубники ЕС, добилась введения антидемпинговой пошлины на ее импорт из Китая. В 2008 г. шести странам ЦВЕ, присоединившимся к инициативам ряда «старых» стран, разрешили восстановить пошлины на импорт из третьих стран зерна. Позже присоединившаяся к ОСП Болгария добилась распространения на нее квот на поддерживаемое из бюджета ЕС производство. Однако учет пожеланий «новых» стран был достаточно жестко подчинен интересам основных групп «старых» членов ЕС. Так, ЕК отклонила невыгодные для пищевых отраслей «старых» стран просьбы Венгрии и Польши о введении антидемпинговых пошлин на яблочную пульпу из Китая, Литвы и Польши о повышении их доли в «евросоюзной квоте» на производство картофельного крахмала и т. п. Более того, уже в 2007 г. ЕК без каких-либо скидок на неопытность в использовании механизмов ОСП обязала Венгрию, Словению и Чехию вернуть в бюджет ЕС «неправильно израсходованные» на эту политику средства⁹.

В то же время при решении ключевых вопросов реформирования ЕС отчетливо проявлялась относительная слабость «самостоятельных» центральноевропейских адап-

9. Европейская интеграция: учебник. Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, 2011. С. 185.

тационных инициатив. Так, заинтересованным странам ЦВЕ даже при фактическом блокировании с рядом старых стран не удалось добиться достаточно выгодных для себя условий участия в начавшейся в 2006 г. системной реформе сахарного и в 2008 г. — молочного сектора ЕС. Реформы, пролоббированные «либерально-рыночным» блоком «старых» стран (прежде всего, Великобритании, Нидерландов, Дании, Швеции), намечали постепенный демонтаж системы внутреннего (фиксированных национальных квот производства, регулируемых цен и поддержки из бюджета ЕС и др.) и внешнего (субсидированного экспорта и ограниченного импорта из третьих стран) протекционизма. Они были крайне невыгодны для стран ЦВЕ со значительным, но менее эффективным, чем в ряде старых стран, производстве сахара и молока (прежде всего Венгрии, Латвии, Литвы, Польши, Словении). Уже на первом этапе реформа сахарного сектора, сократив поддержку из бюджета ЕС, привела к снижению площадей под сахарной свеклой в хозяйствах Польши на 15%, Венгрии — на 34%.

Либеральное лобби в ЕК стояло и за принятым в 2008 г. пакете мер по «Проверке здоровья» ОСП, ужесточившим прямое субсидирование фермеров, увязку его с дополнительными экологическими требованиями, дальнейшее сворачивание рыночно-ценового регулирования, перераспределение финансирования ОСП с производственных на социально-экологические цели и полный отказ от субсидирования аграрного экспорта к 2013 г. Реализация этого пакета усиливала административно-финансовую роль Брюсселя при перенесении ответственности за выполнение повышенных требований к ОСП на фермеров, а также национальные и региональные власти. Страны ЦВЕ получили лишь небольшие послабления по срокам реализации этого пакета, что подрывало их финансово-организационную базу для ОСП, сдерживало модернизацию сельхозпроизводства и снижало его конкурентоспособность¹⁰.

10. Страны Центральной и Восточной Европы — новые члены Европейского Союза: проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Наука, 2010. С. 187–188.

С целью предотвращения этих негативных эффектов в Совете министров сельского хозяйства, и особенно в Аграрном комитете ЕП, возникли неформальные группы представителей более протекционистски настроенных старых стран (активных – Франции, Италии, Испании и умеренных – Германии), в союзе с которыми евродепутаты из стран ЦВЕ впервые сумели оказать решающее влияние на реформирование ОСП, включая кадровые аспекты. Благодаря активности этого «смешанного лобби» пост еврокомиссара по сельскому хозяйству и развитию сельских регионов на 2010–2014 гг. занял бывший министр сельского хозяйства Румынии Д. Чолош. Опираясь в т. ч. на центральноевропейскую поддержку, он сумел сдерживать прежний чрезмерно либеральный тренд в развитии ОСП, отстоял центральное место ОСП в экономической политике Евросоюза, добившись минимального снижения расходов на нее из союзного бюджета. В стратегическом плане он разработал и начал внедрять реформу, адаптирующую (без принципиальных изменений) принципы и основные инструменты ОСП к новым условиям в ЕС и мире (курс на поддержание продовольственной безопасности, более справедливое распределение средств между странами и регионами, повышение устойчивости сельхозпроизводства, в т. ч. его рациональное «озеленение» и др.)¹¹. За период работы Д. Чолоша фермерские доходы в среднем по ЕС возросли на 25% (по странам ЦВЕ – еще больше), а стоимость агропродовольственного экспорта ЕС возросла на 70%.

К сожалению, курировал реализацию «реформы Чолоша» в 2014–2000 гг. уже другой аграрный еврокомиссар, недостаточно учитывавший специфику стран ЦВЕ. Это ослабило внимание ЕК к ряду важных для стран ЦВЕ новаций, в т. ч. дополнению выравнивания прямых платежей фермерам не только между странами, но и внутри них; упрощению режима выплат для малых ферм (доминирующих в некото-

11. Европейская интеграция: учебник для вузов / Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 270–271.

рых странах ЦВЕ); разрешению странам с уровнем прямого субсидирования ниже среднего по ЕС (т. е. большинству стран ЦВЕ) тратить часть средств для развития села на поддержку сельхозпроизводства; применению особых стабилизационных при нарушениях на реформированных рынках сахара и молока, и др. В то же время поощрялось введение негативно воспринимаемых многими фермерами стран ЦВЕ увязки 30% прямых платежей из бюджета ЕС с «озеленением» сельхозпроизводства (повышением агроэкологических стандартов, выводом из оборота части пашни и т. п.)¹², потолка субсидий на одно хозяйство (невыгодного для имевшихся в ряде стран ЦВЕ крупных ферм). Негативно повлияло на аграрный сектор стран ЦВЕ и введенное РФ в 2014 г. в ответ на антироссийские санкции продовольственное эмбарго. Ряд этих стран (например, Болгария, Венгрия, частично Польша) и их коллективное лобби постоянно поднимали вопрос об отмене санкций, а РФ, сохраняя ответные меры, не ужесточала их.

Позиции центральноевропейского «адаптационного лобби» несколько ослабли. Однако накопленный опыт работы в институтах ЕС и налаженные связи со странами, придерживающимся «протекционистской» линии в общей аграрной стратегии и политике ЕС, подготовили переход этого лобби после 2015 г. к активной адаптационной политике. Реальными основами данного процесса стало повышение роли региона ЦВЕ в аграрном секторе ЕС, активизация фермерства как политической силы внутри центральноевропейских стран (в связи с ухудшением их социально-экономической ситуации, обострением конкуренции с поставщиками из третьих стран), недовольство потребителей удорожанием продовольствия на внутреннем рынке.

12. Эти меры были связаны с принятой ЕС в 2010 г. десятилетней стратегией экономического развития «Европа 2000», предполагавшей содействие странам в переходе на «зеленую экономику», включая устойчивое сельское хозяйство. Однако уже тогда высказывались опасения в отношении чрезмерного акцентирования преимуществ от охраны окружающей среды. См.: Дынкин А.А. и др. Россия и мир: 2012. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 30.

В 2020 г. доля стран ЦВЕ в сельскохозяйственном ВВП вдвое, а в сельском селении — почти четверо превышала их долю во всем населении ЕС 27. Страны ЦВЕ входят в число ведущих «евросоюзных» экспортеров зерна и масличных. Заметно повысился их политический вес в Европарламенте, других институтах и органах ЕС.

Опираясь на возросший аграрный производственно-торговый и общеполитический потенциал, страны ЦВЕ все чаще стали выступать с собственной согласованной позиции по стратегическим и тактическим вопросам агропродовольственной интеграции ЕС. В 2018 г. рамках обсуждения принципов реформы ОСП «на период после 2020 г.» аграрные министры стран Вишеградской группы (при участии Болгарии, Румынии и Словении) в совместном стратегическом заявлении потребовали сохранить сильную общую аграрную политику с «двухопорной» структурой и достаточным финансированием, обеспечивающим глобальную конкурентоспособность сельского хозяйства ЕС. Конкретизируя этот подход, страны ЦВЕ затем практически единогласно выступили против предложений ЕК по этой реформе на 2021–2027 гг., особенно против снижения расходов бюджета ЕС на ОСП; повышения национального софинансирования затрат на развитие села; усложнения и удорожания системы «озеленения» ОСП; обязательного лимитирования размера прямых платежей на хозяйство и др. По ряду направлений с ними солидаризировались основные производители агропродовольственной продукции среди «старых» стран ЕС, в т. ч. Франция, Италия, Испания, Греция. Благодаря такой солидарности, например, в 2019 г. еврокомиссаром по сельскому хозяйству стал Я. Войчеховский, до этого более 10 лет активно продвигавший интересы Польши и других стран ЦВЕ в Аграрном комитете Европарламента. Он выступал за продолжение ОСП как сильной и хорошо финансируемой единой политики ЕС, укрепление ее наднационального характера при «имплементационной гибкости» в странах, поддержание устойчивой региональной продовольственной безопасности ЕС.

Однако потенциал Я. Войчеховского, как и аграрного лобби стран ЦВЕ в институтах ЕС в целом, не удалось полностью использовать в силу принципиального изменения стратегии развития Союза на основе «Зеленого соглашения», предусматривавшего кардинальную эколого-климатическую переориентацию всех общеэкономических и секторальных политик ЕС на превращение его к 2050 г. в «климатически-нейтральный» регион. На достижение этой общей цели была нацелена принятая в 2020 г. новая аграрная стратегия ЕС «От фермы до стола», потребовавшая соответствующего реформирования ОСП, причем под фактическим руководством не аграрного еврокомиссара, а вице-президента Еврокомиссии, ответственного за весь «зеленый переход» в социально-экономическом развитии региона.

Реформированная ОСП должна способствовать максимизации вклада сельского хозяйства в адаптацию всей экономики ЕС к изменениям климата; улучшению управления природными ресурсами в сельском хозяйстве; защите биоразнообразия и услуг агролесных экосистем; повышению социальной устойчивости аграрного сектора, в т. ч. получению справедливых доходов и эффективной смене поколений фермеров. Для этого предлагалось вывести из сельхозоборота 10% площадей; повысить долю органического земледелия до 25% площадей; снизить применения химических удобрений на 20%, пестицидов – на 50%; сократить потери продовольствия в торговле и потреблении на 50%; перераспределить в пользу мелких и средних фермеров минимум 10% и на поддержку молодых фермеров – 3% выделяемых странам субсидий из бюджета ЕС¹³.

Главный инструмент достижения целей – Национальные стратегические планы (НСП), определяющие для каждой страны параметры инструментов ОСП (прямых платежей,

13. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, The European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Farm to Fork Strategy for a fair, healthy and environmentally-friendly food system. Brussels. 20.05.2020. COM (2020) 381 final. P. 5–6. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0381>

развития сельских регионов, секторальных интервенций) и их финансирование бюджетом ЕС. Наборы мероприятий и показателей их мониторинга и оценки устанавливаются на уровне ЕС и конкретизируются в НСП, исходя из национальных потребностей и возможностей. Структурно НСП включают: *оценку потребностей и стратегий вмешательства* по ключевым направлениям (обеспечению достойных доходов и экономической устойчивости аграрного сектора, улучшению позиций фермеров в цепочке создания стоимости, адаптации к изменениям климата); *согласованность и взаимодополняемость элементов стратегии* (экоклиматической архитектуры, кондициональности; *прямые платежи и поддержку развития отраслей и сельских территорий* (поддержку доходов, помощь молодым фермерам, экосхемы и др.); *финансовый план* (выплаты из фондов ЕС, минимум расходов на ряд целей); *систему управления и координации* (управленческо-координационные и контролирующие органы).

В принципе такой подход отвечает перспективным международным трендам структурной модернизации. В трактовке ОЭСР, они включают смещение фокуса структурной политики на микроуровень на основе «мер по системному улучшению социально-экономической среды»¹⁴. НСП спроектированы для гибкой имплементации общеевропейских организационно-управленческих и финансовых механизмов в странах и их крупных регионах для стимулирования желательной производственно-социальной модернизации структуры аграрного сектора (включая связи с другими звеньями продовольственной системы) на уровне хозяйствующих единиц. Однако заложенные в НСП новые инструменты стимулирования ускорения «экологически дружественного» технологического прогресса и необходимого для этого омоложения фермерства вызвали обоснованные опасения и даже

14. Структурная модернизация российской экономики: условия, направления, механизмы / Под ред. Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкина, В.И. Филатова. СПб: Алетейя, 2022. С. 110–111.

сопротивление аграриев, особенно в слабее финансируемых из «евросоюзного» и национальных бюджетов странах ЦВЕ. Прежде всего это касается *инновационных форм финансирования проектов в сфере охраны среды и климата — экосхем и агроэкологически-климатические меры, уклонение от внедрения которых может заметно сократить субсидирование ферм из бюджета ЕС, составляющее более 20% среднего фермерского дохода.* Большинство стран ЦВЕ, ссылаясь на местные условия, пытались установить более низкие, чем рекомендовала ЕК, ключевые «эко-климатические» показатели (по доле органического земледелия в площади сельхозземель — в среднем по странам в 1,4 раза; доле полностью отвечающих требованиям «экосхем» для фермеров — почти в 5 раз); отложить или смягчить введение более широкого и жесткого набора производственно-экологических стандартов и новых социальных норм, а также не распространять их на ряд видов ферм; сохранить субсидии загрязняющему средству животноводству¹⁵ и т. п. Трудности реализации таких попыток заметно замедлили подготовку странами ЦВЕ своих планов и одобрение их Еврокомиссией. Так, планы Болгарии и Румынии были предпоследними одобренными ЕК — всего за две недели до истечения установленного срока (конец декабря 2022 г.). «Центральноевропейские» планы были утверждены ЕК, несмотря на «недостаточную амбициозность» зафиксированных в них экоклиматических целей и «традиционность» производственно-экономических параметров (прежде всего прямых платежей фермерам). *Фактически страны ЦВЕ максимально использовали легальные возможности смягчения своих обязательств и адаптации к НСП, хотя их подготовка для каждой страны была регламентирована «рекомендациями» ЕК, которая также будет контролировать выполнение этих планов.* Более того, и после утверждения НСП продолжали целенаправленные усилия по их корректировке. Так,

15. Фрумкин Б.Е. Модернизация сельского хозяйства: опыт и новые подходы Евросоюза // Экономическая и технологическая модернизация России: уроки истории и современные вызовы. Памяти Д.Е. Сорокина / Под ред. Н.Ю. Ахапкина. М.: ИЭ РАН, 2022. С. 221–223.

Венгрия, Польша, Словакия и Румыния в числе 13 стран ЕС добились разрешения не увязывать в 2023 г. прямые платежи с выполнением фермерами двух закрепленных в НСП важных стандартов хорошего сельскохозяйственного и экологического состояния земель. В конце 2023 г. страны ЦВЕ уже в числе 15 стран ЕС предложили продлить это решение на 2024 г. Кроме того, в 2023 г. страны ЦВЕ активно участвовали в фактическом затягивании принятия Европарламентом ключевых для «зеленого перехода» в сельском хозяйстве, но очень беспокоивших аграриев законов о восстановлении природы и здоровье почвы, использовании пестицидов и т. д.

Завершающий год подготовки и первый год реализации НСП (2022–2023 гг.) совпали со значительным ухудшением социально-экономической и внутривнутриполитической обстановки в аграрном секторе ЕС. Причем сходные тренды наблюдались как в «новых», так и в «старых» странах, приводя к растущей унификации проблем и требований аграриев во всех регионах ЕС. На тяжелые для всего агропродовольственного комплекса последствия пандемии COVID-19 и растущие потери сельхозпроизводства из-за участвовавшихся и обострившихся экстремальных погодных явлений с 2022 г. наложился негативные эффекты геополитических изменений. Положение евросоюзных аграриев резко ухудшилось в связи с нарушением поставок и удорожанием природного газа, дизельного топлива, минеральных удобрений из России при снижении продовольственного экспорта в нее вследствие введения антироссийских санкций ЕС, а также роста ввоза в ЕС продовольствия из третьих стран. На этом фоне практическая реализация экоклиматических мер НСП в 2023 г. в большинстве стран ЕС существенно отставала от намеченных темпов и масштабов. Фермеры обоснованно опасались, что перераспределение в пользу новых мер 25% традиционных прямых платежей, вывод из оборота части пашни и снижение применения агрохимикатов и др. сократят масштабы и окупаемость их производства, а также его конкурентоспособность против растущего импорта продовольствия извне Евросоюза.

Особенно быстро (по ряду товаров — скачкообразно) рос ввоз в ЕС агропродовольственных товаров из Украины, благодаря практически полной его либерализации с мая 2022 г. Причем наиболее пострадал от этого аграрный сектор соседних с Украиной стран ЦВЕ: Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Словакии и Чехии. Наплыв дешевой и не всегда достаточно контролируемой по качеству и безопасности украинской сельхозпродукции привел в странах «пятерки» к частичному затовариванию, кризису сбыта (вначале по зерну и маслосеменам, затем — по сахару, мясу птицы и др.) и падению фермерских доходов¹⁶. На фоне высокой закредитованности и роста производственных издержек многие фермеры этих стран уже в июле—августе 2022 г. почувствовали угрозу разорения, что породило нарастающие по масштабам и остроте крестьянские протесты. Они, как правило, с пониманием воспринимались большей частью населения, что способствовало возникновению или усилению политической напряженности в странах в начале 2023 г.

В этой ситуации руководство стран ЦВЕ (прежде всего соседей Украины) решилось на переход к наступательной агроадаптационной политике, сменив угрозы ветирования принятия решений ЕС на выдвигание коллективных ультиматумов Еврокомиссии и их согласованное выполнение. Реагируя на внутривнутриполитические протесты и используя их как обоснование своих действий, после неоднократных обращений центральноевропейской «пятерки» (в январе — марте 2023 г.) в ЕК о непродлении льготного режима для импорта украинского продовольствия, в апреле страны перешли к активным действиям. Польша первой запретила до июня импорт и транзит практически всех украинских агропродовольственных продуктов (зерна, сахара, сухих кормов, фруктов, овощей и продуктов их переработки, говядины, свинины, баранины и мяса птицы, молока и молокопродуктов и др.).

16. В 2022 г. против 2021 г. ввоз украинского зерна в ЦВЕ возрос в 54 (Польша) — 180 (Венгрия) раз, причем значительная часть его не прошла, как было обещано Еврокомиссией, транзитом, а осела в этих странах (в Польше — около 80%).

Болгария, Венгрия, Словакия повторили это решение, но по более узкому кругу продуктов и без запрета транзита. Румыния и Чехия, не отказываясь от своих претензий к ЕС, воздержались от применения таких мер.

Фактически это означало первое в истории коллективное нарушение странами ЦВЕ требований и правил общих сельскохозяйственной и торговой политик ЕС в интересах своего АПК. Причем достаточно успешное. Во избежание дальнейшего обострения конфликта в начале мая 2023 г. ЕК обменяла отказ стран центральноевропейской «пятерки» от нарушающих законодательство ЕС (включая его соглашения с Украиной) односторонних действий на запрет до начала июня 2023 г. импорта (при сохранении транзита) из Украины пшеницы, кукурузы, рапса и подсолнечника, а также увеличение поддержки их фермеров бюджетом ЕС. Это решение было неоднозначно воспринято рядом «старых» стран и некоторых стран ЦВЕ (например, Хорватией), не испытывающих заметного воздействия украинского агроэкспорта. Тем не менее уже в конце мая реально оценивавший ситуацию Я. Войчеховский предложил продлить запрет, по крайней мере, до октября, чтобы их фермеры «пятерки» смогли продать старый и разместить новый урожай. Однако в июне ЕК, несмотря на продолжающееся давление Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Словакии, продлила запрет на ввоз в «приграничную пятерку» из Украины пшеницы, кукурузы, рапса и семян подсолнечника лишь до 15 сентября 2023 г. с сохранением их транзита. На это «пятерка», уже имеющая опыт эффективного игнорирования как возражений «старых» стран ЕС, так и угроз Украины обратиться с иском в ВТО и принять свои защитные меры, ответила новыми односторонними наступательными инициативами. После 15 сентября Венгрия, Польша и Словакия продлили запрет на импорт до конца года, причем Польша расширила его номенклатуру на два товара (муку и корма), а Венгрия – сразу на 20 (овощи, мясо, мед и др.). В ноябре новое евроскептическое правительство Словакии также рас-

ширило список запрещенных к ввозу украинских товаров (на муку, сахар и др.), продлив запрет на неопределенный срок. Румыния и Болгария вначале формально не присоединились к запрету, однако под давлением своих аграриев позже ввели ограничительное лицензирование агропродовольственного импорта из Украины. В Румынию с октября до конца года украинские пшеница, кукуруза, рапс и подсолнечник могли импортироваться только с разрешения Минсельхоза и лишь румынскими экономическими операторами. В результате в сентябре – декабре 2023 г. ввоз из Украины этих продуктов практически прекратился. В Болгарии после массовых фермерских протестов подобные меры были введены в ноябре, дополнительно охватив еще три товара. При этом страны «пятерки» согласились облегчить украинский агропродовольственный транзит по т. н. «маршрутам солидарности», в т. ч. через морские порты Польши, Болгарии, Румынии и потенциально – Литвы и Хорватии¹⁷.

С началом 2024 г. ситуация в аграрном секторе Евросоюза еще более усложнилась. Во-первых, проблемы стран ЦВЕ начинают лучше понимать аграрии ряда «старых» стран (в т. ч. свекловоды и птицеводы Франции и ФРГ), также начинающие ощущать негативный эффект неограниченного импорта из Украины. Во-вторых, фермерство стран ЦВЕ, как большинства «старых» стран ЕС, все активнее выступает против недостаточно продуманных мер «зеленого перехода», чреватых подрывом сельхозпроизводства (особенно в «модельных» для аграрного сектора семейных фермах), сельского уклада жизни и региональной продовольственной безопасности. В январе–феврале 2024 г. массовые крестьянские протесты охватили 10 из 16 «старых» стран ЕС и 10 из 11 стран ЦВЕ,

17. Фрумкин Б.Е. Общая сельскохозяйственная политика (март–май 2023 г.) // Европейский союз: факты и комментарии. 2023. Вып. 112. С. 41–42. http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/112.pdf; Фрумкин Б.Е. Общая сельскохозяйственная политика (июнь–август 2023 г.) // Европейский союз: факты и комментарии. 2023. Вып. 113. С. 39. http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/113.pdf; Фрумкин Б.Е. Общая сельскохозяйственная политика (сентябрь–ноябрь 2023 г.) // Европейский союз: факты и комментарии. 2023. Вып. 114. С. 43–44. http://www.edc-aes.ru/data/edcaes/content/user_files/files/114.pdf

причем последние активно сотрудничали с первыми, в т. ч. иницируя такое сотрудничество. В феврале таким инициатором стала Вишеградская группа (Чехия, Венгрия, Польша и Словакия). Аграрная палата Чехии призвала фермеров ЕС к совместным действиям, в т. ч. обсуждению координации общеевропейских протестов фермеров на встрече аграрных организаций «вишеградцев» в Польше. В свою очередь, Еврокомиссия пригласила все заинтересованные стороны начать «стратегический диалог о будущем сельского хозяйства в Европейском союзе» с целью «деполяризации дебатов о переходе к «зеленой» экономике» и обеспечения этого перехода в агропродовольственном секторе «справедливым, разумным и инклюзивным образом»¹⁸.

В новых условиях коллективная переговорная позиция стран ЦВЕ в институтах ЕС объективно усиливается. Это позволяет устойчиво распространять «наступательную адаптацию» «младоевропейцев» с преимущественно тактических (импорт украинского продовольствия и т. п.) на стратегические решения, превращая ее в важную движущую силу корректировки аграрной стратегии и конкретизирующей ее ОСП ЕС в направлении более продуманного, приемлемого для фермеров и обеспечивающего продовольственную безопасность ЕС «озеленения».

18. Note from the Presidency on the Strategic Dialogue on the Future of Agriculture in the EU. Brussels. 9 January 2024. P. 1. <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-5145-2024-INIT/en/pdf>

О.Г. Волотов, С.О. Волотов¹

ВЕНГРИЯ: БОРЬБА ЗА СУВЕРЕНИТЕТ СПУСТЯ 20 ЛЕТ ЧЛЕНСТВА В ЕВРОСОЮЗЕ

Аннотация. В статье, посвященной памяти С.П. Глинкиной, рассматривается современное противостояние Венгрии по отношению к институтам ЕС, неприятие навязываемых ей норм и требований в области решения миграционного кризиса, гендерной идеологии, социальной и экономической политик. За 20 лет членства в Евросоюзе сформировалась односторонняя финансовая и экономическая зависимость Венгрии от решений Еврокомиссии, ощутимо ограничивающая ее суверенитет. Страна все более тяготеет к этому положению, пытается найти пути, чтобы ослабить эту зависимость: налаживает сотрудничество со странами вне ЕС, в первую очередь с Китаем, странами Организации Тюркских Государств. Вопреки западному мейнстриму поддерживает отношения с Россией. Как крайнюю меру в отстаивании своих интересов руководство страны допускает Nexit по примеру Великобритании.

Ключевые слова: Глинкина С.П., Венгрия, Евросоюз, суверенитет, национальные консультации, Организация Тюркских Государств, Китай, Nexit.

Oleg G. Volotov, Sergey O. Volotov²

HUNGARY: A STRUGGLE FOR THE SOVEREIGNTY AFTER 20 YEARS OF EU MEMBERSHIP

Abstract. The article dedicated to the memory of Glinkina S.P. considers the contemporary controversy between Hungary and EU institutions, rejection of imposed rules and requirements in the field of giving an answer to the migration crisis, gender ideology, social and economic policy. 20 years

-
1. Олег Григорьевич Волотов, старший научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; volotovoleg@mail.ru.
Сергей Олегович Волотов, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра восточноевропейских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; sergey-volotov@rambler.ru
 2. Oleg Grigoriyevich Volotov, Senior Researcher of the Center for Eastern European Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»; volotovoleg@mail.ru.
Sergey Olegovich Volotov, Cand. Sci. (Econ.), Researcher of the Center for Eastern European Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»; sergey-volotov@rambler.ru

of the European Union's membership formed the unilateral financial and economic dependence of Hungary on decisions of the European Commission, which considerably limits its sovereignty. The country is more and more heavily weighed down with this condition and tries to find a way to weaken its dependence: builds up cooperation with states outside the EU, foremost with China, and also with members of the Organization of Turkic States. Contrary to the western mainstream maintains relations with Russia. As a last resort in protecting its interests the governance admits "British-style" Huxit.

Keywords: Glinkina S.P., Hungary, European Union, sovereignty, national consultations, Organization of Turkic States, China, Huxit.

В мае 2024 г. исполнилось 20 лет, как Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия присоединились к Евросоюзу. С.П. Глинкина, уделявшая в своей научно-исследовательской деятельности много внимания этому событию, уже тогда предвидела, что «возвращение в Европу» для стран ЦВЕ может обернуться источником новых проблем. Она справедливо отмечала, что эти страны обладают специфическими чертами, которые могут оказать принципиальное воздействие как на характер, так и на последствия расширения ЕС. При этом она не исключала, что членство стран ЦВЕ в ЕС может обернуться источником многочисленных проблем, которые, в конечном счете, приведут сначала к значительной трансформации, а затем и к ослаблению Евросоюза³.

Впоследствии она впервые сформулировала такое новое явление, как «экономический патриотизм», связав его с политикой премьер-министра Венгрии В. Орбана, когда в ходе кризиса 2008–2009 гг. произошел массовый отток иностранного капитала, поставивший страну на грань банкротства и вынудивший его признать, что «безопасность национальной экономики немыслима без национального влияния»⁴.

3. Россия и страны Центральной и Юго-Восточной Европы: взаимоотношения в начале XXI века // Институт международных экономических и политических исследований РАН. М.: 2003. С. 14, 18, 20.

4. Глинкина С.П. Экономический патриотизм: понятие, предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии) // *Общественные науки и современность*. 2018. №6. С. 51.

В результате в экономической политике Венгрии появились 3 новых направления, полностью согласующиеся с идеологией экономического национализма и во многом противоречащие духу, а нередко и букве европейского права:

- поддержка отечественных товаропроизводителей;
- ограничение роли иностранного капитала в ряде отраслей экономики;
- увеличение финансового бремени для филиалов транснациональных корпораций⁵.

Одной из наиболее острых проблем для Венгрии после ее вступления в Евросоюз явилось выполнение Маастрихтских критериев, необходимых для перехода страны на евро. При этом особенно сложным для нее оказалось восстановление нарушенной финансовой сбалансированности (снижение дефицита госбюджета до требуемого Евросоюзом уровня ниже 3% от ВВП страны). Дефицит госбюджета в 2004 г. (5,3% от ВВП страны) в 1,8 раза превысил соответствующий Маастрихтский норматив.

Тогда же, в мае 2004 г. Европейская Комиссия сделала Венгрии предупреждение, заявив о своих серьезных сомнениях в обоснованности венгерской программы, и одновременно дала свои замечания и рекомендации по ее выполнению. 22 декабря 2004 г. Европейская Комиссия предложила начать так называемую «excessive deficit procedure» (процедуру чрезмерного дефицита) в отношении именно Венгрии.

Таким образом, уже в самом начале своего членства в Евросоюзе Венгрия столкнулась с жестким диктатом со стороны Брюсселя, сковывающего инициативу венгерского хозяйственного руководства, не дающего ему возможности для свободного маневра, а самое главное, не всегда отвечающего насущным задачам венгерской экономики и общества. Впоследствии соответствующие требования были предъявлены Венгрии в полном объеме, включая использование санк-

5. Глинкина С.П., Куликова Н.В. К экономическому патриотизму: новые тенденции в постсоциалистических странах – членах ЕС // Экономическая наука современной России. 2019. № 2. С. 141.

ций (вплоть до замораживания выплат из Фонда сплочения и других источников).

Как заявил тогдашний премьер-министр Венгрии Ф. Дюрчань, «не мы для Маастрихтских критериев, а они для нас», переход на евро должен служить интересам страны, а не стать барьером на пути ее модернизации, осуществления социальных реформ, развития инфраструктуры⁶.

Односторонняя экономическая зависимость от ЕС

Вступая в Евросоюз, Венгрия рассчитывала на его существенную финансовую поддержку, что позволило бы ей сократить значительное отставание от уровня экономического развития западноевропейских стран. За годы членства в ЕС Венгрии удалось ощутимо приблизиться к среднему уровню экономического развития стран Евросоюза. Если в 2003 г. ее ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составлял 65,1% от среднего по ЕС-27 уровня, то в 2020 г. — уже 74,7%, а в 2021–2023 гг. — порядка 76–77%.

Однако финансовая подпитка Венгрии со стороны Евросоюза постепенно сокращается: если в 2007–2013 гг. ей из бюджета ЕС было выделено 29,6 млрд евро, в 2014–2020 гг. — 23,6 млрд евро, то в текущем семилетнем бюджетном периоде 2021–2027 гг. — всего 20,1 млрд⁷. В первом полугодии 2023 г. ей было выделено всего 1,2 млрд евро, причем за счет оставшихся от предыдущего бюджетного периода 2014–2020 гг. средств, а также включая начавшуюся в текущем бюджетном периоде финансовую поддержку сельского хозяйства⁸.

В декабре 2023 г. Еврокомиссия все же разморозила 10,2 млрд евро, причитающихся Венгрии в 2021–2027 гг. из Фонда сплочения⁹. При этом Европарламент тут же обра-

6. Világ gazdaság. 2005. 12. október; Népszabadság. 2005. 3. október.

7. Unióspénzek: ekkora összegek érkeztek Magyarországra Brüsszelből // Világ gazdaság. 2023. 5. november.

8. Az uniós forrásokra égető szükség lesz jövőre // Világ gazdaság. 2023. 1. november.

9. *Halmi K.* Fellázadt az Európai Parlament, megszavazta a pert az Európai Bizottság ellen az Orbán-kormánynak utalt támogatás miatt // Népszava. 2024. 18. január.

тился в Европейский суд с иском против Еврокомиссии, опротестовав это решение. По мнению депутатов Европарламента, средства ЕС должны быть переданы непосредственно венгерскому населению в лице местных и региональных органов власти, а также для финансирования организаций гражданского общества.

За годы членства в Евросоюзе сформировалась однобокая экономическая зависимость Венгрии от него, что, как показал финансовый кризис 2008–2009 гг., чревато утратой хозяйственной самостоятельности. Достаточно сказать, что если в 2003 г. на страны ЕС приходилось чуть более 70% венгерского экспорта и всего 54% встречного импорта, то к 2024 г. их доля увеличилась до соответственно 77 и 75%.

Венгрия оказалась связана с ЕС тысячами нитей. При этом большую часть венгерского ВВП, а также товарного экспорта ныне производят дочерние предприятия, учрежденные на территории Венгрии западными транснациональными корпорациями. По итогам 2022 г., например, из примерно 100 млрд евро, накопленных в Венгрии ПИИ 82 млрд евро – это западноевропейские инвестиции: 17,2 млрд евро – немецкие, 17,1 млрд евро – голландские, 11,8 млрд евро – австрийские, 6 млрд евро – французские (Auchan, Cofidis, Electrolux и Sanofi). На сумму около 10 млрд евро – это инвестиции таких американских гигантов, как General Electric, Coca Cola, Flextronics, Jabil Circuit и Morgan Stanley. На долю Китая в 2022 г. пришлось всего 294 млн евро накопленных в Венгрии капитальных вложений¹⁰.

И лишь по итогам 2023 г. из 13 млрд евро, поступивших в страну ПИИ, 7,6 млрд евро – китайские, 2 млрд евро – южнокорейские и лишь 961 млн евро – немецкие¹¹. Дело в том, что венгерское руководство одним из первых осознало первые признаки изменяющегося миропорядка и уже в 2010 г., раньше и решительнее других стран взяло курс

10. Papp Zs. Orbán Viktor most inkább mégsem akar háborúzni azzal az EU-val, amelyet karácsonykor még el akart foglalni // *Népszava*. 2024. 3 február.

11. *Ibidem*.

на открытие к Востоку, а в 2015 г. — и к Югу. Как объяснил впоследствии премьер-министр Венгрии В. Орбан, «мы тогда почувствовали, что мир будет быстро преобразовываться, расстановка сил изменится и на возвышение Азии Венгрии придется дать соответствующий ответ»¹².

Венгрия в новой мировой экономической системе увидела для себя гигантские возможности. К тому же гегемония Запада прекратилась, он оказался не в состоянии продолжать делать крупные инвестиции в венгерскую экономику, а брюссельские бюрократы — найти выход из создавшегося тупика.

Как пояснил министр внешнеэкономических и иностранных дел Венгрии П. Сийярто, 15 лет назад 70–80% капитальных вложений в мире осуществлялись Западом, а 20–30% — Востоком. Ныне эти пропорции поменялись местами. Следующее десятилетие в Европе будет десятилетием восточных инвестиций. Венгерский опыт свидетельствует, что в последние годы на порядок больше инвестиций стало поступать из стран Азии, тогда как раньше крупнейшими инвесторами были Германия, Нидерланды, Австрия и США¹³. Если в 2014 г. на страны Востока в Венгрии приходилось 18,8% накопленных ПИИ, то в 2023 г. — уже 34%¹⁴. Теперь в Европе разворачивается жесткая конкуренция за восточные инвестиции, и западноевропейские страны завидуют более успешным восточноевропейским странам, прежде всего Венгрии, и всячески препятствуют им в налаживании сотрудничества с Востоком.

Касательно роли ПИИ в венгерской экономике В. Орбан отметил, что иностранными инвесторами ежегодно вывозится из страны 4–6 млрд евро в качестве дивидендов. Венгерские инвесторы ввозят в страну из-за рубежа в качестве дивидендов порядка 1,5 млрд евро в год, и еще на сумму 1,5 млрд евро делают свои капвложения в венгерскую экономику

12. *Orbán Viktor*: Óriási lehetőséget látunk Magyarország számára az új világgazdasági rendszerben // MTI. 2024. 18 január.

13. *Szijjártó Péter*: Európának szüksége van a keleti beruházásokra // MTI. 2024. 2 február.

14. *Nagy Márton*: Kína fontos gazdasági partnere Magyarországnak // MTI. 2024. 1 február.

инвесторы из ЕС. Хотя иностранные инвесторы обеспечивают Венгрии хорошо оплачиваемые рабочие места, платят налоги в казну, обеспечивают рост ВВП, тем не менее остается неприятное чувство, что венгров попросту эксплуатируют. Вывод: надо увеличить вывоз отечественного предпринимательского капитала за рубеж¹⁵.

Политика открытия к Востоку и Югу

Преследуя цель ослабить экономическую зависимость от ЕС, Венгрия активизировала дипломатическую работу в странах Азии. В 2018 г., например, она получила статус наблюдателя в Организации Тюркских Государств (ОТГ), учрежденной в 2009 г., в которую ныне входят на правах полноправных членов Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция, Узбекистан, а также – в статусе наблюдателей – Венгрия, Туркменистан и Турецкая Республика Северного Кипра. Объясняя свою причастность к тюркским народам, В. Орбан на саммите Организации в октябре 2019 г. заявил, что «в жилах венгров течет кровь кыпчаков»¹⁶. Хотя языковая или этническая принадлежность здесь ни при чем. Главное – это диверсифицировать свои экономические отношения.

Заинтересованность Венгрии в сотрудничестве с ОТГ состоит прежде всего в намерении в будущем закупать по трубопроводам нефть у Азербайджана (до 2 млн т в год), а природный газ – у Туркменистана, транзитом по территории Азербайджана и Турции. Венгерская нефтегазовая компания «МОЛ», например, в 2023 г. начала добычу природного газа на территории Казахстана.

Помимо этого, Венгрия планирует сыграть роль моста в отношениях между странами ОТГ и Евросоюза. Руководство страны стимулирует отечественные предприятия активнее инвестировать в страны ОТГ. Неслучайно Венгрия присо-

15. Papp Zs. Semmit nem tudott mondani a magyar gazdaságpolitika várható folyamatairól Orbán Viktor // Népszava. 2024. 4 március.

16. Bod P. Magyarország és a türk államok: a számok szerint finoman szólva kétséges, van-e értelme az együttműködésnek // Népszava. 2023. 9 december.

единилась к Тюркскому инвестиционному фонду, внося в его уставный капитал 100 млн евро. Венгерский Эксимбанк, кроме того, открыл рамочный кредит на сумму 545 млн долл. для финансирования совместных инвестиционных проектов со странами ОТГ. До 870 стипендиатов повысила Венгрия в 2021–2022 учебном году квоту для обучения в высших учебных заведениях страны студентов из стран ОТГ¹⁷. Договорившись с участниками ОТГ учредить в Будапеште Институт ОТГ по предотвращению засух, Венгрия рассчитывает широко использовать свои компетенции в этой области на территории стран ОТГ.

Особое значение для Венгрии имеет то, что в 2023 г. среди стран ЦВЕ она стала для китайских инвесторов первостепенной целью. Так, китайская компания «Contemporary Ampere Technology Co. Limited» (CATL), являющаяся крупнейшим производителем аккумуляторов для электромобилей в мире, намеревается инвестировать 7,34 млрд евро в строительство аккумуляторного завода в г. Дебрецен, который станет вторым по величине заводом в Европе (после аналогичного немецкого) и обеспечит 9 тысяч новых рабочих мест¹⁸. Свою продукцию CATL планирует сбывать близлежащим автомобильным компаниям «Mercedes-Benz», «BMW», «Stellantis» и «Volkswagen».

Крупнейший китайский производитель электромобилей «Build Your Dreams» (BYD), который дает работу 300 тысячам рабочих в мире, свое первое предприятие на территории Венгрии создал еще в 2017 г. в г. Комаром, вложив в него 20 млн долл. Теперь же он планирует инвестировать 5 млрд евро в сооружение завода по производству электробусов и электромобилей в г. Сегед¹⁹. В результате этих двух китайских инвестиций в Венгрии появится новая для нее, перспективная отрасль – электромобилестроение. Приняв к сведению

17. Magyarország indítványozza a Türk Tanács és a V4-ek közös csúcstalálkozóját // MTI. 2021. 12 november.

18. Újabb gigaberuházás Debrecenben // MTI. 2022. 12 augusztus.

19. *Bod P.* Ötmilliárd euróért építhet gyárat kínai BYD // Népszava. 2023. 26 október.

такого рода китайские инвестиции на фоне приостановки финансирования из бюджета ЕС, можно понять П. Сийярто, который сказал, что Китай, по сути, спасает Венгрию²⁰.

По итогам 2023 г. Китай вышел на 9-е место в ряду крупнейших торговых партнеров Венгрии: на него теперь приходится 4% всего ее внешнеторгового оборота. На территории Венгрии функционирует 380 предприятий с участием китайского капитала, которые дают работу 16 тыс. человек. В 2023 г. Китай стал, кроме того, инвестором №1 в венгерскую экономику.

Основу для развития взаимного сотрудничества Венгрия и Китай заложили в июне 2015 г., подписав межправительственный протокол о намерениях, предусматривающий совместное участие в формировании китайского проекта «Один пояс — один путь». Венгрия явилась первой европейской страной, с которой Китай заключил такого рода соглашение. Произошла стыковка китайской политики «Одного пояса — одного пути» и венгерской политики «Открытия к Востоку». Венгрия также первой среди европейских стран создала механизм рабочей группы для реализации проекта «Один пояс — один путь».

По мнению П. Сийярто, сотрудничество с китайцами приобретает исключительное значение; в противном случае, если ЕС не сумеет наладить сотрудничество с Китаем, тогда во многих отраслях промышленности новейшие технологические решения станут для венгров недоступными, а это будет означать падение европейской конкурентоспособности²¹.

Весьма плодотворным стало участие венгерской делегации во главе с В. Орбаном в Третьем международном форуме «Один пояс — один путь», состоявшемся в Пекине в октябре 2023 г. Венгрия была единственным представителем Евросоюза на этом саммите. В ходе визита были подписаны 10 венгеро-китайских межправительственных соглашений

20. Szijjártó Péter. Magyarország vált a kínai vállalatok első számú közép-európai beruházási célpontjává // Népszava. 2023. 30 június.

21. Képmutató az EU Kína-politikája, az együttműködés összeurópai érdek // MTI. 2019. 1 február.

о сотрудничестве в различных областях экономики, включая инвестиции в развитие высокотехнологичных производств. Особое значение имеет договоренность с руководством компании Huawei об участии последней в цифровизации экономики Венгрии.

Таким образом, Венгрия готова форсировать прагматичное сотрудничество с Китаем и очень дорожит тем, что Китай поднял сотрудничество с Венгрией на уровень «стратегического всеобъемлющего партнерства» — самой высокой в Китае категории. Это позволяет Венгрии извлекать максимум пользы из своего привилегированного положения в китайской политике по отношению к странам ЦВЕ.

Закон о защите суверенитета и национальные консультации

Если до 2014 г. разногласия между руководством Венгрии, с одной стороны, и бюрократами из Еврокомиссии и леволиберальными депутатами Европарламента, — с другой, касались в основном экономических аспектов взаимодействия, то в последние годы на первый план выдвигаются кардинально разные подходы сторон к решению насущных политических и идеологических проблем. При этом Брюссель в отношениях с Венгрией предпочитает вместо переговоров шантаж, а вместо конструктивных диалогов — политику угроз.

Более того, трудно забыть, как осенью 2014 г. США попытались жестко наказать Венгрию в назидание другим странам ЦВЕ и организовали массовые беспорядки среди молодежи по всей стране, пригрозив В. Орбану реализовать известный сценарий «цветных революций», в том числе и кровавый по типу украинского Майдана. Истинной причиной гнева США явилась проводимая тогда В. Орбаном политика, направленная на ограничение роли иностранного капитала в экономике страны.

Запад не может простить В. Орбану и его неприятие политики Брюсселя в отношении миграционного кризиса: решительный отказ от обязательных квот по приему бежен-

цев. Именно тогда, 12 сентября 2018 г. Европарламент принял «Доклад Саргентини» о нарушении Венгрией ценностей ЕС, что допускает применение статьи 7 Лиссабонского договора, лишаящей ее права голоса и дотаций²².

16 октября 2018 г. венгерский парламент принял Решение в защиту суверенитета Венгрии, в котором отвергались «клеветнические утверждения», содержащиеся в Докладе Саргентини²³. В Решении отмечалось также, что истинной причиной подобных нападок на Венгрию явилась ее принципиальная позиция по миграционному кризису в ЕС, отвергающая какие бы то ни было обязательные квоты по приему беженцев.

В ноябре 2020 г. В. Орбан сделал несколько заявлений, в которых объяснил свою позицию. Поскольку Венгрия имеет отличную от большинства стран — членов ЕС точку зрения по ряду основополагающих вопросов — в первую очередь по миграции, национальному суверенитету и гендерным представлениям, — она не может себе позволить, чтобы простым большинством голосов ей были бы навязаны не приемлемые для венгров решения. Тем более что сегодня в Брюсселе правовым государством полагают лишь то, которое готово принять в свою страну мигрантов²⁴.

Несмотря на решительное неприятие Будапештом вмешательства органов ЕС во внутреннюю политику страны, в конце июня 2021 г. на саммите ЕС, а затем 7 июля на пленарном заседании Европарламента был обсужден вопрос о положении дел с выполнением Венгрией норм правового государства. Главной темой стал принятый в начале июня 2021 г. венгерский закон о защите детей, запрещающий представителям сексуальных меньшинств пропагандистскую деятельность в детских образовательных учреждениях²⁵. Венгерская сторона считала это грубейшим посягательством на суверенитет страны.

22. Megszavazta az EP a Sargentini-jelentést. MTI. 2018. 12 szeptember.

23. Elfogadták a Sargentini-jelentést visszautasító határozatot. – MTI. 2018. 16 október.

24. Orbán Viktor: Egyesíteni fogjuk az erőinket // Magyar Hírlap. 2020. 26 november.

25. Fidesz: Az EP átlépett egy vörös vonalat // Magyar Hírlap. 2021. 7 július.

Еврокомиссия, в свою очередь, затормозила выделение Венгрии законно причитающихся ей денежных средств, пытаясь оказать на нее давление и вынудить отказаться от этого закона. Прикрываясь обвинениями Венгрии в нарушении норм правового государства и в системной коррупции, Брюссель на самом деле мстит ей за неприятие его миграционной политики и гендерной идеологии.

В последние годы острую актуальность приобрела проблематика финансовой поддержки венгерской леволиберальной оппозиции со стороны Запада, прежде всего США и «империи Сороса». Государственная счетная палата вскрыла многочисленные факты такого финансирования на миллионы долларов как самих леволиберальных оппозиционных партий, так и их СМИ в ходе парламентских выборов 2022 г. Это противоречит венгерскому законодательству о выборах, в силу чего Государственная счетная палата подвергла нарушителей строгому наказанию, обязав их внести в бюджет страны в общей сложности 261 млн фунтов (около 670 тыс. евро)²⁶. Главную свою цель США и соросовские структуры при этом видят в отстранении от власти правящего блока Фидес–ХДНП и создании правительства, полностью лояльного по отношению к Западу.

В конце декабря 2023 г. парламент Венгрии принял Закон о защите национального суверенитета страны, вступивший в силу 2 марта 2024 г. В Преамбуле Закона отмечается, что весной 2022 г. оппозиция сумела обойти уже и тогда действовавший запрет, поскольку получала финансовую поддержку из США не напрямую, а опосредованно – через организации гражданского общества и хозяйственные компании, занимающиеся политической деятельностью. Тем самым был нарушен суверенитет страны, а ее безопасность подверглась серьезному риску: политическая власть могла попасть в руки физических или юридических лиц, которые состоят в зависи-

26. Már a NAV is vizsgálja a dollárbaloldal legújabb botrányát // Magyar Nemzet. 2024. 20 február.

мых отношениях с каким-либо иностранным государством, организацией или персоной²⁷.

Во избежание подобных ситуаций Закон предусмотрел учреждение независимого Управления по защите суверенитета, которое приступило к работе в феврале—марте 2024 г.²⁸ Главной функцией Управления стало противодействие попыткам иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Законодательством Венгрии предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок до 3 лет, если какая-либо политическая партия будет принимать запрещенную законом финансовую помощь от иностранных спонсоров. В ответ Еврокомиссия запустила процедуру нарушения Венгрией целого ряда своих обязательств в области демократических ценностей ЕС.

Венецианская комиссия при Совете Европы, рассмотрев этот Закон, признала излишним учреждение специального Управления по защите суверенитета, поскольку его функции в демократическом государстве могут исполнять суды и другие правоохранительные органы. Кроме того, в решении ставится под сомнение независимость нового Управления, что дает ему возможность самочинно и политически мотивированно ограничивать свободное и демократичное участие граждан в политической жизни страны, вмешиваться в частную жизнь юридических и физических лиц²⁹.

Для усиления своих позиций в нескончаемых спорах с Еврокомиссией правительство В. Орбана практикует проведение так называемых «национальных консультаций» — референдумов по актуальным вопросам внешней и внутренней политики страны. Опыт показал, что подобные плебисциты, действительно, позволяют наладить обратную связь с избирателями, укрепляют легитимацию решений

27. 2023. évi LXXXVIII. törvény a nemzeti szuverenitás védelméről // Magyar Közlöny. 2023. 21 december.

28. Halmi K., Hargitai M. Itt a bejelentés, kötelezettségzegési eljárást indított az Orbán-kormány szuverenitásvédelmi törvénye miatt az Európai Bizottság // Népszava. 2024. 7 február.

29. Semmi szükség Láncki Tamás szuverenitásvédelminek nevezett hivatalára a Velencei Bizottság szerint // Népszava. 2024. 19 március.

правительства и способны повлиять на ход политических процессов в стране.

Всего с 2010 г. в Венгрии было проведено 13 таких консультаций. В 2017 г. национальная консультация была проведена под лозунгом «Остановим Брюссель!», в ходе которой предлагалось ответить, в частности, на вопрос о необходимости регистрироваться организациям, получающим денежную поддержку из-за рубежа, с указанием следующих сведений: по поручению какой страны или организации и с какой целью они работают³⁰.

В ноябре–декабре 2022 г. правительство Венгрии – единственное среди стран ЕС – обратилось к населению с вопросом: одобряют ли они санкционную политику Брюсселя в отношении России. В. Орбан объяснил, что это не принципиальный вопрос, а практический, поскольку из-за санкций цены на энергоносители взлетели до небес, и страна в силу этого ежегодно несет убытки порядка 10 млрд евро³¹. В опросе приняли участие 1,4 млн человек, из них 97% поддержали руководство страны в неприятии санкционной политики Брюсселя. Еврокомиссия не признала результаты референдума, сославшись на малочисленность принявших в нем участие. Руководство Венгрии с самого начала санкционной кампании Запада в отношении РФ занимает негативную позицию, но всякий раз из солидарности с другими членами ЕС голосует за очередной пакет санкций, правда всякий раз выторговывая для себя необходимые исключения.

Последняя консультация, которую провели зимой 2023–2024 гг., была посвящена защите суверенитета Венгрии. Правительство исходило из того, что в его отношениях с Еврокомиссией накопилось много спорных вопросов, причем среди них есть и такие, которые могут сильно ограничить экономическую самостоятельность правительства, ощутимо затронуть благосостояние граждан и угрожают безопасно-

30. Már 15 éve sikeres kapcsolatteremtési eszköz a nemzeti konzultáció // Magyar Hírlap. 2020. 5 június.

31. Orbán Viktor: Ma több barátunk és több szövetségünk van a nemzetközi térben // MTI. 2022. 18 november.

сти страны: ставят под вопрос продолжение финансовой поддержки коммунальных расходов населения, сохранение стоп-процента на ипотечные кредиты и кредиты для малых и средних предприятий, а также налога на экстраприбыли иностранных компаний. Кроме того, на обсуждение были вынесены такие острые вопросы, как проблематика войны на Украине и в Израиле, целесообразность приема Украины в ЕС, противодействие влиянию на венгерскую внешнюю политику из-за рубежа, закон о защите детей³². В консультации приняли участие более 1,5 млн человек, которые в основном поддержали позицию правительства по поставленным вопросам в его противоборстве с Брюсселем.

«Nexit» как крайняя мера отстаивания Венгрией своих интересов

Особая позиция Венгрии по внешне- и внутривнутриполитической повестке Евросоюза, отличная от сложившегося там мейнстрима, самостоятельные шаги на международной арене, в частности решение В. Орбана принять участие в Третьем форуме «Один пояс – один путь» и лично встретиться там с Президентом РФ В. Путиным вызывают в западной прессе волну предположений о теоретически возможном выходе Венгрии из Евросоюза³³.

Разговоры об этом ведутся уже давно. В. Орбан еще летом 2020 г. разочарованно констатировал, что за последние 22 года Евросоюз дрейфовал от одного кризиса к другому, однако самая большая проблема заключается в том, что ни один из них он не смог достойно разрешить³⁴. В 2023 г. на митинге, посвященном годовщине событий 23 октября 1956 г., он заявил, что современный Евросоюз с его давлением на Будапешт

32. Kovács A. Nemzeti konzultáció: ezért döntő fontosságú, hogy válaszoljon erre a 11 kérdésre // Origó. 2023. 19 november.

33. Forbes: Itt az ideje, hogy az EU elgondolkodjon, hogyan zárja ki Magyarországot // Népszava. 2023. 25 október.

34. Orbán Viktor: Európa visszavonulóban van // Magyar Hírlap. 2020. 8 július.

является плохой пародией на бывший СССР³⁵. Когда Венгрия в мае 2004 г. вступала в ЕС, ни слова не было сказано об обязательном принятии мигрантов, каких-либо квотах или гетто для них³⁶. Еврокомиссия довела до абсурда цели в области изменения климата, социальной Европы, единой налоговой системы, мультикультурализма. Запад утратил свою привлекательность в глазах Центральной Европы.

Спикер парламента Венгрии Ласло Кевер 14 июля 2020 г. напомнил, что Венгрия присоединилась к Евросоюзу и поступилась частью своего суверенитета для реализации национальных интересов, поскольку тогда это казалось — и пока еще кажется и сегодня — наиболее благоприятным форматом. Венгры уже 15 лет, как члены ЕС, на бумаге — равноправные и равноценные. Однако к Венгрии постоянно относятся пренебрежительно, как к априори проблемной, просящей милостыню, надоевшей, но неблагодарной и обреченной всегда играть роль бедного родственника стране. Венгры довольно долго изображали из себя тупого болвана среди умных господ. Теперь они выучили правила игры, но играть с шулерами не очень приятно. Однако Родина не продается, и венгры не допустят, чтобы на них добровольно надели ошейник те, в чьи твердые намерения входит задача снова свергнуть Венгрию в колониальное подчинение³⁷.

Среди бюрократии ЕС, по свидетельству венгерского руководства, пышным цветом расцветает хунгарофобия, все чаще раздаются голоса о том, как бы лишить Венгрию причитающихся ей денежных средств из фондов Евросоюза, изолировать или даже исключить из ЕС — оформить Нухит по примеру Великобритании. Глава европейской дипломатии Ж. Боррель, например, в связи с критическими высказываниями венгерских официальных лиц по адресу руководства Еврокомиссии заявил, что никто не держит Венгрию в Евросоюзе — это ее свободный выбор. Лидеры ряда стран Западной Европы

35. Nekünk a szabadság életösztön // Magyarország Kormánya. 2023. 23 október.

36. Magyarország ellenfelei egyszerre követelőzhetnek // Magyarország Kormánya. 2023. 25 szeptember.

37. *Kövér L.* Expozé // Magyar Hírlap. 2020. 15 július.

позволяют себе высказывания о том, что Венгрия неспособна быть членом Евросоюза, ее следует исключить из ЕС, заменить полноправное членство в нем на двустороннюю договорную основу или переучредить Евросоюз, но уже без Венгрии³⁸.

Венгры, в свою очередь, заявляют, что, если Еврокомиссия продолжит задерживать с выделением причитающихся Венгрии денежных выплат, тогда и Венгрия имеет право приостановить делать свои членские взносы в бюджет ЕС. Правительство Венгрии как будто готовит население к тому, что есть жизнь и вне Евросоюза. Министр экономического развития М. Надь, например, утверждает, что выплаты из фондов ЕС не играют решающей роли, их могут заменить прямые иностранные инвестиции с Востока. Венгрии, наконец-то, следует осуществить переход к новой ситуации, когда приток европейских денег прекратится и стратегической целью станет самофинансирование³⁹.

Для России эта новая геополитическая реальность означает возможность поиска новых путей экономического и политического взаимодействия с Венгрией. При этом нельзя забывать, что подавляющее большинство (более 2/3) населения и политической элиты страны все еще голосует за членство Венгрии как в ЕС, так и в НАТО. Хотя более 1/4 населения сегодня проголосовали бы за выход из ЕС, а 39% негативно оценивают деятельность Еврокомиссии.

Симптоматично, что в мае 2022 г. карликовая «партия Волнера» даже попыталась сменить свое название на партию «Нухит». В общественном мнении формируется ощущение приближения ситуации, когда выход из ЕС станет неизбежным, и у венгерского правительства просто не будет другого выбора.

Однако более 80% молодежи, людей с высшим образованием однозначно высказались бы за сохранение статус-кво. Членство в Евросоюзе для них означает прежде всего свободу передвижения, возможность получения там работы, учебы

38. Szelestey L. Szabad szemmel: Orbán katonásdíjáról, írnak, és egy magyar- és lengyelmentes európai közösségről // Népszava. 2020. 22 szeptember.

39. Berend T. I. Csak az uniós út létezik // Népszava. 2023. 7 november.

в зарубежных вузах. Вопросы безопасности отметили лишь 15% опрошенных⁴⁰.

Что касается нынешнего руководства Венгрии, то оно пока не собирается отказываться от тех преимуществ и денежных вливаний, которые имеет в результате членства в ЕС. Как заявил Петер Сийярто, в долгосрочной перспективе Венгрия однозначно видит свое место в составе Евросоюза⁴¹.

Правда, венгры давно отдают себе отчет в том, что в текущем семилетнем бюджетном периоде 2021–2027 г. закончится эра, когда Венгрия была дотационной страной в расчетах с Евросоюзом. Впоследствии, к 2030 г. Венгрия в отношениях с ЕС уже станет страной-донором, что, по мнению В. Орбана, естественно, поскольку завершится период подтягивания стран Центральной Европы к уровню западноевропейских стран ЕС, к тому же Брексит негативно влияет на распределение финансов внутри ЕС. После 2027 г. венграм уже будут нужны не столько деньги ЕС, сколько его рынок. Венгерская экономика, по словам В. Орбана, давно перешла тот рубеж, когда положение в стране определялось исключительно денежными вливаниями из фондов ЕС. Теперь для выживания Венгрии необходимо наличие емкого рынка⁴².

Таким образом, к концу текущего десятилетия, когда взносы Венгрии существенно превысят поступающие из фондов ЕС выплаты, ее позиция может в корне измениться. При этом В. Орбан допускает, что и сам Евросоюз, «ныне трещащий по всем швам, однажды может завершить свою карьеру»⁴³.

Выступая на 30-м юбилейном съезде Фидеса, состоявшемся 18 ноября 2023 г., спикер Парламента Л. Кевер предупредил, что «ЕС своими незаконными действиями, направленными против Венгрии, стремлением превратить весь мир

40. *Medián*: A magyarok kétharmada akkor is az EU-ban maradásra szavazna, ha Orbán Viktor a kilépés mellett kampányolna // *Népszava*. 2023. 15 március.

41. *Szijjártó Péter*: Magyarország meg akarja állítani a migrációt // *Magyar Hírlap*. 2020. 19 december.

42. *Orbán*: csúszik az alkotmány átírása, nem kell az EU pénze // *Népszava*. 2018. 6 december.

43. Aki elmondta az őszödi beszédet, az vezeti ma a baloldalt // *Magyar Hírlap*. 2021. 17 szeptember.

в сумасшедший дом приближает свой конец»⁴⁴. В. Орбан на этом съезде был переизбран председателем партии. В своей речи он объяснил, что Евросоюз надо не покинуть, а преобразовать: подвергнуть Брюссель радикальным изменениям, — иначе наступит конец. Если нездоровая ситуация, сложившаяся в ЕС, продолжится, союз не распадется, не взорвется или рухнет, он попросту разъедется⁴⁵.

Симптоматично, что подобные мысли зреют и в других странах, причем не только в Европе, но и в мире. Так, проведенное в сентябре — октябре 2023 г. исследование общественного мнения в 11 европейских странах и 10 странах вне Европы, в котором были опрошены более 25 тыс. человек, показало: большинство полагают, что западное доминирование в мире, а также двухполюсные рамки внешней политики Брюсселя и Вашингтона не смогут продержаться в усиливающемся многополярном мире. При этом в ближайшие 20 лет Евросоюз может распасться, а США утратить авторитет образцовой демократии⁴⁶.

Франко-германские (пока неофициальные) идеи реформирования институциональной системы ЕС, механизма его функционирования и принятия решений, отмены права вето, направленные прежде всего против «упрямой» Венгрии, могут затронуть принципиально важные для политического руководства Венгрии аспекты, отказаться от которых будет означать для него полную «потерю лица». Это, а также ограничения в выделении причитающихся Венгрии финансовых средств из бюджета ЕС, на наш взгляд, неминуемо приведет к снижению ее заинтересованности в дальнейшем сотрудничестве с ЕС, а в отдаленной перспективе — и к возможному выходу из ЕС по примеру Великобритании.

44. Nagy Á. Magyarország küldetése a kereszténység és a szuverenitás védelme // Magyar Hírlap. 2023. 18 november.

45. Nagy Á. Orbán Viktor: Nemet kell mondanunk a brüsszeli Európa-modellre // Magyar Hírlap. 2023. 18 november.

46. Harsányi Gy. A többség világszerte úgy véli, az EU széteshet, az USA pedig megszűnhet demokrácia lenni a következő 20 évben // Népszava. 2023. 15 november.

ЕВРАЗИЙСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Б. Вардомский¹

ГЕОПОЛИТИКА И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Евразийские интеграционные проекты с момента их появления превращались в центральный элемент глобальных геополитических процессов. Прослеживается тесная связь между евразийской регионализацией и геополитической реакцией на них США, ЕС и НАТО. На протяжении трех десятилетий постепенно усиливалась геополитическая напряженность и менялся арсенал используемых Западом средств для сдерживания евразийской регионализации. В 2022 г. он дополнился жесткими санкциями против России как центра евразийских интеграционных проектов. Санкции меняют условия и содержание сотрудничества в рамках Союзного государства (СГ), СНГ, ЕАЭС и ШОС: возрастает доля проектной составляющей в экономическом взаимодействии, расширяется производственная кооперация, усиливается акцент на импортозамещение. Риски вторичных санкций для ряда стран ЕАЭС и СНГ ограничивают свободу торговли и финансовых взаимодействий, установленную соглашениями стран-участниц. Подсанкционные Беларусь и Россия активно расширяют сотрудничество в рамках СГ. ШОС адаптируется к новой геополитической ситуации путем расширения своего состава и налаживания координации экономических и политических взаимодействий. Транспортно-логистические проекты, осуществляемые на национальной основе и в рамках региональных объединений, становятся общим стержнем упомянутых объединений. Одним из результатов этого взаимодействия стало формирование Каспийского субрегиона.

Ключевые слова: геополитика, санкции, риски, геоэкономика, регионализация, Союзное государство, СНГ, ЕАЭС, ШОС, международный транспортный коридор, субрегион.

1. Леонид Борисович Вардомский, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, зав. Центром постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; wardom@yandex.ru

Leonid B. Vardomskiy²

GEOPOLITICS AND REGIONALIZATION IN THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. Since their inception, Eurasian integration projects have become a central element of global geopolitical processes. There is a close connection between Eurasian regionalization and the geopolitical reaction to them by the United States, the EU and NATO. Over the course of three decades, geopolitical tensions gradually intensified and the arsenal of means used by the West to contain Eurasian regionalization changed. In 2022, it supplemented by tough sanctions against Russia as the center of Eurasian integration projects. Sanctions change the conditions and content of cooperation within the framework of the Union State (US), the CIS, the EAEU and the SCO: the share of the project component in economic interaction is increasing, production cooperation is expanding, and the emphasis on import substitution is increasing. The risks of secondary sanctions for a number of EAEU and CIS countries limit the freedom of trade and financial interactions established by the agreements of the participating countries. Sub-sanctions Belarus and Russia are actively expanding cooperation within the framework of the US. The SCO is adapting to the new geopolitical situation by expanding its composition and establishing coordination of economic and political interactions. Transport and logistics projects carried out on a national basis and within the framework of regional associations become the common core of these associations. One of the results of this interaction was the formation of the Caspian subregion.

Keywords: geopolitics, sanctions, risks, geoeconomics, regionalization, Union State, CIS, EAEU, SCO, international transport corridor, sub-region.

На постсоветском пространстве (ПСП), под которым в настоящей статье понимается пространство, занимаемое новыми независимыми государствами (ННГ), протекают разные по глубине и широте процессы регионализации³ с уча-

2. Leonid Borisovich Vardomskiy, Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of the Center for Post-Soviet Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences»; wardom@yandex.ru

3. Одними из первых тему регионализации стали разрабатывать в начале 1990-х годов Б. Хеттне и Ф. Седембаум. См. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. С. 134–140.

стием как ННГ, так и соседних, а также и более отдаленных государств, заинтересованных в более тесном взаимодействии.

Под *регионализацией* автором понимается создание заинтересованными странами институтов межгосударственных отношений, приводящих в ходе их действия к образованию международного региона⁴ с характерной высокой плотностью взаимодействия участвующих в проекте государств. В основе взаимодействий лежат либо взаимные торговые преференции (Союзное государства (СГБР), ЕАЭС, СНГ), либо иные, сближающие участников региональных объединений интересы, которые позволяют им координировать свою внешнюю политику и взаимодействовать в экономике с целью достижения целей национального развития («Каспийская пятерка», ШОС, «Пояс и путь», Тюркский союз, ОЧЭС, ОЭС). В этом контексте *интеграция* – наиболее продвинутый уровень регионализации с разнообразными институтами, нацеленными на развитие взаимных экономических, политических и социальных связей. На Западе в 1990-е и 2000-е годы термин «интеграция» использовался применительно к процессам в рамках ЕС, а региональное сотрудничество вне его определялось как регионализм⁵.

Участие ННГ в разных проектах регионализации, с одной стороны, обусловлен их стремлением иметь более широкий доступ к рынкам друг друга, а с другой, проводить многовекторную политику, снижающую риски экономического развития в условиях геополитической неопределенности.

Вопросам регионализации постсоветского пространства посвящена большая литература. Помимо трудов ученых ИЭ РАН, следует выделить работы, выпущенные аналитическим подразделением ЕАБР, труды ученых МГИМО (У) МИД РФ, ИМЭМО РАН, РГГУ, Финансового университета

-
4. Косолапов Н.А. От территории к пространствам: политико-исторический экскурс // Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.В. Стрженева. М.: Весь мир, 2011. С. 31.
 5. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО. 2010. С. 137.

при Правительстве РФ, Института СНГ. Поток работ сильно вырос в 2010–2020 гг., поскольку в этот период ускорились глубинные изменения в мировой экономике и политике. С учетом этого исследование регионализации сегодня должно проводиться в контексте происходящей трансформации миропорядка, которая сопровождается обострением геополитических процессов и изменением геоэкономических условий развития СНГ.

В настоящей статье исследуется влияние геополитических процессов на ход интеграции в рамках СНГ, СГ, ЕАЭС, ШОС и Каспийской пятерки. Эта проблематика в 2010-х годах исследовалась в трудах С.П. Глинкиной, А.Н. Быкова, коллективных работах Центра постсоветских исследований⁶. В нынешних условиях она приобрела еще большую актуальность.

Геополитические процессы и риски

До недавнего времени развитие мира происходило благодаря выстроенной Западом глобализации, которая обеспечивала экономический рост, но ценой утраты экономического суверенитета у большинства членов мирового сообщества⁷. Влияние государств на собственное экономическое развитие ослабевало в пользу международных компаний и наднациональных регуляторов. Драйвером глобализации с середины 1990-х годов становятся глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦС). В основе развертывания ГЦС и финансовой глобализации мировой экономики лежит финансовое и технологическое превосходство Запада над остальным миром, более благоприятные для развитых стран условия торговли, предполагающие обмен природных ресурсов на продукцию

-
6. Вардомский А.Б., Ушкалова Д.И. Региональная экономическая интеграция в исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 13–29.
 7. Клеер Е. Глобальные угрозы развитию (теория и сферы исследования) // Императивы сотрудничества в турбулентном мире. Материалы международной научной конференции. 22.10.2015. М.: ИЭ РАН, 2016. С. 7–40.

с высокой добавленной стоимостью, широкое использование дешевого труда развивающихся стран для переноса в них трудоемких технологических звеньев, не требующих квалифицированного труда.

Однако в 2000-е годы сложившаяся модель глобализации перестала обеспечивать превосходство Запада, поскольку мир начал двигаться в направлении полицентричности. Возникающие в этой связи геополитические и экономические противоречия обусловлены тем, что либерализм как идеология нацелен на сохранение привилегий стран Запада, выступающих за то, что все должно меняться в окружающем их мире для того, чтобы для них ничего не изменялось. Динамику противоречий внутри «мир-системы», по И. Валлерстайну, определяют изменения в соотношении экономических сил между ведущими участниками глобальной экономики, нарастанием социального неравенства между странами и внутри стран, разными представлениями государств по обеспечению национальной безопасности и развития⁸. В идеологическом плане это проявляется в усилении противоречий между либеральной моделью организации жизни общества и национальными моделями, которым предпочитают следовать страны Не-запада. США отреагировали на это стремлением «подкорректировать» ход глобализации мерами агрессивной геополитики, что усилило угрозы и риски для международного экономического сотрудничества.

Разные представления государства о своей безопасности раскрываются через категории угроз и рисков⁹. При этом угрозы в сравнении с рисками, в нашем представлении, — более общее понятие, а новые угрозы, требующие особых мер нейтрализации, понимаются как «вызовы».

Риски более конкретны и могут иметь количественную оценку на основе анализа документов, экспертных опросов

8. Валлерстайн И. После Либерализма. М.: УРСС, 2003. С. 7.

9. Белорусско-китайское торгово-экономическое сотрудничество в аспекте обеспечения национальной экономической безопасности / Отв. ред. Т.С. Вергинская. Минск: Беларуская навука, 2022. С. 7–11.

и международных экономических процессов (рост издержек, утрата рынка, падение экспортных цен и т.п.). В них отражаются угрозы интересам государств и их компаний, связанные с историческими противоречиями, изменением геополитических ориентиров в странах-партнерах, ожидаемыми или происходящими между странами и внутри стран конфликтами, которые могут нанести экономический и политический ущерб как участникам конфликтов, так и третьим странам.

По мнению немецкого социолога У. Бека, риск может быть определен как «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой (поляризация мира по уровню развития, загрязнение окружающей среды, киберпреступления, новые типы заболеваний, изменение климата, растущее социальное неравенство и т.п.)»¹⁰. Но все эти издержки экономического развития в условиях глобализации приобретают характер геополитических рисков, связанных с борьбой государств за улучшение или сохранение своего положения в мировой и региональной политической и экономической системе. В ходе этой борьбы меняется структуризация мира с точки зрения контроля глобальными центрами международных рынков стратегических товаров, природных ресурсов, мировых коммуникаций¹¹, а сегодня и хода реализации климатической повестки.

Современный рост неустойчивости международных отношений обусловлен появлением новых центров силы, претендующих на большее участие в системе глобального управления. В результате усиливаются геополитические риски для международного экономического сотрудничества, предпола-

10. Гаврилов К.А. От общества риска к метаморфозам мира: памяти Ульриха Бека // Социологический ежегодник, 2015–2016 / Отв. ред. О.А. Симонова, М.А. Ядова. М.: ИНИОН РАН, НИУ ВШЭ, 2016. С. 317–329.

11. Исаев Б.А., Игнатьева И.Ф. Геополитическая история как пограничная дисциплина истории и геополитики // Theories and Problems of Political Studies. 2023. Vol. 12. Is. 2A; Емельянов А.И. Особенности геополитических процессов в современной мировой политике // Вестник МГЛУ. Общественные науки. Вып. 1(842). 2021. С. 9–21.

гающие в условиях неопределенности тот или иной стратегический выбор для вовлеченных в него сторон.

В ходе геополитической структуризации изменяются геоэкономические условия развития национальных экономик, под которыми понимаются возможности использования сравнительных преимуществ — положения в мировой экономике (в частности, соседского), наличия первичных (природных и демографических) и вторичных (производственных, инновационных, логистических) факторов производства и др. — в существующих геополитических условиях для целей национального развития.

В целом же геоэкономика — это не только меры политики, а конкретнее — создаваемые государством институты по укреплению позиций в мире, но и результаты этих мер, которые выражаются в динамике конкурентоспособности того или иного государства. Критерием успешности геоэкономической политики страны является перераспределение доходов от внешнеэкономической деятельности в ее пользу, повышение веса страны в рассматриваемых международных пространственно-экономических системах, рост экономики и доходов населения¹².

В условиях глобальной связанности при деградации политического доверия между странами даже незначительные экономические противоречия легко перерождаются в геополитические, и наоборот, геополитика начинает бить по сложившимся экономическим связям. В частности, США, НАТО и ЕС видят решение проблем рисков для своего привилегированного положения в мире в расширении сферы своего политического и экономического влияний и контроля путем расширения своих интеграционных пространств на восток, создании военных баз и альянсов, широкого применения санкционных инструментов. Ведущие государства Запада до последнего времени весьма успешно использовали геополити-

12. Неклесса А.И. Геоэкономическая система мироустройства и Россия // Конкурентоспособная Россия. 2008. № 6(12). С. 15–31.

тические инструменты сохранения своих позиций в мире, суть которых, по А. Богатурову, выражалась в возможностях ограничивать развитие соперника, манипулировать его развитием или направленно «развивать его», а при необходимости разрушать его экономический потенциал¹³. В этом контексте геополитика Запада нацелена на укрепление тех интеграционных объединений, деятельность которых способствует сохранению существующего миропорядка, и противодействие тем, которые ему угрожают.

Среди инструментов сохранения лидерства США и их союзников в мировой экономике в последние годы на первый план вышли санкции как инструмент ухудшения геоэкономических условий развития подсанкционных государств через лишение их внешних доходов или нанесение им прямого экономического ущерба через конфискацию активов. Санкции используются для принуждения к лояльности и опосредованно к перестройке внешнего рынка в свою пользу и вытеснению с него стран, против которых они направлены. И первичные, и вторичные санкции используются для изменения хода глобальных и региональных экономических и политических процессов в нужном для вводящих их стран направлении¹⁴. Они затрагивают не только страны, против которых вводятся санкции, но и страны, их применяющие, а также страны, не участвующие в геополитической конфронтации. В этом смысле проблемы национальной безопасности смыкаются с вопросами хеджирования возможных геополитических рисков, т. е. принятия системы защитных мер для нейтрализации или ослабления их действия.

13. Экономика и политика в современных международных конфликтах / Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Изд-во АКИ, 2008. С. 40–44.

14. Вторичные санкции ограничивают коммерческую деятельность с участием стороны, находящейся под первичными санкциями, но происходящую за пределами правовой юрисдикции США. Введение вторичных санкций призвано заставить компании, банки и частных лиц сделать выбор: продолжать вести бизнес с объектом санкций или с США, но не с обоими. Из-за роли доллара в мировой финансовой системе большинство компаний стремятся к сохранению хороших отношений с США.

Постсоветские государства с самого начала столкнулись с многообразными геополитическими рисками для избранных форматов регионализации. Причем если на этапе формирования суверенитета они были связаны с неизбежной внутренней нестабильностью, сложностью установления новых государственных границ, обострением межэтнических конфликтов, формированием своей идентичности как условия будущего развития, то сегодня эти риски обусловлены борьбой между сторонниками старого мироустройства и сторонниками его изменения в сторону справедливости и равноправия. ННГ оказались в эпицентре этой борьбы.

«Ближнее зарубежье»: несостоявшийся проект геополитической трансформации постсоветского пространства

Распад СССР породил масштабные геополитические изменения, связанные с формированием государственности новых государств и выстраиванием отношений друг с другом и с третьими странами. Это сопровождалось возникновением острых пограничных проблем. Во многих ННГ начались внутренние межэтнические конфликты.

Из-за появления новых государственных границ резко возросла транзитность взаимных сообщений и сообщений с третьими странами. Транзит приобрел во взаимных отношениях немалую геополитическую остроту из-за того, что для одних стран он стал немаловажным фактором экономического развития как источник дохода, а для других обернулся ростом издержек по осуществлению внешнеторговых связей.

Распад СССР резко ухудшил геоэкономические условия развития ННГ. Для противодействия этому необходимо было выстраивать на рыночной основе отношения России и ННГ как субъектов международных отношений. В начальный период 1990-х годов РФ выступала одновременно и как лидер реинтеграции, и как фактор дезинтеграции. В условиях моноцентричного мироустройства Россией проводился курс на

экономическое сближение с Западом, с которым связывалось будущее страны, но, с другой стороны, она стремилась сохранить вокруг себя пояс дружественных стран и союзников.

Руководствуясь рецептами «Вашингтонского консенсуса», Россия использовала «шоковый» метод рыночной трансформации. Большинство других ННГ проводило более осторожную трансформацию. При этом ННГ были заинтересованы в восстановлении разрушающихся экономических связей, которые исторически концентрировались на Россию. Взаимодействие с Россией рассматривалось ННГ и через призму угрозы утраты или ограничения суверенитета. Этому способствовала насаждаемая США в ННГ политика, названная З. Бжезинским «геополитическим плюрализмом», что означало содействие углублению курса этих стран на многовекторность при приоритете национального суверенитета в отношениях с РФ¹⁵.

Планы России создания Экономического (1993 г.) и Платежного союзов, Зоны свободной торговли (1994 г.) не учитывали геополитических и экономических рисков для реинтеграции и оказались несостоятельны. Весной 1994 г. первый Президент Казахстана Н.А.Назарбаев обнародовал идею создания Евразийского союза как объединения равноправных независимых государств, направленного на реализацию национально-государственных интересов каждой страны-участницы и имеющегося совокупного интеграционного потенциала. Однако эту инициативу руководство РФ не поддержало.

Распад СССР означал утрату советской идентичности, но ее инерция сохранялась, что отразилось в понятии «ближнее зарубежье» (БЗ), широко использовавшемся в 1990-х и 2000-х годах¹⁶. Оно отражало особые отношения России и ННГ, их важность для ее безопасности и развития в быстроменяющемся мире. В 1995 г. в России было официально объявлено

15. Бжезинский З. Преждевременное партнерство // ПОЛИС. Политические исследования. 1994. № 1. С. 58.

16. Косикова А.С. Интеграционные проекты России на постсоветском пространстве: идеи и практика. Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2008. С. 17–20.

о ее ведущей роли и исключительных интересах на ПСП¹⁷. Но при этом Россия, а также Беларусь и Украина ориентировались на опыт стран, прошедших рыночную трансформацию и начавших интеграцию в евроатлантические структуры. Страны Центральной Азии (ЦА) пытались самоорганизоваться путем создания регионального объединения для решения обострившихся проблем взаимных отношений.

Потенциал СНГ в начальный период становления государственности активно использовался для погашения конфликтов внутри и между ННГ. Но планомерно углублять процесс межгосударственной экономической интеграции для улучшения геоэкономических условий рыночной трансформации в условиях разной скорости рыночных и политических реформ было невозможно.

Баланс между экономическими интересами и возможными геополитическими рисками был найден в системе двусторонних соглашений о свободной торговле в рамках СНГ, которые начали заключаться с конца 1994 г. Они устанавливали преференциальные режимы двусторонней торговли и были нацелены на восстановление советского промышленного наследия. Этому, однако, препятствовала «негативная селекция» мирового рынка, или, иными словами, низкая конкурентоспособность национальной обрабатывающей промышленности, неизбежная в условиях рыночной и геополитической трансформаций.

В ходе трансформации национальных экономик из них вымывались производства, выпускающие продукцию высокой степени обработки, но возрастала топливно-сырьевая специализация рассматриваемых государств¹⁸, существенно сужавшая экономическую основу сотрудничества в формате СНГ.

17. Выйти из «промежуточного положения». Представления о региональном порядке в постсоветской Европе и Евразии / Ред. С. Чарап, А. Демус, Д. Шапиро. Фонд им. Фридриха Эберга. Вена, 2019. С. 121.

18. Головнин М.Ю., Гринберг Р.С. Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени // Контурь глобальной трансформации. Т. 14. № 5. 2021. С. 10.

Суть предлагавшихся Западом для России и других стран реформ в конечном итоге сводилась к ограничению регуляторной функции государств в экономике и социальной сфере, что в значительной мере и было осуществлено в большинстве ННГ, но обернулось громадными экономическими и социальными потерями, ростом социального неравенства и межрегиональных различий¹⁹. По существу, произошедшее подтвердило упомянутый выше тезис А.Д. Богатурова.

В середине 1990-х годов в США стала разрабатываться концепция сдерживания России, основные пункты которой были изложены З. Бжезинским в известном труде «Великая шахматная доска»²⁰. Они предполагали расширение ЕС и НАТО на восток, экономическое подчинение России и ее «ближнего зарубежья», активную материальную поддержку прозападных политических сил и идей в ННГ, в некоторых случаях и радикальных религиозных и националистических сил. В 1990-е годы для этого широко использовались меры «мягкой силы» в виде внедрения европейских норм и институтов в правовые системы ННГ через заключение Соглашений о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. В качестве «мягкой» силы широко использовались грантовые программы, среди которых наиболее масштабно действовала программа TASIC²¹.

Под влиянием негативного демонстрационного эффекта от РФ как центра реинтеграции и положительного от стран Запада ряд ННГ рассматривали СНГ как инструмент «цивилизованного развода». В представлении Украины, Грузии, Молдовы СНГ создавал геополитические и экономические риски для их будущей интеграции в европейские и евроатлантические структуры.

19. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. Научные доклады Института экономики РАН / Ред. Л.Б. Вардомский. М., 2012. С. 41.

20. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 2000.

21. Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества стран СНГ // Экономическое взаимодействие стран СНГ в контексте евразийского интеграционного проекта: сборник / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 11–32.

Для других ННГ большие риски для их экономик создавало бы неучастие в сотрудничестве с РФ. В связи с этим в начале 1995 г. возникла концепция «разноскоростной интеграции» на ПСП, реализация которой во второй половине 1990-х годов привела к появлению проектов «Союзного государства» и Таможенного союза. Эти проекты были призваны оживить реинтеграционные процессы, поскольку экономическое разобщение сильно било по экономикам ННГ. Одновременно это был своего рода ответ на заключение соглашений стран ЦВЕ и ЕС об ассоциации и подачу ими заявок на вступление в ЕС.

В 1997 г. Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия при кураторстве США учредили организацию форумного типа ГУАМ (Организацию за демократию и экономическое развитие), которая была нацелена на поэтапное сокращение влияния России на ПСП путем создания коммуникаций на направлении Центральная Азия — Кавказ — Европа, в частности Евразийского нефтегазотранспортного коридора в обход РФ от месторождений углеводородов на Каспии до европейского рынка. Ранее, в 1993 г. начал осуществляться транспортный проект ТРАСЕКА, призванный обеспечить прямые транспортные связи Европы с государствами Кавказа и ЦА.

Реагируя на эти риски, Россия приступила к созданию газопровода «Ямал—Европа» через Беларусь и Польшу (введен в действие в 1999 г.) и в рамках Каспийского трубопроводного консорциума с участием компаний Казахстана и ряда третьих стран создание нефтепровода Тенгиз (Казахстан) — Новороссийск (запущен в 2001 г.). Диверсификация направлений поставок углеводородов на европейский рынок стала рассматриваться как ответ на растущие геополитические риски от монопольного транзитного положения Украины на главных маршрутах этих поставок²².

22. В частности, они были связаны с хищением газа, повышением тарифов на прокачку, остановкой прокачки газа из-за недоговороспособности украинского руководства по поводу перехода на рыночные цены на газ. В подоплеке же этого лежало стремление украинского бизнеса сохранить высокую маржу за транзит газа и нефти или, иными словами, сохранить свою долю в ресурсной ренте.

Таким образом, в 1990-е годы геоэкономические интересы в реинтеграции сдерживались формированием национальной государственности, разными моделями реформирования, громадным экономическим спадом и внешними влияниями политического и экономического характера. Концепция «БЗ» в геополитическом отношении оказалась жизнеспособной только на центральноазиатском сегменте пояса соседства. В глобальной моноцентричной системе России и другим ННГ отводилась роль контролируемого Западом поставщика дешевого топлива и сырья. И в этой системе, в представлении Запада, ни о каком «БЗ» России не могло быть и речи. Коллективный Запад начал в этот период реализовывать программу включения постсоветских соседей России в политику сдерживания России, что в полной мере стало проявляться в последующий период.

Усиление влияния геополитики на ход интеграционных процессов в 2000 и 2010-х годах

По мере политической и экономической стабилизации в ННГ возрастал спрос на активизацию взаимных экономических связей. В ответ происходило усиление противодействия Запада евразийским интеграционным проектам. Особое место в нем занимали ННГ, примыкающие к ЕС и НАТО. В 2003 г. был отвергнут проект Д. Козака по урегулированию приднестровского конфликта, в конце 2003 г. была организована цветная революция в Грузии, в конце 2004 г. — на Украине и в 2005 г. — в Киргизии. При этом в Грузии и на Украине цветные революции имели явную антироссийскую направленность. Последняя похоронила проект таможенного союза под названием «Организация региональной интеграции» в составе Белоруссии, Казахстана, России и Украины. В середине 2000-х годов произошло фактическое разделение ННГ по ориентации их элит на проевропейские (Грузия, Молдова и Украина), проевразийские (Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан) и национально ориентированные (Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан).

Тем не менее, в 2008 г. был достигнут максимальный объем взаимной торговли ННГ в условиях независимости — 261 млрд долл. (в 1991 г. — 305 млрд долл.), но доля взаимной торговли в общем обороте внешней торговли стран СНГ и Грузии в эти годы сократилась до 22–23%, но это сокращение было незначительным по сравнению с 1990-ми годами²³.

В этот период происходил устойчивый рост внешнеэкономических связей с КНР, чему способствовало создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

В августе 2008 г. по итогам войны в Южной Осетии Грузия вышла из СНГ. Перед этим в апреле 2008 г. на саммите НАТО в Бухаресте было принято решение о членстве Грузии и Украины в НАТО, хотя и в неопределенном будущем.

Если США были нацелены на смену недостаточно лояльных им режимов путем переворотов, то ЕС вовлекал в орбиту своего влияния через создание совместных институтов сотрудничества. В 2009 г. был запущен проект «Восточное партнерство», который стал прелюдией к заключению Грузией, Молдовой и Украиной соглашений об Ассоциации и углубленной всеобъемлющей зоне свободной торговли с ЕС, которое состоялось в конце 2013 г. Привлекательность для Грузии, Молдовы и Украины европейской интеграции была обусловлена желанием жить «как в Европе», но для его реализации нужно было проявлять максимально возможную лояльность ЕС и НАТО. При этом руководство данных стран понимало свою геополитическую важность в планах Запада по расширению своего влияния на восток и ослаблению России.

В 2011 г. США выступили с инициативой создания «Нового шелкового пути», который объединил бы страны Центральной и Южной Азии. Данная инициатива была направлена на сдерживание как России, так и Китая. В ответ Китай в 2013 г. выступил со своим мегапроектом «Нового шелкового пути».

23. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития. Научные доклады Института экономики РАН / Ред. Л.Б. Вардомский. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 39–53.

В 2012 г. Молдова и Украина вместе с Россией и другими странами ЕврАзЭС, а также Арменией, учредили многостороннюю зону свободной торговли в рамках СНГ. Армения в последний момент отказалась присоединиться к ассоциации с ЕС и сделала выбор в пользу ЕАЭС.

Перед этим в 2011 г. Президент РФ В.В. Путин рассматривал формирующийся ЕАЭС как неотъемлемую часть «Большой Европы», объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов²⁴. В конце 2011 г. был завершён газопровод «Северный поток». А в 2012 г. РФ вступила в ВТО. В 2013 г. доля стран ЕС во внешней торговле России достигла почти половины (417,3 млрд долл.).

Высокий уровень экономического сотрудничества РФ со странами ЕС контрастировал с падающим взаимным политическим доверием. Оно было обусловлено неприятием России планов расширения ЕС и НАТО за счет стран БЗ для сдерживания ее развития. Расширением своего пространства ЕС и НАТО рассчитывали также расширить свою экономику, военный потенциал, повысить конкурентоспособность по отношению к стремительно набирающему силу Китаю, ослабить процессы евразийской регионализации и обеспечить расширение контроля за Евразией. Организованный Западом государственный переворот на Украине стал важным элементом его евразийской стратегии.

Несмотря на скептическое отношение части элит и населения в странах-участницах Договора к евразийской интеграции и в условиях неблагоприятной экономической и геополитической конъюнктуры, проект ЕАЭС в 2015 г. удалось запустить. Его институты стали отражением компромисса между странами-участницами, которые экономически были заинтересованы в союзе, но учитывали давление Запада и отсутствие внутривосточного единства по этому вопросу. Проект получился сугубо экономический, все ключевые интеграционные

24. Шмелев Б.А. Политика или экономика: что доминирует в политике стран СНГ в украинском конфликте // Мир перемен. 2023. № 2. С. 78.

решения принимаются на основе консенсуса, определенное ограничение суверенитета касается преимущественно таможенной сферы. Создание ЕАЭС, а до этого ЗСТ СНГ, стало отражением попыток России сдерживать расширение ЕС и НАТО на восток, хеджирования возникающих в связи с этим геополитических рисков для России и разделяющих эти угрозы ее партнеров. Для стран-участников тот или иной интеграционный формат отражал усиление экономических мотивов у большинства ННГ для развития процессов евразийской регионализации и одновременно допустимую для них возможность сужения государственного суверенитета.

В этот период устойчиво росли экономические связи ННГ и КНР, что также ослабляло геополитический натиск Запада. Россия и ее партнеры стремились проводить многовекторную экономическую политику и через это создать условия для укрепления безопасности и стабильного развития. Запад же, используя «украинский фактор», ответил ужесточением сдерживания России через санкционное ухудшение геоэкономических условий ее развития и связанных с ней интеграционных проектов²⁵.

Санкции Запада как стимул евразийской интеграции

Западные санкции в отношении Беларуси и России должны были понизить уровень экономических отношений с ними до уровня политических путем обнуления зависимости от российских энергоносителей, блокировки доступа к мировым рынкам капитала и транспортных услуг, сокращения экспорта высокотехнологичных товаров и товаров двойного назначения. Они должны были ослабить экономики Беларуси и России и тем самым ослабить ход регионализации в Евразии и далее постепенно превратить соседей России

25. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. М.: ИЭ РАН, 2022.

в пояс враждебных ей стран²⁶. В части западных соседей СГ, стран Центрально-Восточной Европы, Украины и Молдовы это удалось в полной мере. Но в отношении южных и восточных соседей эти планы не сработали и вряд ли сработают в перспективе, поскольку возник положительный импульс от санкций.

В 2021 г. заметно оживилось экономическое взаимодействие подсанкционных Беларуси и России, а в 2022 г. оно перешло на более высокий качественный уровень. Уход из их многовекторной политики Европы — крупнейшего торгового и инвестиционного партнера заставило активизировать долгое время спавшие институты СГ и создавать новые, способные ослабить действие санкционных шоков и обеспечить стабильное развитие национальных экономик и взаимного сотрудничества. Для этого в феврале 2023 г. было подписано Соглашение о единой промышленной политике. А незадолго до этого, в ноябре 2022 г. — Соглашение о предоставлении РБ кредита на 105 млрд руб. для реализации проектов в импортозамещении²⁷. РБ и РФ тем самым начали исполнять соглашения о создании равных условий субъектам хозяйствования в экономической сфере от 25 декабря 1998 г.

Взаимная торговля в 2022 г. выросла на 14% и примерно на столько же в 2023 г. В результате объем взаимной торговли товарами приблизился к 50 млрд долл. Потери ВВП у обеих стран в 2022 г. были ощутимы, но значительно меньше, чем первоначально прогнозировалось. В 2023 г. экономики обеих стран выросли на 3,5–4%. Рост экономики России был обусловлен не только вполне успешной переориентацией ее внешнеэкономических связей с Европы на Азию, но и реализацией программ импортозамещения, которые, в свою оче-

26. Иванов А.А., Шустова И.С. Постсоветское пространство в геэкономических интересах США // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. С. 1887–1904.

27. Вардомский Л.Б. Новые тренды регионализации международных экономических отношений на евразийском пространстве // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей. Т. 2 / Ред. кол.: Д.В. Муха и др. Минск: Право и экономика, 2023. С. 17–22.

редь, позволили значительно расширить межрегиональные связи. Рост внутренней кооперации позволил частично компенсировать экономические потери, связанные с разрывом связей с западными рынками. Рост экономики Беларуси был во многом связан с ее включением в процессы российского импортозамещения и возможностями широкого использования российских коммуникаций для выхода на внешние рынки третьих стран.

В конце 2023 г. Минэкономразвития России и Минэкономики Беларуси разработали новый пакет интеграционных документов СГ на 2024–2026 гг., который предполагает дальнейшее развитие национальных платежных систем, запуск объединенного рынка электроэнергии, совершенствование транспортного сообщения и логистики, развитие промышленной кооперации на основе национальных технологических разработок, сотрудничества в сфере услуг. Реализация данного пакета позволит приступить к развитию СГ как центра инноваций для стран ЕАЭС, СНГ и ШОС.

Санкции не привели к желаемым для Запада результатам и в деятельности ЕАЭС и СНГ. По неофициальным данным, взаимная торговля стран ЕАЭС в 2022 г. превысила на 10% объем 2021 г. Ожидается, что в 2023 г. она вырастет на 10–15%. У стран Центральной Азии и Южного Кавказа в 2022 г. экономики заметно выросли. В 2023 г. эта тенденция сохранилась с улучшением показателей по инфляции²⁸.

В 2022–2023 гг. произошло усиление экономического взаимодействия интеграции на уровне физических и юридических лиц (неформальная интеграция), что было обусловлено ростом трансграничных перемещений населения, релокацией компаний из России в страны ЕАЭС и другие постсоветские страны. Нарастивание посреднического и заместительного импорта из стран ЕАЭС привело к снижению дисбаланса их торговли с РФ, который создавал для них немалые платежные

28. О макроэкономической ситуации в государствах Евразийского экономического союза и предложениях по устойчивому экономическому развитию. Аналитический доклад. М.: ЕЭК ЕАЭС, 2024. <https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0113362/pd>

проблемы. Рост взаимодействия выразился также в росте взаимных инвестиций в период 2021–2023 гг.²⁹ Но при этом за 2021–2023 гг. доля России во внешней торговле стран ЦА заметно понизилась при росте доли КНР и ЕС.

Санкции вызвали разделение стран-участниц на подсанкционные РФ и РБ, с одной стороны, и страны, опасющиеся вторичных санкций из-за их связей с первыми, с другой. В определенной мере на это влияют обязательства Армении в рамках соглашения с ЕС о всеобъемлющем и расширенном партнерстве, которое было ратифицировано после «бархатной революции» 2018 г., и Казахстана в рамках нового Соглашения с ЕС о партнерстве и сотрудничестве, которое вступило в силу в 2020 г. В июле 2022 г. ЕС и Узбекистан завершили трехлетние переговоры и подписали новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое пока не ратифицировано. Аналогичные переговоры ведутся ЕС и с некоторыми другими странами СНГ.

Кроме того, ЕС налаживает работу по взаимодействию со странами ЦА в формате «ЕС – Центральная Азия». Схожую деятельность разворачивают США. Совокупность указанных событий свидетельствует о попытке коллективного Запада ограничить связи стран СНГ и других стран ЕАЭС и СНГ посредством контроля за возможной торговлей между ними подсанкционными товарами. В представлении Запада через Армению, Казахстан, Киргизию, а также Узбекистан в РФ поступает много товаров, запрещенных для вывоза. Одновременно ЕС предлагает упомянутым странам наращивать взаимное сотрудничество в рамках инициативы Global Gateway.

Наиболее последовательно политику учета западных санкций проводит Казахстан, приоритетом которого явля-

29. Малахов А., Серик Е., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР-2023. Доклады и рабочие документы 23/5. Алматы: Евразийский банк развития, 2023. С. 12–17.

ется исключение рисков для своих широких отношений с Западом³⁰.

В сложившихся условиях принцип «четырёх свобод», лежащий в основе ЕАЭС, не может действовать в полной мере. Происходит некоторое сужение режима Таможенного союза в рамках ЕАЭС. Задача, стоящая перед ЕАЭС, заключается в том, чтобы сохранить темпы наращивания внутреннего взаимодействия в условиях сильного геополитического давления на них извне. В ЕЭК ее решение видят в развитии промышленной кооперации, снятия сохраняющихся барьеров на пути взаимной торговли (в частности, среди неурегулированных вопросов остается единый рынок энергоресурсов), создании автономных систем взаимных расчетов и системы субсидирования совместных проектов (в 2023 г. доля национальных валют в расчетах по взаимной торговле достигла 90%), цифровизации взаимного сотрудничества, развития электронной торговли. Одновременно усиливается внимание к согласованному развитию инфраструктуры и логистики и условиям для взаимных транзитных перевозок, а также к поиску источников и способов финансирования приоритетных инфраструктурных проектов, направленных на повышение транзитного потенциала ЕАЭС.

Для решения задач наращивания сотрудничества Россия и страны – партнеры по ЕАЭС и СНГ переходят также к формату двусторонних программ сотрудничества, рассчитанных на ряд лет. Программы разработаны и приняты между РФ и Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном. Это позволит повысить динамику взаимных экономических связей.

Среди новых межгосударственных проектов следует выделить трехстороннее соглашение между Казахстаном, Россией и Узбекистаном, достигнутое в январе 2023 г. о сотрудничестве в газовой сфере.

30. Чернова В.Ю. Новые интеграционные проекты Казахстана: возможности и риски // Мир перемен. 2023. № 3. С. 54–73.

Важным направлением наращивания взаимного сотрудничества РФ и ННГ являются и взаимные прямые инвестиции, которые в 2021–2023 гг. сохранили положительную динамику³¹.

В условиях санкций для развития ЕАЭС и СНГ и участвующих в них стран возрастает роль ШОС и БРИКС. После 2014 г. эти организации обрели дополнительную динамику, что отражает стремление стран-участниц к многовекторности — рациональной политике в условиях тренда к полицентричному мироустройству при сохранении своей культурной идентичности и политического суверенитета.

Произошедшее и намечаемое расширение участников данных организаций в разных форматах свидетельствует о возрастании их экономического и политического влияния в мире. Оно позволяет странам-участницам ограничить влияние геополитических рисков на их развитие.

Деятельность ШОС способствует развороту внешнеторговых связей РФ и ее партнеров по постсоветским проектам в сторону Азии. В 2022 г. взаимная торговля ЕАЭС и других партнерских стран со странами ШОС (Китай, Индия, Иран) выросла на треть. В 2023 г. динамичный рост продолжился: российско-китайский товарооборот достиг 240 млрд долл. и по итогам года РФ стала четвертым торговым партнером КНР. Тем не менее взаимные связи РФ и ее партнеров по ШОС сдерживают риски вторичных санкций.

Постсоветские проекты регионализации и ШОС дополняют друг друга по страновому охвату, по развитию институтов регионализации и выполняемой миссии, доступности разных по емкости и структуре рынков стран-партнеров. Но при этом они чем-то конкурируют друг с другом. Взаимное сопряжение регуляторных институтов разных проектов, в нашем представлении, при правильной и своевременной координации их деятельности будет давать более высокий

31. Малахов А., Серик Е., Забоев А. Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР-2023. Доклады и рабочие документы 23/5. Алматы: Евразийский банк развития, 2023. С. 12–17.

эффект для каждого из участников, чем возможные потери для них от конкуренции проектов.

Одним из результатов взаимодействия разных региональных проектов стало формирование международного Каспийского региона (Каспийская пятерка). Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, как институт согласования интересов стран-участниц позволила запустить процесс саморазвития Каспийского региона (КР), драйвером которого сегодня становится развитие его евразийской транспортной миссии. Концентрация в регионе совместных энергетических и транспортных проектов, осуществляемых по линиям разных региональных объединений, и формирование соответствующих миссий КР позволяет говорить о нем как о субрегионе ЕАЭС, СНГ и ШОС. Субрегион, в представлении автора, — место совместной деятельности в рамках соглашений между несколькими государствами, участвующими в более крупных региональных объединениях. Субрегионализация отражает адаптацию данных интеграций к возросшему в текущих условиях внутреннему разнообразию возможностей, интересов и стратегий стран-участниц³².

Таким образом, процессы регионализации и их взаимовлияние на ПСП после распада СССР протекали под постоянным геополитическим давлением Запада на Россию и ее партнеров, которое менялось по мере изменений в мироустройстве. Под этим давлением произошел раскол ННГ по геополитическим приоритетам. Давление на страны-сторонницы евразийской интеграции приводило к поиску тех форматов регионализации, которые наиболее соответствовали интересам стран-участниц в данных конкретных условиях.

В 2022 г. давление Запада приобрело особо жесткий характер. Но оно не дало того результата, на который коллективный Запад рассчитывал. Это свидетельствует о том, что мир движется в направлении полицентричности. Кроме

32. Каспийский регион в процессах регионализации Евразии: научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2023.

того, это свидетельствует о том, что большой экономический потенциал России вполне хорошо дополняет экономику стран Незапада. Тесные связи России и стран ЕС, сложившиеся в 1990-е годы, сковывали ее развитие. Отказ Запада от связей с РФ снял те геоэкономические ограничения для развития, которые существовали более четверти века.

Для более эффективного использования изменившихся геоэкономических условий необходима соответствующая адаптация институтов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность России и ее партнеров, а также институтов, стимулирующих интеграционные процессы.

К настоящему времени Россия научилась использовать возможности регионализации для целей развития экономики. Развитие евразийской регионализации как инструмента противодействия санкциям идет разными путями через: 1) расширение сети институтов, обеспечивающих рост взаимосвязанности экономики, гуманитарной сферы и безопасности стран-членов; 2) увеличение числа участников региональных проектов; 3) использование разноуровневых форматов регионализации от субрегионального до трансрегионального; 4) налаживание сопряжения между разноформатными региональными объединениями путем координации их взаимодействия.

Важной предпосылкой и результатом регионализации являются международные транспортные коридоры, которые обеспечивают логистику взаимодействий как между участниками региональных объединений, так и с третьими и между третьими странами. Транспортные коридоры позволяют использовать потенциал взаимовыгодных и доверительных отношений, создаваемых институтами регионализации.

В обозримом будущем санкционные практики будут расширяться и совершенствоваться, равно как практики их нейтрализации. И в них важное место будут занимать проекты регионализации и интеграции. Для повышения синергетического эффекта от участия стран ЕАЭС и СНГ в разных региональных объединениях целесообразно рассматривать

их как складывающуюся неформальную систему с широкими возможностями оптимизации ее деятельности.

Обсуждаемая сейчас гипотеза о фрагментации международных экономических отношений на два блока: западный и китайско-российский — пока не подтверждается процессами в «поясе соседства» России. Геополитизация международных экономических отношений действительно приводит к постепенной фрагментации международных экономических отношений, понимаемой нами как политически мотивированное ограничение торговых, транспортных и финансовых связей в отношении нелояльных государств и связанные с ним экономические последствия. Данная фрагментация сужает сферу глобализации и приводит к трансформации внешних связей не только стран, находящихся в геополитическом конфликте, но и стран, придерживающихся нейтральной позиции. Но вполне очевидно и формирование группы стран, обеспечивающих преодоление выстраиваемых геополитических барьеров и получающих от этого немалую выгоду. Так что, если геоэкономическая фрагментация и будет иметь развитие в будущем, то она будет иметь не биполярное, а более сложное строение.

Б.А. Шмелев, Я.Б. Мухина¹

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБРАЗОВАНИЯ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация. В статье показан процесс формирования договорно-правовой базы деятельности СНГ. После распада СССР согласование принципов, на основе которых должны строиться отношения между новыми независимыми государствами, вчерашними советскими республиками, являлось важнейшей задачей их политического руководства. Сложнейшей проблемой, с которой они сразу же столкнулись, явилось признание межгосударственных границ, которые еще вчера были административными межреспубликанскими границами. Эти границы не были исторически, экономически и культурно обусловлены и носили условный характер. Однако проведение межгосударственных границ требовало совершенно других подходов, которые бы учитывали государственные интересы. После распада СССР на постсоветском пространстве в новых независимых государствах обострилась борьба за самоопределение проживавших в них народов. Тем самым нарушался принцип территориальной целостности и нерушимости границ как фундаментальной основы их взаимодействия. В ходе многочисленных встреч и переговоров была достигнута договоренность о том, что страны в своих взаимоотношениях будут руководствоваться устоявшимися принципами международного права — принципами территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, отказа от использования силы при решении возникающих между ними конфликтов. Как отмечается в статье, одной из важнейших проблем, с которыми они столкнулись при налаживании отношений, явилась необходимость поиска баланса между принципом территориальной целостности государств и права наций на самоопределение. Этот аспект строительства государственности неоднократно обсуждался на саммитах глав государств и правительств новых независимых государств, но убедительного и взаимоприемлемого для всех сторон ответа на этот вызов найти не удалось. В статье рассматривается и план превращения объединения новых независимых государств в Содружество как формы конфедеративного устройства. Речь шла о создании в различных форматах структур, которые бы занимались налаживанием сотрудничества в различных областях, что позволило бы сохранить единство постсоветского

1. Борис Александрович Шмелев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБун Институт экономики РАН; boris_shmelev@mail.ru. Яна Борисовна Мухина, кандидат исторических наук, доцент кафедры Зарубежного регионоведения и междунар одного сотрудничества ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; mukhina.y@inbox.ru

пространства как единого геополитического целого. Однако добиться этой цели не удалось.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, координация внешней политики, принципы международного права, самоопределение, экономическая интеграция.

Boris A. Shmelev, Yana B. Mukhina²

LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Abstract. The article shows the process of formation of the legal framework of the CIS activities. After the collapse of the USSR, the coordination of the principles on the basis of which relations between the newly independent states, yesterday's Soviet republics, should be built, was the most important task of their political leadership. The most difficult problem, that they immediately faced, was the recognition of interstate borders, which yesterday were administrative inter-republic borders. These borders were not historically, economically and culturally conditioned and were conditional. However, the drawing of interstate borders required completely different approaches that would take into account state interests. After the collapse of the USSR in the post-Soviet space, the struggle for the self-determination of the peoples, living in them, intensified in the newly independent states. Thus, the principle of territorial integrity and the inviolability of borders, as the fundamental basis of their interaction, was violated. In the course of numerous meetings and negotiations, an agreement was reached, that the countries in their relations would be guided by the established principles of international law – the principles of territorial integrity, non-interference in each other's internal affairs, refusal to use force in resolving conflicts arising between them. As noted in the article, one of the most important problems, that they faced in establishing relations, was the need to find a balance between the principle of territorial integrity of states and the right of nations to self-determination. This aspect of state-building has been repeatedly discussed at the summits of the heads of state and government of the newly independent states, but it has not

-
2. Boris Aleksandrovich Shmelev, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of the Federal State Budgetary Institution Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; boris_shmelev@mail.ru.
Yana Borisovna Mukhina, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; mukhina.y@inbox.ru

been possible to find a convincing and mutually acceptable answer to this challenge. The article also discusses the plan to transform the unification of the newly independent states into the Commonwealth as a form of confederal structure. It was about creating structures in various formats, that would be engaged in establishing cooperation in various fields, which would preserve the unity of the post-Soviet space as a single geopolitical whole. However, it was not possible to achieve this goal.

Keywords: Commonwealth of Independent States, coordination of foreign policy, principles of international law, self-determination, economic integration.

К концу 1991 г. стало очевидным, что Советский Союз как форма организации огромного евразийского геополитического пространства исчерпал себя. Одновременно и сложившаяся социалистическая система народного хозяйства была не в состоянии реагировать на вызовы времени, обеспечить стране высокие темпы социально-экономического развития. СССР погружался в глубокий экономический и политический кризис, выход из которого виделся руководителями советских республик в предоставлении им широких прав автономии и демонтаже экономической системы, перевода ее на рыночные принципы функционирования. Попытка государственного переворота в СССР в ночь с 18 на 19 августа 1991 г., предпринятая от имени «Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР» еще более углубила политический кризис в стране. В Обращении Президента РСФСР, председателя Совета Министров РСФСР и и. о. председателя Верховного совета РСФСР к гражданам России 19 августа 1991 г. говорилось, что «в ночь с 18 на 19 августа 1991 г. отстранен от власти законно избранный президент страны. Какими бы причинами не оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом»³. В Обращении гражданам России призывались дать «достойный отпор путчистам»

3. Системная история международных отношений в 4 томах. События и документы. 1918–2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. 1945–2003. Сост. Е.Г. Капустян, А.В. Мальгин, А.А. Соколов. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. С. 391.

и требовалось вернуть страну к нормальному конституционному развитию⁴. Подписание нового Союзного договора, намеченного на 20 августа 1991 г. в этих условиях стало невозможным. Распад СССР принял необратимый характер. 24 августа 1991 г. Постановлением Верховного совета Украинской ССР был принят Акт о провозглашении независимости Украины. В нем говорилось, что «Верховный Совет УССР торжественно провозглашает независимость Украины и создание самостоятельного украинского государства – Украины»⁵. Одновременно Верховный совет УССР постановил провести 1 декабря 1991 г. республиканский референдум по подтверждению акта провозглашения независимости⁶. По словам первого российского Президента Б.Н. Ельцина, «после августа распад СССР вступил в последнюю стадию, началась агония»⁷.

На состоявшемся 1 декабря 1991 г. на Украине референдуме украинский народ высказался за независимость. Опираясь на его результаты, Киев отказался подписывать Союзный договор. Оценивая значение итогов украинского референдума, Б.Н. Ельцин отмечал, что они ведут к серьезному нарушению «геополитического равновесия в мире, эскалации конфликтов внутри бывшего Союза, возникновению проблемы государственных границ, национальных валют...»⁸. С его точки зрения, «заключать Договор о союзе из 7 республик без Украины и при этом оставаться спокойными, ждать очередных согласований, ничего не предпринимать – было бы просто преступно»⁹.

4. Там же.

5. Акт о провозглашении независимости Украины. Постановление Верховного совета Украинской ССР. Киев. 24 августа 1991 г. // Системная история международных отношений в 4 томах. События и документы. 1918–2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. С. 392.

6. Там же.

7. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР. Бюллетень № 21 Совместного заседания Совета Республики и Совета национальностей 12 декабря 1991 г. URL: <https://comstol.info/docs/stenogramma.pdf>

8. Там же.

9. Там же.

На этом политическом фоне и состоялась встреча Президента РСФСР Б.Н. Ельцина, Президента Украины Л.М. Кравчука и Председателя Верховного Совета Республики Беларусь С. Шушкевича в Вискулях, где 8 декабря 1991 г. ими было подписано т. н. Беловежское соглашение, в соответствии с которым Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращал свое существование¹⁰. В ст. 1 Соглашения говорилось, что «Высокие договаривающиеся стороны образуют Содружество Независимых Государств»¹¹. В ст. 5 Высокие Договаривающиеся Стороны брали на себя обязательство признавать и уважать территориальную целостность друг друга и неприкосновенность существующих границ в рамках Содружества¹². В ней также говорилось, что гарантируется открытость границ, свобода передвижения граждан и передачи информации в рамках Содружества¹³. Большое значение для будущих отношений в рамках Содружества имело содержащееся в статье шестой положение о том, что «Стороны будут уважать стремление друг друга к достижению статуса безъядерной зоны и нейтрального государства»¹⁴. Это положение явно отражало заинтересованность Б.Н. Ельцина и его команды убрать из независимой Украины, Казахстана и Белоруссии находящееся там ядерное оружие и не допустить возможного в будущем присоединения Киева к НАТО и одновременно желание киевской политической элиты избежать втягивания украинского государства в военно-политические союзы во главе с Москвой, которое бы, по ее мнению, ограничивало украинский суверенитет.

10. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. Вискули. 8 декабря 1991 г. («Беловежское соглашение») // Системная история международных отношений в 4 томах. 1918–2003. Т. 4. С. 393.

11. Там же.

12. Там же.

13. Там же.

14. Там же.

Политические лидеры России, Украины и Белоруссии предполагали в рамках Содружества Независимых Государств образование общих координирующих институтов, с помощью которых можно было бы обеспечить некую политическую и экономическую целостность территории этих трех бывших советских республик, в одночасье ставших независимыми государствами. Речь шла о координации внешнеполитической деятельности, о сотрудничестве в формировании и развитии общего экономического пространства, общеевропейского и евразийского рынков, в области таможенной политики, охраны окружающей среды, о сохранении под объединенным командованием общего военно-стратегического пространства, включая единый контроль над ядерным оружием¹⁵. Оценивая значимость подписанного Соглашения, Президент РСФСР Б.Н. Ельцин подчеркивал, что «в нынешних условиях только Содружество Независимых Государств способно обеспечить сохранение складывающегося веками, но почти утраченного сейчас политического, правового и экономического пространства. Только Содружество способно упрочить его на новой, добровольной и демократической основе»¹⁶. Развивая эту мысль, А. Собчак высказался еще более определенно. Он заявил, что «может быть, как раз это Соглашение и является той новой формой Союза, к которой мы начинаем движение сегодня»¹⁷. Эти настроения разделялись практически всеми участниками совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей РСФСР, состоявшегося 12 декабря 1991 г. За ратификацию Беловежского соглашения выступили 181 депутат, против — 11, воздержался 1 человек. При поименном голосовании за ратификацию высказались 188 депутатов, против — 6, воздержалось 7 депутатов¹⁸. Ратификация депутатами Верховного Совета РСФСР Соглашения, подписанного

15. Там же.

16. Четвертая сессия Верховного Совета РСФСР. Бюллетень № 21 совместного заседания Совета Республики и Совета Национальностей. 12 декабря 1991 г. Указ. соч. С. 3.

17. Там же.

18. Там же. С. 25.

в Вискулях, поставила точку в исторической судьбе Советского Союза и положила начало новому этапу развития огромного евразийского пространства. Ранее, 10 декабря 1991 г., Верховная рада Украины и парламент Белоруссии ратифицировали Беловежское соглашение. Тем самым была подведена юридическая база под ликвидацию Советского Союза.

Легитимность Беловежского соглашения определялась отношением к нему других советских республик, в первую очередь среднеазиатских. Там вынашивались планы о создании туркестанского союза – конфедерации государств Средней Азии. В случае их реализации северные районы Казахстана, в основном населенные русскими, выступили бы за отделение и последующее присоединение к России. В свою очередь, автономные республики РСФСР – Татарстан и Башкирия, где компактно проживало мусульманское население, могли бы начать движение в противоположном направлении – добиваться предоставления независимости с последующим присоединением к мусульманскому союзу. Это могло привести к славяно-мусульманскому противостоянию, возможно, и в форме кровавых столкновений.

Лидеры республик Средней Азии смогли не допустить такого развития событий. Принципиально важное значение имела экстренная консультативная встреча лидеров этих республик, состоявшаяся 12–13 декабря в Ашхабаде. На ней было принято совместное Заявление о согласии войти в состав СНГ на правах равноправных учредителей, а не в статусе присоединившихся стран. В нем говорилось, что «стремление лидеров Республики Беларусь, РСФСР, Украины создать на месте ранее бесправных республик объединенные в содружество независимые правовые государства воспринимается... с пониманием. Минская инициатива по созданию Содружества Независимых Государств носит позитивный характер. Участники соглашения согласны с утверждением о том, что процесс новой интеграции субъектов прежнего СССР на основе решений V Съезда СССР зашел в тупик. Недалековидная политика центра привела к глубокому эко-

номическому и политическому кризису, к развалу производства, катастрофическому понижению жизненного уровня практически всех слоев общества»¹⁹. На встрече подписантам Беловежского соглашения и руководителям других бывших советских республик было предложено собраться в Алма-Ате для решения вопросов, касающихся образования СНГ.

На состоявшейся 21 декабря 1991 г. встрече в Алма-Ате глав одиннадцати независимых государств — бывших советских республик (кроме Грузии и прибалтийских республик) говорилось о том, что Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Казахстан, Республика Киргизстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина «на равноправных началах... образуют Содружество Независимых Государств»²⁰. В подписанной на встрече Алма-Атинской декларации были подтверждены основные цели и принципы функционирования СНГ, изложенные в Беловежском соглашении. Беловежское соглашение от 8 декабря 1991 г., Алма-Атинский протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств и Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г. представляют собой триединый учредительный документ, заложивший правовые основы деятельности СНГ.

В Алма-Атинской декларации было записано, что «СНГ не является ни государством, ни надгосударственным образованием»²¹. С точки зрения международного права СНГ не является ни военно-политическим, ни экономическим союзом, ни федерацией и ни конфедерацией, а представляет собой международную региональную организацию, и в таком статусе она была признана Генеральной Ассамблеей ООН 24 мая 1994 г.

19. Заявление глав среднеазиатских республик СССР от 13.12.1991 г. https://ru.wikisource.org/wiki/Заявление_глав_среднеазиатских_республик_СССР_от_13.12.1991.

20. Протокол от 21 декабря 1991 г. к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанному 8 декабря 1991 г. в г. Минске Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР), Украиной. <https://www.interfax.ru/30years/80049>.

21. Системная история международных отношений в 4 томах. Узк. соч. С. 396.

Такой статус СНГ определялся ст. 1 его Устава, одобренного странами — членами Содружества Независимых Государств 22 января 1993 г., в которой говорилось, что «Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов. Государства-члены являются самостоятельными и равноправными субъектами международного права»²². В документе подчеркивалось, что Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями²³. Устав воспроизводил те цели и принципы своей деятельности, которые были закреплены в Беловежском соглашении и Алма-Атинской декларации. В то же время в нем были записаны новые положения, имеющие принципиальное значение для функционирования СНГ. В ст. 12 Устава говорится о том, что «в случае возникновения угрозы суверенитету, безопасности и территориальной целостности одного или нескольких государств-членов либо международному миру и безопасности государства-члены незамедлительно приводят в действие механизм взаимных консультаций с целью координации позиций и принятия мер для устранения возникшей угрозы, включая миротворческие операции и использование в случае необходимости вооруженных сил... согласно статье 51 Устава ООН»²⁴. Эта статья Устава не воспроизводила более определенную и жесткую формулировку, содержащуюся в ст. 4 Договора о коллективной безопасности²⁵, подписанного в Ташкенте 15 мая 1992 г., но подтверждала, тем не менее, принцип коллективной безопасности, заложенный в Ташкентском договоре.

В отличие от Алма-Атинской декларации в Устав было внесено положение о неотъемлемом праве народов на самоопределение и праве распоряжаться своей судьбой без вмешательства извне и одновременно говорилось о необходимости

22. Устав Содружества Независимых Государств. 22 января 1993 г. <https://docs.cntd.ru/documtnt/1903017>

23. Там же.

24. Там же.

25. Системная история международных отношений в 4 томах. Указ. соч. С. 505.

уважения территориальной целостности государств и отказа от любых действий, направленных на расчленение чужой территории. Указывалось на нерушимость государственных границ и отказ от противоправных территориальных приобретений, о признании существующих границ²⁶. Эти принципы имели большое значение для упрочения стабильного развития постсоветского пространства. Формирование на месте бывших советских республик независимых государств поставило в повестку дня легитимацию их границ. Многие из них не были обусловлены геоэкономически, исторически, с точки зрения объединения в рамках одного государства-этнуса, разделенного государственными границами.

В Советском Союзе межреспубликанские границы были искусственными, начертаны произвольно, исходя из политических соображений правящей Коммунистической партии. Признание права наций на самоопределение и права распоряжаться своей судьбой без вмешательства извне вступало в противоречие с принципом уважения территориальной целостности постсоветских государств. Политическая элита постсоветских государств решительно отказывалась проживавшим на их территории национальным меньшинствам в реализации своего права на самоопределение, стремясь сохранить территориальную целостность своих государств. Ответом на такую политику явилась гражданская война, вызванная желанием армянского населения Нагорного Карабаха, абхазов в Абхазии, осетин в Южной Осетии, русских в Приднестровье самоопределиться и создать свое собственное независимое государство. Волновалось русское население Крыма, которое хотело войти в состав России, Чеченская Республика добивалась независимости и выхода из состава России. На доктринальном уровне разрешить это противоречие было невозможно, оно разрешалось с помощью оружия, что приводило к конфликтам не только внутри, но и между постсоветскими государствами, подрывало един-

26. Там же.

ство стран СНГ, основы безопасности и стабильности на всем постсоветском пространстве.

Стремясь не допустить такого развития событий, лидеры постсоветских государств настойчиво подчеркивали, как это было сделано в Ашхабадской декларации о развитии сотрудничества и укреплении доверия в отношениях между государствами – участниками Содружества Независимых Государств, принятой 24 декабря 1993 г., что «уважение суверенитета и территориальной целостности государств, взаимное доверие и открытость, неприменение силы, угрозы силой или экономического давления, разрешение споров мирными средствами и невмешательство во внутренние дела, добросовестное выполнение взятых на себя обязательств и взаимовыгодное партнерство должны стать основой межгосударственных отношений»²⁷. К моменту подписания Ашхабадской декларации было очевидно стремление постсоветских государств развивать экономическое и политическое сотрудничество не только в рамках СНГ, но и с другими организациями, в первую очередь ЕС и НАТО. Поэтому в Документе было записано положение о том, что все государства – участники Содружества, являющиеся самостоятельными и равноправными субъектами международного права, «сохраняют за собой право участвовать в универсальных и региональных организациях»²⁸.

Насколько остро стояла проблема невмешательства во внутренние дела и уважения территориальной целостности постсоветских государств в взаимоотношениях друг с другом, говорит тот факт, что через несколько месяцев после принятия Ашхабадской декларации, 15 апреля 1994 г. была принята Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств – участников Содружества Независимых Государств. К этому

27. Ашхабадская декларация о развитии сотрудничества и укреплении доверия в отношениях между государствами – участниками Содружества Независимых Государств. <https://docs.cntd.ru/document/1900435>

28. Там же.

времени эти проблемы остро стояли перед Азербайджаном, Грузией и Молдовой. В Документе были четко сформулированы принципы взаимоотношений между государствами — участниками СНГ, которые, если бы они в последующем соблюдались всеми странами-подписантами, избавили бы постсоветское пространство от многих конфликтов, которые происходят на нем сегодня. Декларация, подтверждая необходимость уважения принципов суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ, отмечала, что «государства будут воздерживаться от военной, политической, экономической или любой другой формы давления, включая блокаду, а также поддержки и использования сепаратизма против территориальной целостности и неприкосновенности, а также политической независимости какого-либо из государств — участников Содружества»²⁹.

Положение о недопустимости поддержки и использования сепаратизма против территориальной целостности постсоветских государств было впервые внесено в документы СНГ и отражало сложившиеся на постсоветском пространстве реалии, когда Россия была вынуждена поддерживать сепаратистские движения в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье, не отказываясь при этом от уважения территориальной целостности как основополагающего на тот момент принципа урегулирования возникших в них межнациональных конфликтов. Важное значение для укрепления доверия между государствами — участниками СНГ имеет пункт 5 Декларации, в котором говорится, что государства-участники «будут пресекать в соответствии со своим национальным законодательством создание и деятельность на своих территориях организаций и групп, а также действия отдельных лиц, направленные против независимости, территориальной целостности государств — участников Содружества, либо на обострение межнациональных

29. Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств — участников Содружества Независимых Государств. <https://docs.cntd.ru/document/1901148>

отношений»³⁰. Это положение было направлено на изоляцию сепаратистских движений, на лишение их материальной и политической поддержки со стороны постсоветских государств, что существенно бы сокращало их возможности борьбы за достижение выдвинутых ими целей. Однако, как показывало развитие постсоветского пространства уже в то время, геополитические, геоэкономические интересы постсоветских государств приходили в противоречие с этими принципами, что делало их реализацию невозможной.

Поскольку число конфликтов и их жесточечность на постсоветском пространстве нарастали, страны – участники СНГ сочли необходимым еще раз вернуться к проблеме их урегулирования. Совет глав государств Содружества Независимых Государств на своем заседании 19 января 1996 г. одобрил Концепцию предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств – участников Содружества Независимых Государств. В ней впервые признавалось, что неразрешенные споры и противоречия, возникающие на их основе вооруженные конфликты подрывают основу существования СНГ, затрагивают жизненные интересы каждого государства – его участника и представляют реальную угрозу международному миру и безопасности³¹. Концепция определяет общие подходы государств – участников СНГ к вопросам предотвращения и урегулирования конфликтов, возможности совместных шагов по разрешению возникающих споров и разногласий. В Документе было закреплено положение принципиальной важности о том, что «при осуществлении операций по предотвращению и урегулированию конфликтов на территории государств – участников СНГ, как правило, (следует. – *Прим. авт.*) исходить из наличия на это мандата Совета Безопасности ООН... вовлеченность международного сообщества в урегулирование конфликтов должна быть более значительной и адекватной той угрозе, которую

30. Там же.

31. Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств-участников. https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=17&nd=203004265&collection=1

они представляют»³². Иными словами, речь шла о том, что обеспечение безопасности на постсоветском пространстве является заботой не только постсоветских государств, но и всего мирового сообщества, т. к. тем самым укрепляется не только региональная, но и глобальная безопасность. Это положение говорило, что в то время никакая страна — участница СНГ не претендовала на признание ее особой роли и ее особых интересов на постсоветском пространстве.

Как отмечалось в Концепции, страны — участники СНГ должны направлять свои усилия на предотвращение конфликтов, урегулирование вооруженных конфликтов и на постконфликтное построение мира (миростроительство). В этих целях могут проводиться миротворческие операции с помощью Коллективных сил по поддержанию мира в СНГ³³.

Концепция представляла собой солидную политико-юридическую основу для урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве. Однако реализовать заложенный в ней потенциал не удалось из-за противоречий между странами — участниками СНГ, что негативно отразилось на состоянии безопасности на всем постсоветском пространстве. Постсоветские государства в своих подходах к урегулированию кризисов и конфликтов на постсоветском пространстве предпочитали исходить из собственных интересов, а не принципов, которые они одобрили при подписании документов СНГ.

Обеспечение безопасности стран — участниц СНГ строилось на коллективной основе. Принципы, на которые она опиралась, были сформулированы в Договоре о коллективной безопасности, который был подписан 15 мая 1992 г. в Ташкенте. В Договоре отмечалось, что государства-участники подтверждают обязательство воздерживаться от применения силы или угрозы силой в межгосударственных отношениях и обязуются разрешать все разногласия между

32. Там же.

33. Там же.

собой и с другими государствами мирным путем³⁴. В ст. 1 говорилось, что «государства-участники не будут вступать в военные союзы или принимать участие в каких-либо группировках государств, а также в действиях, направленных против другого государства-участника»³⁵. По существу, речь шла о принципе неделимости безопасности на постсоветском пространстве, действие которого затем российской дипломатией было распространено на весь европейский континент. Существо Договора о коллективной безопасности выражала ст. 4, в которой говорилось, что «если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств – участников настоящего Договора»³⁶. В этом случае все остальные государства-участники предоставят ему необходимую помощь, «включая военную»³⁷.

Однако ценность Договора для стран-участниц оказалась невысокой, так как вскоре выяснилось, что основная угроза их безопасности исходит не извне, а от самих участниц Договора. Это было связано с армяно-азербайджанским конфликтом из-за Нагорного Карабаха, политикой России в приднестровском конфликте, поддержкой Россией абхазских и южноосетинских сепаратистов. Поэтому Договор в течение многих лет не играл сколько-нибудь значительной роли в обеспечении безопасности стран-участниц. А в XXI веке стало очевидным, что основные угрозы безопасности для стран-участниц лежат внутри них в виде социально-политической нестабильности как следствия тех экономических проблем, с которыми они столкнулись. Но для устранения этих угроз Ташкентский договор, переформатированный в 2001 г. в Договор Организации коллективной безопасности, оказался не приспособленным. Ввод миротворческих сил ОДКБ в Казахстан в январе 2022 г.

34. Системная история международных отношений в 4 томах. 1918–2003. Указ. соч. С. 504.

35. Там же.

36. Там же. С. 505.

37. Там же.

показал, что внутривполитические кризисы в постсоветских странах могут быть урегулированы только самими этими странами и участие миротворческих сил ОДКБ во внутривполитических разборках на стороне одной из конфликтующих сторон крайне маловероятно может привести к стабилизации внутривполитической обстановки.

Наряду с принципами, регулирующими взаимодействие стран — участниц СНГ в политической области, не меньшее внимание уделялось и принципам, лежащим в основе экономического сотрудничества. Они были обозначены в Беловежском соглашении, Алма-Атинской декларации, Уставе СНГ. Но наиболее полно они были сформулированы в Договоре стран СНГ от 24 сентября 1993 г. «О создании Экономического Союза». Целями Экономического Союза являлось формирование условий для стабильного развития стран-участниц СНГ в интересах повышения жизненного уровня их населения, поэтапное создание общего экономического пространства на базе рыночных отношений, совместное осуществление экономических проектов, представляющих общий интерес³⁸. В Договоре говорилось о том, что Экономический Союз предполагает свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, согласованную денежно-кредитную, бюджетную, налоговую, ценовую, внешнеэкономическую, таможенную и валютную политику, гармонизированное хозяйственное законодательство, наличие общей статистической базы. В соответствии с Договором Экономический Союз должен создаваться путем поэтапного углубления интеграции, координации действий в осуществлении экономических реформ через ассоциацию свободной торговли, таможенный союз, общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, валютный союз³⁹. Договор предполагал налаживание тесного экономического сотрудничества между странами — участниками СНГ и образование единого эко-

38. Договор стран СНГ от 24.09.1993 г. «О создании Экономического Союза». <https://legalacts.ru/doc/dogovor-stran-sng-ot-24091993-o-sozdani>.

39. Там же.

номического пространства наряду с военно-политическим. Однако дальнейшее развитие экономического сотрудничества между постсоветскими странами показало иллюзорность планов экономической интеграции, намеченных в Договоре о создании Экономического Союза. На постсоветском пространстве стала утверждаться другая модель экономического сотрудничества.

Б.А. Хейфец¹

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ БРИКС²

Аннотация. В статье анализируются возможные изменения роли нового формата БРИКС плюс, который будет действовать с 1 января 2024 г. в мировой экономике. В связи с этим рассматриваются этапы развития данного блока и основные направления взаимодействия его участников в экономической и финансовой сферах. Отмечается, что успехи экономического сближения стран БРИКС во многом связаны с использованием гибкой и прагматичной модели «накопительной интеграции», которая основывается не на соглашении о свободной торговле, а на реализации представляющих взаимный интерес проектов и программ, координации экономической политики, реализации совместных инициатив в G20, МВФ, ВТО и в других международных организациях.

Ключевые слова: БРИКС-плюс, накопительная интеграция, геополитическая фрагментация, новая мировая экономическая система.

Boris A. Kheyfets³

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF BRICS

Abstract. The article analyzes possible changes in the role of the new BRICS plus format, which will operate from January 1, 2024, in the global economy. In this regard, the stages of development of this block and the main directions of interaction of its participants in the economic and financial spheres are considered. It is noted that the success of the economic rapprochement of the BRICS countries is largely associated with the use of a flexible and pragmatic model of cumulative integration, which is based not on a free trade agreement, but on the implementation of projects and programs of mutual interest, coordination of economic policies, implementation of joint initiatives in the G20, the IMF, WTO and other international organizations.

Keywords: BRICS plus, cumulative integration, geopolitical fragmentation, new world economic system.

-
1. Борис Аронович Хейфец, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; bah412@rambler.ru
 2. Материал опубликован: Хейфец Б.А. БРИКС плюс – закономерный результат накопительной интеграции в условиях геополитической фрагментации мировой экономики // Общество и экономика. 2024. №1. С. 109–121.
 3. Boris Aronovich Kheyfets, Doctor of Economics, Chief Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of the Federal State Budgetary Institution Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; bah412@rambler.ru

По пути накопительной интеграции

Обострение геополитических конфликтов в мире и тектонические трансформации мировой экономики ведет к ускорению биполярной фрагментации глобального экономического и технологического пространств. БРИКС же становится мощнейшим элементом одного из формирующихся мировых полюсов.

Особо хотелось бы отметить, что проблематика БРИКС всегда находилась среди приоритетов исследований Института экономики РАН. Многие ученые Института экономики вошли в состав Национального комитета по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС), созданного в 2011 г. Это М.Ю. Головнин, Р.С. Гринберг, А.Д. Некипелов, Г.Д. Толорая, Б.А. Хейфец, А.А. Яковлев. В Институте экономики РАН было подготовлено немало публикаций, посвященных БРИКС. Особо хотелось бы отметить изданную в 2014 г. монографию под редакцией профессора, доктора экономических наук С.П. Глинкиной «Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие в БРИКС»⁴.

Как известно, БРИКС, в который первоначально входило 4 страны — Бразилия, Россия, Индия и Китай, и он назывался БРИК, начал свою активную деятельность с 2009 г., когда в Екатеринбурге состоялся его первый саммит. В 2010 г. была опубликована моя первая статья о БРИК, которая символически называлась «БРИК: миф или реальность?»⁵. В этом названии отражалась определенная неуверенность в устойчивости нового международного института, предложенного не властными структурами, а ведущим экономистом из Goldman Sachs Джимом Олом. Это прежде всего был перспективный инвестиционный объект, позволяющий формировать различные облигационные пакеты для выгодных капиталовложений.

4. Глинкина С.П. и др. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики — взаимодействие в БРИКС. М.: ИЭ РАН, 2014.

5. Хейфец Б.А. БРИК: миф или реальность? // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 72–80.

Такое инвестиционное предложение обосновывалось благоприятными прогнозами Goldman Sachs, согласно которым к 2040 г. страны группы должны были догнать, а к 2050 г. превзойти по суммарному ВВП США, Японию, ФРГ, Германию, Францию и Италию.

В то же время у этого проекта Goldman Sachs было немало оппонентов, которые называли такие инвестиционные риски, как различия в отраслевых структурах производства и внешней торговли сырьевых Бразилии и России и занимающихся переработкой сырья Китая и Индии, усиление неравномерности экономического роста участников, высокая вероятность выпадения из группы отдельных стран, прежде всего России или Китая, отсутствие ярко выраженных общих политических целей и интересов и т.п.

Однако подобным опасениям не суждено было сбыться, а сама идея нового союза крупных стран с переходной экономикой получила дальнейшее развитие. В БРИК в 2011 г. была принята ЮАР, и он стал БРИКС, деятельность которого стала распространяться на все большее число областей социально-экономического развития входящих в него государств.

На начало 2022 г. на страны БРИКС приходилось 40% мирового населения, 29,5% территории, 31,8% ВВП по ППС, 33,9% промышленного производства и 23,2% экспорта⁶. Существенной причиной такой повышательной тенденции является рост Китая, на долю которого пришлось более 70% ВВП по ППС БРИКС в 2021 г. Номинальный ВВП на душу населения в среднем у БРИКС в 2021 г. составил 7 666 долл., в то время как аналогичный глобальный показатель — 12 263 долл. Однако соответствующие показатели, рассчитанные по ППС, были очень близки — 17 990 долл. (БРИКС) и 18 721 долл. (мир)⁷.

За исторически небольшой период своей деятельности БРИКС стал важнейшей глобальной платформой для взаимо-

6. ТАСС. Возможное расширение БРИКС. 8 ноября 2022. URL: <https://tass.ru/infographics/9519>

7. UNCTAD. BRICS Investment Report. 2023. P. 5.

действия стран с переходной экономикой и развивающихся государств. В его рамках сложились многие форматы взаимовыгодного сотрудничества стран-участниц во всех сферах современного развития. В Декларации XIV саммита БРИКС (июнь 2022 г.) содержится 75 пунктов, отражающих приоритетные направления взаимодействия. На состоявшемся во время саммита деловом форуме БРИКС лидер КНР Си Цзиньпин отметил, что сотрудничество данного объединения в настоящее время вступило в новую стадию качественного развития. Он призвал членов БРИКС углублять его для более эффективной защиты продовольственной и энергетической безопасности, использовать возможности новой научно-технической и промышленной революции, помочь развивающимся странам ускорить развитие цифровой экономики и «зеленой» трансформации, а также принять участие в сотрудничестве по реагированию на COVID-19⁸. Не менее важно и то, что членство в БРИКС способствует активизации двусторонних связей, прежде всего на корпоративном и региональном уровнях.

В этом плане БРИКС с полным основанием можно считать примером накопительной экономической интеграции, которая основывается не на общих для всех участников комплексных соглашениях о свободном перемещении товаров, услуг, капиталов и людей, а последовательных шагах по реализации представляющих взаимный интерес проектов и программ, координации экономической политики, реализации совместных инициатив в G20, МВФ, ВТО и других международных организациях. Применение термина «накопительная интеграция», на мой взгляд, точнее отражает суть происходящих внутри БРИКС процессов, хотя и не отвергает других используемых в научных публикациях институциональных характеристик БРИКС, таких как неформальная группа стран, блок, стратегический альянс,

8. BRICS cooperation injects vitality into global development, wins worldwide applause. 2022. http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/tpzx/202206/t20220627_10710554.html

межправительственная организация, интеграционный союз, и даже интеграция интеграций, так как каждая страна БРИКС является участницей одного или нескольких других интеграционных объединений.

Необходимо отметить, что представление о БРИКС как о новой модели международной экономической интеграции у меня сложилось не сразу. Еще во второй половине 2010-х годов я предполагал, что данное объединение может постепенно повернуть на путь традиционной экономической интеграции или появившихся в то время в мировой экономике новых трансрегиональных экономических мегартнерств, которые обеспечивали свободу перемещения товаров, услуг, капиталов. В этой связи я, понимая, что большинство стран БРИКС не готовы к созданию зоны свободной торговли (ЗСТ), выдвигал предложение о формировании зоны свободных инвестиций (ЗСИ) без предварительного создания ЗСТ. Базой для ЗСИ БРИКС стала бы подготовка преференциального многостороннего соглашения стран БРИКС по поощрению и защите взаимных инвестиций.

Предполагалось, что для создания ЗСИ необходима взаимная заинтересованность партнеров, которые имели более 350 таких двусторонних и многосторонних соглашений. Поэтому в ЗСИ могут первоначально войти не все страны БРИКС. Положительным моментом создания ЗСИ БРИКС могло бы стать ее открытие для присоединения третьих стран, желающих сотрудничать с БРИКС, но не являющихся ее членами. Что стало бы одним из вариантов своеобразного переходного периода к вступлению в БРИКС.

При разработке преференциального многостороннего инвестиционного соглашения стран БРИКС было бы значительно меньше подводных камней, чем при разработке аналогичного торгового соглашения. Создание ЗСИ стимулировало бы торговлю и инвестиции корпоративных структур, способствовало бы развитию разнообразных интеграционных связей «снизу». В качестве предпосылки формирования ЗСИ предлагалось разработать Дорожную карту инвестицион-

ного сотрудничества стран БРИКС, которая рассматривалась в рамках саммита БРИКС в июле 2015 г. в Уфе⁹.

Однако этот проект не получил приоритетного внимания и на уфимском саммите была принята фундаментальная политика постепенного сближения стран БРИКС. В частности, там была одобрена первая «Стратегия экономического партнерства стран БРИКС до 2020 года», которая ориентировалась на решение таких задач, как расширение многостороннего сотрудничества в целях ускорения социально-экономического развития стран БРИКС, а также на повышение их конкурентоспособности в глобальной экономике, более тесное и эффективное взаимодействие с международными и региональными организациями и форумами. То есть в ней преимущественно содержались самые общие постулаты, которые в той или иной мере провозглашались в других двусторонних и многосторонних документах БРИКС, и не было постановки принципиально новых конкретных задач.

Подобная осторожность объяснялась тогдашним первым заместителем министра экономического развития РФ А. Лихачевым необходимостью последовательного подхода к данным вопросам. Он говорил: *«...Сначала это будет декларативный документ, подвигающий наши страны к более активному сотрудничеству. Потом это могут быть неpreferенциальные соглашения, которые оптимизируют регуляторику, упрощают таможенные и инвестиционные процедуры, создают так называемые «зеленые коридоры» для товаров. Третий этап, который затем обязательно родится, это преференциальный режим, это уступки, которые мы сделаем друг другу с точки зрения торговли товарами...»*¹⁰.

Данная политика была продолжена принятием в 2020 г. модернизированной «Стратегии экономического партнер-

9. Хейфец Б.А. Дорожная карта инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 6. С. 19–28.

10. Алексей Лихачев: недалеко тот день, когда страны БРИКС подпишут экономическое соглашение. 2015. <http://tass.ru/opinions/interviews/2094651>

ства БРИКС до 2025 года», одобренной XII саммитом БРИКС в 2020 г. в России. В нее были включены многие новые приоритеты для взаимодействия стран БРИКС, включая цифровые технологии, инфраструктуру, охрану окружающей среды, изменения климата, продовольственной безопасности и др.

Хотелось бы также отметить, что Россия в рамках своего председательства в БРИКС в 2015 г. предпринимала усилия по практической реализации идеи конкретизации взаимного сотрудничества путем разработки Дорожной карты экономического и инвестиционного сотрудничества на период до 2020 г., в которую было включено 49 проектов в различных секторах экономики¹¹. Однако эта программа не получила действенной поддержки зарубежных стран БРИКС. Также в период российского председательства в БРИКС в 2020 г. была разработана новая Дорожная карта по реализации «Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 г.» в области торговли и инвестиций, охватывающая широкий спектр направлений действий БРИКС¹². Отдельно на этом саммите были одобрены «Договоренности БРИКС по содействию инвестициям», в которых сделан акцент на добровольных мерах по повышению транспарентности и эффективности, а также укреплению сотрудничества между странами БРИКС и его расширению в качестве способа поощрения инвестиций в целях устойчивого развития¹³.

Появление таких базовых документов свидетельствует об особом внимании государств БРИКС к развитию экономического взаимодействия, где важным приоритетом является инвестиционное сотрудничество.

11. UNIDO.RU. Дорожная карта экономического и инвестиционного сотрудничества на период до 2020 г. 2014. https://unido.ru/upload/files/d/dorohznaja_karta_briks.pdf

12. BRICS. The Eleventh Meeting of the BRICS Trade Ministers. 2021. <http://brics.utoronto.ca/docs/210923-trade.pdf>; <http://www.brics.utoronto.ca/docs/210923-BRICS-economic-partnership.pdf>

13. БРИКС. Московская декларация XII саммита БРИКС. 2020. <http://kremlin.ru/supplement/5581>

Экономическое взаимодействие стран БРИКС

Важнейшим интегральным показателем развития взаимного сотрудничества является внешняя торговля. В период с 2017 г. по 2022 г. торговля между пятью странами БРИКС выросла на 56% до 422 млрд долл.¹⁴

При этом Китай является основным драйвером взаимной торговли. В 2021 г. на него приходилось почти 90% всей взаимной торговли из расчета суммарной базы экспорта и импорта (матрица, табл. 1).

Таблица 1. Объем двусторонней взаимной торговли стран БРИКС в 2021 г., млрд долл.

Страна	Бразилия	Индия	Китай	Россия	ЮАР	Итого
Бразилия	х	11	141	8	2	162
Индия	11	х	101	13	17	142
Китай	141	101	х	142	32	416
Россия	8	13	142	х	1	164
ЮАР	2	17	32	1	х	52
Всего	162	142	416	164	52	936

Источник: Duhamel C. Intra-BRICS 2022 trade. 17 November 2023. <https://www.silkroadbriefing.com>

В 2022 г. совокупный объем товарооборота Китая со странами БРИКС достиг 555 млрд долл.¹⁵ Сильно возросла и торговля России и других стран ЕАЭС с государствами БРИКС, объем которой по итогам 2022 г. составил 263 млрд долл. (без учета Беларуси) и увеличился по сравнению с 2021 г. на 61,3%¹⁶.

14. Hancock T., Coen M. How BRICS Became a Club That Others Want to Join. 3 November 2023. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-03/how-brics-became-real-and-invited-saudis-iran-egypt-uae-ethiopia-argentina>

15. Лю Сюэсун. Товарооборот Китая со странами ЕАЭС, ШОС, БРИКС продолжает расти. 25 мая 2023. <https://tufbrics.org/tilda/ru/Россия>

16. МЭР. Дмитрий Вольвач призвал к сотрудничеству финансовые институты ЕАЭС, ШОС и БРИКС. 2023. https://economy.gov.ru/material/news/dmitriy_volvach_prizval_k_sotrudnichestvu_finansovye_instituty_eaes_shos_i_briks.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

В 2022 г. объем российско-китайской торговли установил исторический рекорд в 190,3 млрд долл., увеличившись на 29,3% в годовом выражении. Китай на протяжении 13 лет стабильно остается главным торговым партнером России¹⁷.

Данные ЮНКТАД по ПИИ показывают, что страны БРИКС увеличили в 2001–2021 гг. свой ежегодный приток ПИИ более чем в четыре раза: с 84 млрд долл. до 355 млрд долл., а их доля в глобальном притоке ПИИ удвоилась с 11% до 22%¹⁸.

Инвестиции внутри БРИКС в 2010-е гг. неуклонно росли как в абсолютном, так и в относительном выражении. Согласно данным ЮНКТАД, общий объем накопленных ПИИ между странами БРИКС увеличился с 27 млрд долл. в 2010 г. до 167 млрд долл. в 2020 г. (табл. 2), что составляет только 1,3% и 4,7% от их общего объема ПИИ. Этот рост в основном определялся Китаем, который является крупнейшим инвестором и получателем инвестиций внутри БРИКС. В Бразилии и Индии также наблюдался значительный рост инвестиций из других стран БРИКС, в то время как в Российской Федерации наблюдался умеренный рост, а объем внутригрупповых инвестиций в Южной Африке несколько сократился.

Таблица 2. Накопленные взаимные инвестиции у стран БРИКС

Страна	2010	2015	2020
Бразилия	791	2299	1935
Индия	522	1218	1795
Китай	14512	64430	151439
Россия	4187	3440	4819
ЮАР	7281	3978	6999
Всего	27393	75365	166987

Источник: UNCTAD. BRICS Investment Report. 2023. P. 9.

17. НКИ БРИКС. В рамках Петербургского международного экономического форума прошла сессия Россия и Китай: бизнес-диалог. 16 июня 2023. <https://nkibrics.ru>

18. UNCTAD. World Investment Report 2022. <https://www.unctad.org>

Стоит отметить, что к показателям страновой структуры инвестиций внутри БРИКС следует относиться с осторожностью, поскольку значительная часть их внешних и внутриваловых инвестиционных потоков проходит через офшорные финансовые центры и различные низконалоговые юрисдикции, что ведет к искажению показателей официальной статистики.

Дальнейшему развитию инвестиционного сотрудничества способствовала бы модернизация существующих двусторонних соглашений о защите и поощрении взаимных инвестиций. Например, у России нет двустороннего инвестиционного договора с Бразилией, а двусторонний инвестиционный договор с Индией датируется далеким 1994 г.¹⁹

В рамках БРИКС создаются другие важные институциональные предпосылки для углубления сотрудничества в различных областях. Так, финансовую поддержку проектам стран БРИКС могут оказать такие новые институты, как Новый банк развития (НБР) БРИКС и Пул условных валютных резервов с потенциалом по 100 млрд долл. у каждого. Создано инфраструктурное партнерство БРИКС, в которое вошел Российский фонд прямых инвестиций, Фонд развития ШП, соответствующие финансовые институты всех участников БРИКС. Был образован Биржевой альянс, обеспечивающий кросс-листинг акций более 7 тыс. компаний стран БРИКС. Также организована платформа по обмену деловой информацией, действует Деловой совет БРИКС, который участвует в отборе и проработке проектов развития. Всего в рамках БРИКС создано более 20 форматов сотрудничества, в том числе рабочие группы по международной информационной безопасности, здравоохранению, сельскому хозяйству, науке и технике, другим направлениям, включая отдельные форумы научных экспертов и предпринимателей.

19. *Devonshire-Ellis Ch.* Russia embarks on a major BRICS offensive to upgrade BIT and complete EAEU FTA agreements. 2023. www.bilaterals.org/?russia-embarks-on-a-major-brics

Финансовое сотрудничество

НБР со штаб-квартирой в Шанхае был учрежден в 2015 г. Бразилией, Россией, Индией, Китаем и Южной Африкой. С 2015 г. по первую половину 2023 г. банк предоставил 96 кредитов странам БРИКС на сумму 33 млрд долл.²⁰

Помимо собственных средств НРБ активно привлекает финансовые ресурсы с внешних рынков. Он разместил облигации на общую сумму 30 млрд юаней в рамках своих программ выпуска юаневых ценных бумаг на китайском межбанковском рынке облигаций. Чистые поступления от продажи облигаций будут использованы для финансирования инфраструктуры и мероприятий по устойчивому развитию в странах – членах банка²¹.

В БРИКС делаются шаги по развитию межнациональной платежной системы и единой схемы валютных расчетов. Одной из важнейших задач при этом является создание общей валюты БРИКС, что требует ответа на центральный вопрос, как определять стоимость новой валюты и курсовые соотношения с национальными валютами. Традиционно для этого используется корзина валют, а ее наполнение может зависеть от уровня ВВП, объема золотовалютных резервов, сальдо торгового баланса и размера госдолга и т.п. Все это непростые проблемы, являющиеся предметом острых дискуссий экспертов. Например, есть дискуссионная и сложно реализуемая идея привязки такой корзины к «корзине ценностей» из золота, нефти, возможно, каких-то других сырьевых товаров, которую поддерживают экспортеры сырья, но отвергают государства с развитой обрабатывающей промышленностью.

Более реалистичным вариантом выглядит переход к использованию юаня в качестве общей валюты расчетов, что

20. Ивантер А. Кирпичи в башне БРИКС: новые члены и новая валюта // Эксперт. 2023. № 23. 5–11 июня. С. 43–44.

21. Синьхуа. Новый банк развития БРИКС выпустил облигации на 7 млрд юаней на китайском межбанковском рынке облигаций. 2023. <http://russian.news.cn/20220520/40c4e2b8ea434710a34d5460700b3a0f/c.html>

подкрепляется мощным экономическим потенциалом КНР. Однако юань пока мало используется как средство накопления, что важно для устойчивости международной валюты. По данным МВФ, на 1 квартал 2023 г. в международных резервах доля юаня составляла 2,6%, в то время как по оценке Банка международных расчетов (BIS) увеличилась и доля юаня в обороте внебиржевых валютных инструментов до 7% в 2022 г. (из расчетной базы в 200%), тогда как в 2001 г. она была около 0%, а в 2004 г. — 2%. К этому показателю можно было бы добавить и долю гонконгского доллара в 3% в 2022 г. (в 2001 г. она была 1%). Доля национальных валют других членов БРИКС составляла около 6%, в том числе Индии и России — по 2%, Бразилии и ЮАР — по 1%. Для сравнения, в 2022 г. доля доллара США занимала 88%, евро — 31%, йены и фунта стерлингов по 13%²².

Не случайно, что МВФ увеличил удельный вес юаня в своей корзине валют до 12,28% с 10,92%, когда китайская валюта впервые была включена в 2016 г. в резервы Фонда. Одновременно МВФ повысил вес доллара до 43,38 с 41,73%, вес евро снизил до 29,31 с 30,93%, иены — до 7,59 с 8,33%, а британского фунта до 7,44 с 8,09%. Переоценка произошла на основании анализа развития торговли и финансового рынка в период с 2017 г. по 2021 г.

Следует иметь в виду, что Китай обладает разветвленной платежной системой Union Pay (аналог систем Visa и Mastercard), которая обслуживает платежные карты в 181 стране мира. Union Pay уже сейчас является крупнейшей в мире сетью платежных карт по объему транзакций, принимается 65 млн продавцов по всему миру по сравнению со 100 млн у Visa. Хотя эта система в основном ориентирована на внутренний рынок (99% всех операций), а также прекратила операции своих карт, выданных российскими подсанкционными банками, Alipay сейчас принимают 2,5 млн торговых точек за рубежом. Union Pay, которая уже является

22. BIS. Turnover of OTC foreign exchange instruments, by currency. 2023. Triennial Survey publication table: BIS, DER_D11_3,1.0.

крупнейшей в мире сетью платежных карт по объему транзакций, принимается 65 миллионами продавцов по всему миру по сравнению со 100 миллионами у Visa. Большинство из них находятся за пределами Китая²³.

Активно вступила в цифровую гонку Индия. Индийская платежная система UPI в 2023 г. была связана с сингапурской системой быстрых платежей PayNow, что позволяет сейчас потребителям расплачиваться в другой системе на своей внутренней платформе. Индия также ведет переговоры с более чем 30 другими странами о кооперации и использовании ее системы.

В то же время в БРИКС есть серьезные оппоненты использования юаня в качестве общей валюты. Прежде всего здесь необходимо отметить позицию Индии, которая предпочитает торговать за рупии и американские доллары. Важно и то, что для появления новой расчетной валюты БРИКС необходим хорошо регулируемый, стабильный и ликвидный финансовый рынок, свободный не только от внутренних, но и внешних ограничений, что невозможно в условиях действующих западных санкций в отношении России и Китая. Использование в качестве частичного обеспечения новой валюты золота не решает данной проблемы без обеспечения долгосрочного устойчивого развития экономик участников потенциального валютного союза и наличия действующих механизмов согласования их макроэкономической, налоговой и таможенной политики.

Компромиссным вариантом здесь могло бы стать создание специального Банка международных расчетов БРИКС по аналогии с действовавшим в СЭВ Банком международных расчетов, который осуществлял операции в искусственно созданной расчетной валюте — переводных рублях. Хотя эффект от использования переводного рубля был ограничен и касался замкнутого рынка СЭВ.

23. The Economist. May 2023. <https://www.economist.com/leaders/2023/05/18/the-fight-over-the-future-of-global-payments>

Не следует сбрасывать со счетов и возможность создания общей цифровой валюты как альтернативы традиционной валюте. Заинтересованностью во внедрении цифровых валют активно занимаются центральные банки всех стран БРИКС. Но в данной сфере еще много проблемных вопросов, которые, как показывает практика обсуждения общей валюты на основе фиатных денег, еще больше обострятся в случае использования коллективной цифровой валюты.

Иными словами, здесь существуют немало сложностей и разногласий отдельных стран БРИКС, а также происходит серьезное давление первичных и вторичных западных санкций. Как заявила глава Банка России Э. Набиуллина, идея создания единой валюты БРИКС «непростой проект», который потребует согласия «многих сторон»²⁴.

Так, медленно продвигается экспансия национальных валют в кредитовании НБР, которые составляют пока около 22%, а к 2026 г. могут возрасти только до 30%. В условиях санкций в 2022–2023 гг. Россия накопила крупное положительное сальдо в индийских рупиях и сталкивается с проблемой их использования за счет увеличения импорта из Индии.

Здесь могла бы примениться схема зачета долга в качестве инвестиций в индийскую экономику. Такая практика имела в прошлом в отношении использования индийской задолженности перед СССР, перешедшей к России. Здесь были как успешные, так и провальные проекты. Например, удачной оказалась покупка в 2016 г. Роснефтью совместно с инвестиционным фондом USF и нидерландской Trafigura 98% акций Essar Oil, в состав которой вошел второй по мощности частный НПЗ Индии (объем переработки составляет 20 млн т в год (9% местного рынка), сеть АЗС и порт в Вадинаре с инфраструктурой. Сумма сделки составила 7,8 млрд долл., в том числе за счет использования индийского долга в размере 4,7 млрд долл. Хороший опыт имеется и у «Камаза», использу-

24. Перемитин Г. Набиуллина сочла идею единой валюты БРИКС сложной в реализации. 2023. <https://www.forbes.ru/finansy/492401-nabiullina-socla-ideu-edinoj-valuty-briks-sloznoj-v-realizacii>

ющего индийский госдолг в качестве инструмента финансирования своих индийских покупателей²⁵.

Среди неудачных можно назвать инвестиции в размере 126 млн долл. в СП Titanium Products Private Ltd. (TPPL) по производству диоксида титана в Индии, покупку в 2010 г. дополнительной эмиссии акций индийской «дочки» АФК «Система» Sistema Shyam TeleServices (SSTS) за 600 млн долл. Однако оба этих проекта привели к финансовым потерям и сопровождались корпоративными конфликтами²⁶.

Все это говорит о необходимости более продуманного выбора объектов для такого рода компенсационных инвестиций, а также проведения эффективной государственной политики в отношении внешних инвестиций, отвечающей национальным интересам. Тем более что Индия активно наращивает свой инновационно-технологический потенциал в таких сферах, как IT-индустрия, химическая и фармацевтическая промышленность, в развитии которых заинтересована Россия.

Дальнейшее расширение БРИКС за счет включения крупных экспортеров природных ресурсов, прежде всего нефти и газа, также должно дать стимул дедолларизации взаимной торговли за счет использования национальных валют. Таким симптомом стала заключенная в августе 2023 г. нефтяная сделка между Индией и ОАЭ в рупиях, идущая в разрез с традиционными правилами торговли нефтью, преобладающими с 1973 г. А в ноябре 2023 г. Народный банк Китая и Центральный банк Саудовской Аравии подписали соглашение о крупном валютном свопе, который составит 50 млрд юаней (почти 7 млрд долл.), или 26 млрд саудовских риялов, и будет способствовать росту взаимной торговли и инвестиций двух стран.

25. РАСПП. Топ российских инвестиций в Индию. 2020. https://raspp.ru/business_news/top-russian-investments-in-india

26. ИНТЕРФАКС. РФ выделит более 85 млн рублей на защиту интересов в «титановом» споре с Индией. 12 сентября 2016. <https://www.interfax.ru/world/527754>

В то же время этот процесс будет небыстрым и противоречивым. Нельзя не учитывать, что в связи с угрозой вторичных санкций НБР временно приостановил финансирование действующих проектов в России в размере 1,7 млрд долл. (6,7% активов банка) и рассмотрение новых проектов²⁷, а другие страны БРИКС отдали приоритет сохранению доступа к долларовой финансовой системе.

Особое внимание в условиях качественного ускорения технологического прогресса и усиления противостояния в данной сфере с западом уделяется научно-технологическому сотрудничеству в рамках Партнерства стран БРИКС по вопросам Новой промышленной революции (ПартНПР). В этом плане особый интерес представляет развитие кадрового потенциала в рамках Центра промышленных компетенций стран БРИКС, Инновационного центра Партнерства стран БРИКС по НПР, Площадка запуска инноваций БРИКС и Форум стартапов БРИКС, направленные на развитие деловых контактов, сотрудничества и наставничества между стартапами стран БРИКС, Инновационная сеть БРИКС в области передачи технологий и другие новые форматы.

О расширении БРИКС

В 2017 г. появилась концепция «БРИКС плюс», которую стала активно продвигать КНР. Расширение БРИКС поддерживает и Россия, но считает, что это требует осторожного подхода и разработки пока отсутствующих механизмов. На начало 2023 г. официальные заявки на вступление в БРИКС подали только шесть государств – Алжир, Египет, Иран, Бахрейн, Саудовская Аравия и ОАЭ, которые обладают серьезным экономическим потенциалом и играют важную роль в своих регионах и в мировой политике в целом. Среди других интересантов вступления в БРИКС – Аргентина, Турция, Индонезия, Казахстан, Камбоджа, Малайзия,

27. Hancock T., Coen M. How BRICS Became a Club That Others Want to Join. 3 November 2023. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-11-03/how-brics-became-real-and-invited-saudis-iran-egypt-uae-ethiopia-argentina>

Таиланд, Сенегал, Эфиопия, Нигерия, Беларусь, Венесуэла. Многие из этих стран принимали участие в саммитах БРИКС на высшем уровне и других мероприятиях данного объединения. Например, в саммите БРИКС 2022 г. в КНР участвовало 18 государств. Некоторые эксперты даже говорят о возможном замещении БРИКС для его членов ряда функций таких организаций, как МВФ, ВТО, G20, деятельность которых на современном этапе мирового развития критикуют многие государства.

В то же время существует и критическое отношение к расширению БРИКС. Как отмечает В. Панова, для БРИКС важно продвигать конкретные решения и достигать конкретных результатов, и это более важно, чем бездумно расширяться. Индия и ЮАР опасаются, что расширение БРИКС будет способствовать укреплению позиций Китая в этом объединении. Для подтверждения данного вывода В. Панова приводит слова ирландского эксперта Найла Даггана о том, что в 2022 г. в Китае проявилась тенденция отдалиться от некоторых партнеров по БРИКС и наполнить его «более легкими партнерами», и этот процесс набирает обороты²⁸. Очевидно, что расширение БРИКС осложнит достижение консенсуса по ключевым вопросам деятельности этого союза и потребует реформы его управления.

В данной связи интересны три сценария развития БРИКС, которые предложили Е. Арапова и Я. Лисоволик: 1) расширение существующего ядра БРИКС; 2) создание региональных интеграционных группировок, так называемой интеграции интеграций; 3) комбинированный (наиболее вероятный вариант), затрагивающий и ядро, и региональные интеграционные группировки²⁹. Все эти сценарии отвечают стратегии накопительной интеграции и не предполагают формирования в БРИКС наднациональных органов или клас-

28. *Портякова Н.* Станет ли Аргентина новым членом БРИКС // Известия. 23 мая 2022.

29. *Арапова Е., Лисоволик Я.* БРИКС+: ответ Глобального Юга на новые вызовы (в контексте китайского председательства в БРИКС) // Валдайские записки. № 118. Июль 2022. <https://ru.valdaiclub.com/files/41948>

сических интеграционных форм, обязательных для всех его членов.

В то же время за последние два года ситуация в мире сильно изменилась, прежде всего в связи с ускорением биполярной фрагментации глобального экономического и технологического пространства. БРИКС же является мощнейшим элементом одного из формирующихся мировых полюсов. При этом значительно усилилась консолидация позиций 5 членов этой организации по многим актуальным вопросам современного развития и взаимного сотрудничества.

Поэтому не стало сенсацией решение ХУ саммита БРИКС в ЮАР (август 2023 г.), который заявил о приверженности объединения инклюзивной многосторонности и о первом этапе официального расширения БРИКС путем принятия с 1 января 2024 г. 6 новых членов – Саудовской Аравии, ОАЭ, Ирана, Египта, Аргентины и Эфиопии. Практически произошло преобразование БРИКС в «БРИКС плюс», хотя изменения официального названия объединения не произошло.

Принятые новые члены «БРИКС плюс» обладают существенным экономическим потенциалом, но он в целом составляет 12,5% от потенциала пяти старых членов БРИКС, рассчитанного по текущему валютному курсу (табл. 3). В то же время для отдельных секторов экономики, прежде всего связанных с добычей и переработкой нефти и газа, это стало существенным приращением.

Большое значение имела поддержка присоединения новых членов блока влиятельным Китаем, который имеет со всеми новичками масштабные и разносторонне экономические связи. Хотя вступление в «БРИКС плюс» отдельных государств не было возможно без некоторых других старых членов. Так, заявка Аргентины была активно поддержана Бразилией.

Правда, Аргентина после прихода к власти нового президента Хавьера Милея в декабре 2023 г. официально отказалась от вступления в данный блок, к которому она стремилась уже несколько лет, рассчитывая в первую очередь

Таблица 3. Потенциал «БРИКС плюс», ВВП по текущему курсу, млрд долл.

Страны	2010	2022
«БРИКС плюс» (11)	13 895	29 216
Старые члены БРИКС (5)	11 917	25 974
Бразилия	2210	1980
Индия	1680	3385
Китай	6090	17 963
Россия	1520	2240
ЮАР	417	406
Новые члены «БРИКС плюс» (6)	1978	3242
Аргентина	424	633
Египет	219	477
Иран	487	389
ОАЭ	290	508
Саудовская Аравия	528	1108
Эфиопия	30	127
Мир в целом	66 620	100 562

Источник: составлено автором по базе данных Всемирного банка. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart>

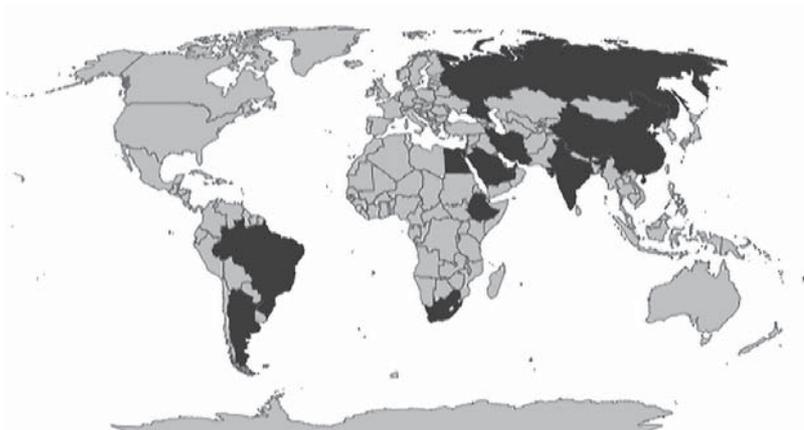


Рис. 1. Новый «БРИКС плюс», январь 2024 г.

Источник: составлено автором.

на поддержку финансовых институтов БРИКС. Хотя нельзя исключить изменения этой позиции в дальнейшем, так как Аргентина выступает за всестороннее развитие двусторонних связей с членами «БРИКС плюс». В результате на начало 2024 г. сложилась следующая географическая конфигурация «БРИКС плюс» в мировой экономике (рис. 1).

Определяющую роль в преодолении длившегося более 12 лет отказа от расширения БРИКС сыграло то, что новые члены обладают серьезными глобальными и региональными геополитическими влияниями, что серьезно усилит позиции «БРИКС плюс» в трансформирующемся мире. А «БРИКС плюс» становится локомотивом стран Глобального Юга, противостоящих усилению западного влияния. В то же время не следует упрощать ситуацию, так как существующие проблемы во взаимоотношениях отдельных стран «БРИКС плюс» сохраняются, равно как и в их политике по отношению к третьим странам.

Несмотря на это, представляется, что геополитические факторы будут иметь приоритетное значение в дальнейшем расширении «БРИКС плюс». Вместе с тем нельзя сбрасывать и экономические предпосылки для развития данного процесса. Так, НБР, заинтересованный в притоке новых финансовых ресурсов, может стать драйвером такого расширения, так как прием новых членов усиливает финансовый потенциал и политическое влияние этого института, прежде всего в развивающемся мире. В 2021 г. в НБР уже были приняты 4 страны, что изменило структуру его акционерного капитала. На каждую из 5 стран БРИКС приходится по 18,98% уставного капитала НБР, новые члены получили миноритарные доли (ОАЭ 1,06%, Египет 2,27%, Бангладеш 1,79%). В НБР был принят Уругвай, но он не оплатил своего вноса. Поскольку, по Уставу НБР, доля стран-учредителей не должна быть менее 55% (сейчас она менее 95%), резервы здесь имеются существенные.

Следует также иметь в виду и возможности сопряжения проектов «БРИКС плюс» и ШОС, в которых участвуют Китай, России и Индия. Тогда как Бразилия и ЮАР не вошли

ни в одно из новых трансрегиональных экономических мега-партнерств. На саммите ШОС, состоявшемся в июне 2023 г., Казахстан выступил с инициативой разработки новой стратегии укрепления потенциала ШОС к следующему саммиту в Астане в 2024 г. Представляется, что в современных реалиях в данной стратегии, равно как и в стратегии сотрудничества государств «БРИКС плюс» на перспективу 2026-2030 гг., которую еще предстоит разработать, идея сопряжения двух крупнейших межгосударственных объединений, развивающихся на основе принципов накопительной интеграции, может быть реализована. Россия крайне заинтересована в таком пути активизации торговли, и особенно, взаимных инвестиций в рамках «БРИКС плюс» и ШОС, что способствовало бы усилению ее позиций в мировой экономике и политике.

З.А. Дадабаева¹

ПОТЕНЦИАЛ И ТОЧКИ РОСТА ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Аннотация. Переформатирование современных международных отношений привело к изменению экономического взаимодействия и смене политической ориентации стран. Учитывая, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является уникальным международным механизмом объединения стран с разными политическими и экономическими взглядами, в статье рассматривается современная роль ШОС в системе международных отношений и возможные изменения в ее деятельности в результате возможного расширения ее состава. Сделана попытка определить возможные точки роста экономического сотрудничества для всех стран-членов и Белоруссии. Эта крупнейшая региональная организация с участием России, Китая, Индии, Ирана, Пакистана, стран Центральной Азии при включении Белоруссии может усилить экономическую составляющую проекта и расширить ее потенциал. Это станет возможным за счет создания экономического партнерства ЕАЭС-ШОС, что, в свою очередь, позволит решить задачи экономического развития стран-членов, апробировать новые формы сотрудничества, которые возможно использовать для реализации других экономических мегапроектов.

Ключевые слова: ШОС, международное экономическое, партнерство, сопряжение ЕАЭС-ШОС, Китай, Россия, Белоруссия, Иран.

Zarina A. Dadabaeva²

POTENTIAL AND GROWTH POINTS OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION IN MODERN REALITIES

Abstract. The reformatting of modern international relations has led to a change in economic interaction and a change in the political orientation of countries. Considering that the Shanghai Cooperation Organization

-
1. Зарина Абдурахмановна Дадабаева, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН, профессор кафедры американских исследований ФГБОУ ВО «РГГУ»; zarinadada18@mail.ru
 2. Zarina Abdurakhmanovna Dadabaeva, Doctor of Political Science, Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of the Federal State Institution of Science «Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences», professor, Department of American Studies, Russian State University for the Humanities; zarinadada18@mail.ru

(SCO) is a unique international mechanism for uniting countries with different political and economic views, the article examines the current role of the SCO in the system of international relations and possible changes in its activities as a result of a possible expansion of its composition. An attempt has been made to identify possible points of growth in economic cooperation for all member countries and Belarus. This is the largest regional organization with the participation of Russia, China, India, Iran, Pakistan, and Central Asian countries, with the inclusion of Belarus, which can strengthen the economic component of the project and expand its potential. This will be possible through the creation of the EAEU-SCO economic partnership, which, in turn, will allow solving the problems of economic development of the member countries, testing new forms of cooperation, which can be used to implement other economic megaprojects.

Keywords: SCO, International economic partnership, pairing of the EAEU-SCO, China, Russia, Belarus, Iran.

Прекрасный, высокообразованный ученый, любознательная, увлеченная обаятельная женщина, добрый и порядочный человек, строгий, но справедливый преподаватель – можно продолжить этот ряд эпитетов, которые в полной мере могут охарактеризовать Светлану Павловну Глинкину. Ее безвременный уход стал тяжелой и невозполнимой утратой не только для родных, близких, не только для друзей, коллег, но и для всего российского и международного научного сообщества. Широкая палитра ее научных интересов, позволила ей оставить заметный след в современной экономической науке, в исследовании развития стран Восточной Европы, экономической интеграции и многих других научных тем. Светлана Павловна внесла свой вклад в разработку оригинальной методологии многоуровневого анализа трансформационных процессов через изучение взаимовлияния изменений на национальном, региональном и глобальном уровнях.

В последние годы Светлана Павловна, как всегда, с интересом и научным энтузиазмом увлеклась исследованием Китая, китайской стратегии освоения евразийского пространства. Она обладала удивительной способностью заражать своим интересом окружающих, ее блистательные доклады всегда

обладали особенностью, изюминкой и вызывали огромный и неподдельный интерес слушателей. Порядочность, справедливость, честность, доброта, душевная щедрость, готовность немедленно прийти на помощь, умение слушать и уважительно относиться к собеседнику, все эти качества привлекали к Светлане Павловне не только сотрудников Института международных экономических и политических исследований, которыми она успешно руководила, и я очень рада и горжусь, что была в их числе, но и исследователей, преподавателей из других институтов и ВУЗов. Многочисленные монографии, сборники статей под ее редакцией до сих пор востребованы учеными, преподавателями, коллегами из разных стран и широко используются в их научных работах.

Своим интересом к восточному соседу России и, как показало время, одной из немногих дружественных для Российской Федерации стран, Китайской Народной Республикой она заразила и всех нас. Сотрудники института продолжают анализ стратегии и модели развития Китая, исследование двусторонних российско-китайских внешнеэкономических связей. И в нашей статье мы попытаемся представить наше видение потенциала и возможных точек роста Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), где интересы двух стран, в основном, совпадают и не имеют критических разногласий. Две страны, Китай и Россия, с самого основания этой организации плодотворно сотрудничают в двустороннем и многостороннем формате с другими партнерами по организации, количество которых в настоящее время увеличилось до девяти стран, в результате двух волн расширения.

Появившись в 2001 г. на политической карте мира ШОС, стала одним из влиятельных центров силы в Евразии в 2024 г. Причем организация оказалась способна противостоять не только угрозам целостности стран и решения приграничных вопросов, ради чего, собственно, она и создавалась, но ей также удалось увеличить свои экономический и интеграционный потенциалы. Причем последнее расширение за счет вступления в организацию Ирана (2023 г.) в большей сте-

пени как раз было направлено на углубление экономической составляющей организации. Потенциал Ирана для организации состоит прежде всего в наличии портовой инфраструктуры, которая в том числе делает его ключевым партнером по диверсификации транспортных маршрутов, к которым стремятся члены организации. По справедливому мнению В.В. Пилипенко: *«Укрепление связей Ирана со странами ШОС посредством торговли и инвестиций, несмотря на санкционное давление, отвечает интересам всех участников организации. Это возможность для организации и ее членов обойти географические ограничения и получить доступ к другим рынкам. Странам Центральной Азии трудно получить доступ к новым южным и западным рынкам без Ирана как связующего звена между Востоком и Западом. Отсутствие Ирана также помешало бы китайским планам в рамках инициативы «Одного пояса, одного пути» по строительству сухопутного коридора «Восток—Запад» через Центральную Азию, связывающего Китай с Черным морем и Ближним Востоком»³.*

А полноценное участие в проектах организации не только стран-членов, но и наблюдателей весьма важно для России и будет интересно и полезно для Белоруссии, которая скорее всего в ближайшем будущем поменяет свой статус в организации.

В настоящее время ШОС это — большое пространство, которое объединяет разные по политическому весу и экономическому потенциалу страны. И за период своего существования она сумела пройти путь от организации, направленной на борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом до полноценной международной организации, способной создать условия для экономического сотрудничества и обеспечения стабильности на евразийском пространстве. ШОС не раз расширял и состав стран-наблюдателей, и стран-партнеров.

3. Пилипенко В.В. Анализ экономического взаимодействия в Шанхайской организации сотрудничества // Вестник университета 2024. №2. С. 129.

Точки расширения ШОС

В 2022 г. в Самарканде состоялся очередной саммит ШОС, на котором Исламская Республика Иран подписала меморандум о вступлении в организацию. В соответствии со статьей 13 Хартии ШОС от 7 июня 2002 г.⁴ процедура вступления страны-наблюдателя была начата еще в 2021 г. На этом же саммите был подписан меморандум о предоставлении Египту и Катару официального статуса Партнера по диалогу ШОС. Подписан меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Генеральным секретариатом Лиги арабских стран (ЛАГ). Был подписан Меморандум о предоставлении Мальдивской Республике, Королевству Бахрейн, Республике Союз Мьянмы, Объединенным Арабским Эмиратам, Государству Кувейт статуса партнеров по диалогу ШОС. Таким образом, на разные форматы участия в организации уже претендуют более десяти стран (ОАЭ, Египет, Катар, Саудовская Аравия, Пакистан, Мьянма, Бахрейн, Мальдивы, страны-партнеры ШОС – Камбоджа и Непал). На ускоренный режим принятия в полноправные члены организации справедливо рассчитывала Белоруссия⁵.

Процесс расширения организации был вызван, во-первых, успешным вступлением в организацию и сотрудничеством Индии и Пакистана (2017 г.), во-вторых, в организации действует принцип консенсусного принятия решения⁶. Несмотря на то что, как минимум, три страны имеют гораздо больший экономический и политический потенциал из всех членом-организации, что неизбежно повышает их значимость, при

-
4. Положение о порядке приема новых членов в Шанхайскую организацию сотрудничества. chrome-extension://efaidnbnmnibpcjpcglclefindmkaj/https://bcso.ru/files/docs/polozhenie_o_poryadke_priema_novyh_chlenov_v_shanhajskuyu_organizaciyu_sotrudnichestva.pdf; Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.). <https://base.garant.ru/2562275>.
 5. Юэ Цян. Новые сигналы в Самаркандской декларации и проблемы, с которыми можно столкнуться при ее осуществлении // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 5. С. 111–117. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-5-111-117.
 6. Что такое ШОС? <https://rus.sectscsco.org/20231127/1167579.html>

принятии решений удастся не допускать ситуаций, при которых, «как в Североатлантическом альянсе, когда США и их ближайшие союзники навязывают остальным ту или иную линию»⁷. Например, Россия с пониманием относится к тому, что страны ШОС открыто не поддерживают ее политику в отношении Украины. С точки зрения функционального содержания члены организации, несмотря на утвержденный принцип принятия решений на основе консенсуса, по некоторым экономическим вопросам имели и имеют разные позиции. В частности, из-за таких разногласий так и не выработан механизм внедрения общей валюты, экономическое сотрудничество продолжается больше в двусторонних форматах, а введенный против России режим санкций сдерживает других членов ШОС от тесного взаимодействия с РФ из-за риска подвергнуться вторичным санкциям.

Следует подчеркнуть, что пока не удалось превратить ШОС в практический инструмент *многостороннего* экономического сотрудничества, и это понятно, так как такой формат региональных группировок, объединяющих множество стран с различным уровнем развития, разным пониманием содержания, своими целями национальных экономических стратегий не позволяет этого добиться. Это можно объяснить, в том числе и, например, тем, что Китай считает реализацию принципа равноправия в ШОС возможной только при ведущей роли крупных стран-участниц, которые предоставляют больше ресурсов и поэтому ответственны за выработку консенсуса внутри организации.

Пока основную роль в ее деятельности играют страны – лидеры ШОС – Россия и Китай. Вместе с тем все большее значение в организации приобретает Индия. Одновременно вступление Индии и Пакистана в организацию в 2017 г. открыло дополнительные возможности ШОС. Как и ожидалось, новые члены запустили другой вектор деятельности

7. Из пятерки к двадцатке: к ШОС хотят присоединиться десяток стран – какие? <https://www.eurasiatoday.ru/policy/10409>.

ШОС, через них у других партнеров появились новые пути выхода на Южную Азию и Ближний Восток. Но членство Индии и Пакистана в то же время создало дополнительные трудности, помимо того, что между ними есть нерешенные приграничные вопросы и разногласия, есть ситуация негласной конкуренции Индии и Китая. Индия заинтересована в сдерживании Китая, она не поддерживает китайскую инициативу «Один пояс — один путь». Линия поведения Индии во многом определяется практическими действиями Пекина по наиболее чувствительным вопросам. А Пакистан настроен более лояльно к КНР и активно развивает двусторонние китайско-пакистанские экономические отношения и поддерживает его инвестиционный интерес.

Осуществление стратегических планов Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) усиливает роль Китая в Центральной Азии. Постепенно, наряду с экономическим влиянием он усиливает и политическое значение для стран региона, а региональные проблемы все чаще решаются в его пользу. На первый взгляд, интересы Китая тесно переплетаются с интересами стран по развитию пространства. Но нельзя отрицать и того факта, что развитие транспортно-логистической инфраструктуры, например, в Центральной Азии — это продуманный экономический вклад Китая в страны. *«...Главная цель — привязать к себе государства региона товарами, кредитами и технологиями и втянуть их в зону свободной торговли с Китаем, тем самым сделав для них безальтернативным выбор в пользу Китая...»⁸.*

Для России крайне важно, особенно в свете последних событий, преодолеть пространственные дисбалансы экономического развития различных регионов, в частности за счет создания транзитных коридоров⁹. Получается, что на фоне непростых отношений России, Беларуси, Китая с Западом

-
8. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи (аналитический доклад). М.: Научный эксперт, 2016. С. 105.
 9. Дадбаева З.А. Расширение ШОС: новые возможности и новые риски // Мир перемен. 2017. №3. С. 173.

нет альтернативы их тесному сотрудничеству в рамках евразийского экономического пространства. Наиболее эффективным инструментом могло бы стать сопряжение или даже взаимодополнение проектов организаций СНГ, ЕАЭС, ЭПШП и ШОС. В частности, по таким векторам, как обеспечение продовольственной и экологической безопасности, обновление сектора финансовых услуг, цифровой трансформации экономики, увеличения доли частных инвестиций. Возможные точки роста ШОС могут лежать в таких векторах, как осуществление инфраструктурных проектов, связанных с гидроэнергетикой и мирным использованием атомной энергии, развитие «зеленой» экономики, экологические инициативы, формирование новых транспортных коридоров.

Для перестройки логистики и инфраструктуры наземного транспорта в рамках ШОС хорошо бы создать национальные транспортные компании, не зависящие от влияния западных стран, и подумать над упрощением прохождения пограничных переходов для таких компаний. А такие проблемы есть, председатель правления Фонда «Сколково» И. Дроздов подчеркивает, например, что: *«...Наши компании сталкиваются с трудностями, особенно в Китае, в понимании регистрационно-сертификационных процедур, которые необходимы для того, чтобы ввести их продукты на китайский рынок. Информацию не так просто найти, даже имея представителей в Китае. Нам приходится предпринимать определенные усилия. ... Информационный обмен в широком смысле, нужно улучшить»*¹⁰.

А первый заместитель генерального директора ОАО «Российские железные дороги» С. Павлов отмечает: *«...Мы развиваем инфраструктуру для устранения барьеров. Для нас также важно развитие всех коридоров — восток, запад, север, юг. ... Коридор «Север—Юг» имеет огромный потенциал. ... Через БАМ и Транссиб мы везем 158 млн тонн. К концу 2024*

10. Интеграция во имя развития: практические аспекты делового сотрудничества ШОС. <https://forumspb.com/news/news/integratsija-vo-imja-razvitija-prakticheskie-aspekty-delovogo-sotrudnichestva-shos/>

года планируем нарастить этот объем до 180 млн тонн, а к 2030 году — до 210 млн тонн. ... Мы уделяем особое внимание развитию инфраструктуры международных транспортных коридоров. С казахстанскими партнерами серьезно занимаемся проектом по открытию нового пункта пропуска на границе Казахстана и Китая, чтобы через Казахстан иметь возможность обеспечивать экспортные перевозки наших грузов...»¹¹.

Китай, по сравнению с Россией, обладает более мощным экономическим потенциалом, который, в большей степени, нацелен на экономическое развитие с другими членами организации, так как *«его объем производства более чем в два раза больше, чем у других государств—членов организации вместе взятых»¹²*. Китай всегда выдвигал в основном экономические инициативы, при этом активно инвестируя в небольшие среднеазиатские экономики, правда, именно в те отрасли, которые были в большей степени интересны ему. В частности, в производственные мощности, инфраструктуру, сельское хозяйство, малые и средние предприятия и т.д. Но, как справедливо отмечает Ч. Хуашэн: *«...У Китая были большие надежды на экономическое сотрудничество в рамках ШОС, предполагавшие создание ЗСТ и создание Банка развития ШОС. Однако эти идеи не были реализованы — главным образом потому, что другие государства-члены не были к этому готовы и опасались возможного доминирования сильной китайской экономики, а также из-за того, что у некоторых членов ШОС уже существует механизм интеграции более высокого уровня, а именно — в рамках Евразийского экономического союза...»¹³*.

Что касается Индии и Пакистана, то, несмотря на имеющиеся, вполне реальные политические и военные противоречия, в рамках ШОС они сумели сосредоточиться на использова-

11. Там же.

12. Чжао Хуашэн. Современные подходы Китая к Шанхайской организации сотрудничества 12.04.2022 г. <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/sovremennye-podkhody-kitaya/>

13. Там же.

нии возможностей экономического сотрудничества в области железнодорожной и портовой инфраструктуры, энергетики и коммуникаций, для полноценного вхождения на общий рынок Евразии и Юго-Восточной Азии. Главный экономический интерес Пакистана находится в сфере энергетики: там рассчитывают на то, что участие в ШОС будет содействовать реализации проектов CASA/1000 и ТАПИ. Кроме того, Исламабад заинтересован в реализации проекта китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), предусматривающего создание в Пакистане современной инфраструктуры, включая транспортные сети, энергетические проекты и особые экономические зоны, а Китаю через порт Гвадар возможности дальнейшей транспортировки грузов в Африку и Западную Азию. Вместе с тем, Китай не поддержал часть инициатив Пакистана, предложенных в рамках проекта КПЭК¹⁴.

В последние годы свою нишу заняла Индия, в зоне ее интересов в рамках ШОС является безопасность и стабильность в регионе, противодействие терроризму и социально-экономическое взаимодействие с членами организации, в том числе проекты в области энергетики, торговли, транспортной связности и цифровых технологий. Наряду с Китаем и Россией Индия также подключилась к инвестиционным проектам в регионе. Тесные инфраструктурные взаимосвязи, упрощение процедур торговли, региональная экономическая интеграция способствовали и способствуют формированию евразийского экономического партнерства в разных областях.

Следует отметить, что в рамках организации Индии и Пакистану удалось продвинуть свои интересы по развитию двух направлений взаимодействия. Первое – это взаимодействие с другими членами ШОС, второе – это сближение позиций друг с другом по экономическим вопросам. В частности, Индия первоочередное внимание уделяет реализации предложения по направлению «Север–Юг» с ее участием, а именно

14. СМИ: в Китае отклонили предложения Пакистана о новых проектах в рамках КПЭК. 26 сентября 2022 г. <https://tass.ru/ekonomika/18842595>

проекту Международный транспортный коридор «Север–Юг» (INSTC), соединяющему ЕС через Россию и Иран с Индией и странами АСЕАН. Продолжаются обсуждения по поводу расширения его маршрутов в Саудовскую Аравию, ОАЭ, что, в конечном итоге, обеспечивает доступ к Ближнему Востоку, Восточной Африке, другим районам Юго-Восточной Азии. Это важно и для России, в силу сложившихся геополитических условий, когда Европа практически закрылась от нее, этот коридор становится важным маршрутом доставки грузов в страну и из нее. Из транзитной территории по пути товаров в Европу Россия превращается в конечный пункт доставки продукции. Для перевозок может также использоваться речной, морской, железнодорожный транспорты. Интерес Индии к возобновлению работы транспортного морского коридора «Владивосток–Ченнаи», соединяющего Индию с Дальним Востоком, который успешно функционировал в советские годы¹⁵, может обеспечить не только скорость доставки и безопасность транспортировки грузов, но и своевременную оплату. При этом санкции Запада в отношении России и Ирана в настоящее время препятствуют эффективности этих проектов, что наносит ущерб интересам Индии. В качестве смягчения этой проблемы «заинтересованные» члены ШОС намерены осуществлять расчеты в национальных валютах¹⁶.

Вместе с тем, эффективность работы этих проектов зависит от того, насколько Индия и Пакистан останутся лояльными и договороспособными в рамках ШОС и какую роль при этом будут играть России и Китай.

Для Пакистана членство в ШОС привлекло дополнительные инвестиции, облегчило торговлю за счет снижения таможенных пошлин, постепенно увеличивается доля электронной торговли, улучшается транспортная доступность страны¹⁷.

15. Россия и Индия рассматривают возможность возобновления коридора «Ченнаи–Владивосток». <https://morvesti.ru/news/1679/70075/>

16. Дайдабаева З.А. Шансы и риски ШОС в турбулентном мире // Мир перемен. 2022. №3. С. 174-189.

17. Эксклюзив: ШОС станет новым образцом для международного сотрудничества – Президент Пакистана. М. Хусейн. http://russian.news.cn/2018-06/07/c_137237965.htm

Значение ШОС для России и Белоруссии в условиях санкций

Динамичное развитие Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС), куда входят три члена ШОС, подтолкнуло Россию выступить с инициативой по сопряжению ШОС с ЕАЭС. Природно-сырьевой и интеллектуальный потенциал РФ и РБ, технологические возможности современной КНР стало возможным дополнить формированием новых логистических маршрутов, возведением дорог, разработкой и добычей природных ископаемых, диверсификацией энергетического потенциал, строительством инфраструктурных объектов, созданием пула технопарков ШОС (Центральная Азия, Пакистан, Индия).

Для России и Белоруссии ШОС позволяет укреплять политические, военные, экономические связи с постсоветскими странами Центральной Азии, развивать всестороннее сотрудничество с Китаем и усиливать взаимодействие по углеродным проектам с Пакистаном, углублять военно-экономическое партнерство с Индией.

В современных условиях меняющегося баланса сил на мировой арене и западной санкционной политики, благодаря составу участников партнеров и наблюдателей, членство в ШОС для России это одна из возможностей продвижения принципов многополярного мира и противостояние санкционной политике силы. Запрет западных стран на импорт комплектующих для производства товаров машиностроения, на ввоз строительных материалов, посевного материала и оборудования для сельского хозяйства, IT- технологий, товаров народного потребления и т.д. вынудил Россию разрешить параллельный импорт, усилить реализацию не только программы по импортозамещению внутри страны, но и поиска недостающей продукции в дружественных странах мира, привлекая возможности членов ЕАЭС и ШОС.

С 2015 г. страной-наблюдателем в ШОС является Белоруссия, в этом статусе она активно участвовала в заседа-

ниях на высшем уровне, не раз выдвигая различные инициативы. И весьма своевременным стало решение рассмотреть ее заявку о полноправном вступлении в ШОС. Предполагается, что Белоруссия изменит свой статус уже в 2024 г.¹⁸ Полноправное вступление в ШОС важно для нее с точки зрения развития и углубления торгово-экономических связей, постепенного расширения свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и технологий, расширения использования национальных валют во взаимных расчетах и укрепления интеграции в большой Евразии. Тесное сотрудничество Белоруссии в области энергетики обеспечивается имеющимися в ШОС условиями. Страны-члены являются и поставщиками, и потребителями энергии, экспортерами и импортерами энергоносителей, есть месторождения нефти и газа, мощные трубопроводы, передовой технологический и инженерный потенциал. Для Белоруссии значимо участие в создании эффективных, удобных и коротких транспортных коридоров, упрощении и цифровизации документации и процедур для облегчения торговли, участие в межгосударственных программах обеспечения продовольственной безопасности, мирного использования атома и др.

Вместе с тем, не стоит как переоценивать потенциал экономического взаимодействия с ШОС, так и в текущих условиях пренебрегать возможностями, которые могут позволить стране выйти на новые рынки, привлечь инвестиции и развивать инфраструктурные и инновационные проекты.

Заключение

Несмотря на имеющиеся исторические и политические противоречия пар стран (Китая и России, Китая и Индии, Индии и Пакистана, Казахстана и Киргизии) в вопросах торговли и строительства транспортных коридоров, энергетики, безопасности и др., главной целью организации является создание широкого евразийского партнерства путем объедине-

18. Белоруссия ожидает вступления в ШОС в июле. <https://www.interfax.ru/world/948870>

ния деятельности ШОС в области развития региона с многосторонними интеграционными проектами в Евразии. Но излишние ожидания от стремительного повышения значимости ШОС в регионе должны подкрепляться конкретными расчетами и оценками¹⁹, которых в цельном развернутом виде пока нет.

Эффективность ШОС как интеграционной организации для взаимодействия стран-членов, в будущем и Белоруссии, стран-наблюдателей и стран-партнеров, требует усиления практической составляющей на многостороннем уровне. Необходимо отладить и защитить механизмы финансирования совместных многосторонних проектов, поскольку, как было сказано выше, большого прорыва в экономическом сотрудничестве в рамках ШОС, к сожалению, так пока и не произошло. Возможно, именно санкционная политика по отношению к РФ подтолкнет страны к более тесной экономической интеграции. Это может проявиться в выработке новых логистических маршрутов, продвижении современной промышленной и сельскохозяйственной продукции, технологическом и инновационном сотрудничестве.

19. Будущее ШОС: Время многовекторности «братушек» заканчивается. <https://stanradar.com/news/full/50442-buduschee-shos-vremja-mnogovektornosti-bratushek-zakanchivaetsja.html>

М.О. Тураева, А.А. Яковлев¹

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В НОВЫХ УСЛОВИЯХ²

Аннотация. В статье рассмотрены перспективы российско-вьетнамского экономического сотрудничества в новых геополитических условиях, вынуждающих Россию активизировать политику «поворота на Восток». Показано, что в результате проведенных реформ Вьетнаму удалось превратиться в одну из наиболее быстро развивающихся экономик мира, глубоко интегрированную в глобальные производственные цепочки и хозяйственные связи, проводящую многовекторную внешнеэкономическую политику, балансируя между крупнейшими игроками Азиатско-Тихоокеанского региона. Несмотря на исторически высокий уровень дипломатических отношений России и Вьетнама, экономические связи между странами развиты слабо. Сделаны выводы, что введенные против России недружественными странами санкции в первом приближении негативно повлияют на перспективу развития экономических отношений с Вьетнамом ввиду увеличения транзакционных издержек и рисков вторичных санкций для вьетнамских контрагентов. Однако адекватная и реалистичная стратегия переориентации на взаимодействие со странами Восточной и Юго-Восточной Азии поможет России нарастить экономическое сотрудничество с Вьетнамом, а также усилить развитие собственных восточных регионов.

Ключевые слова: Вьетнам, российско-вьетнамское экономическое сотрудничество, поворот России на Восток, экономические санкции, экономические реформы во Вьетнаме, интеграционные процессы, Азиатско-Тихоокеанский регион.

-
1. Мадина Октамовна Тураева, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; m.o.turaeva@gmail.com
Артем Александрович Яковлев, кандидат экономических наук, зам. директора Московской школы экономики (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова; ikovlevartem@yandex.ru
 2. Материал опубликован: Тураева М.О., Яковлев А.А. Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество в новых условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1(58). С. 165–171.

Madina O. Turaeva, Artem A. Yakovlev³

RUSSIAN—VIETNAMESE ECONOMIC COOPERATION IN NEW CONDITIONS

Abstract. The article considers the prospects for Russian—Vietnamese economic cooperation in the new geopolitical conditions, forcing Russia to intensify the “turn to the East” policy. It is shown that as a result of the reforms, Vietnam has managed to turn into one of the fastest growing economies in the world, deeply integrated into global production chains and economic ties, pursuing a multi-vector foreign economic policy, balancing between the largest players in the Asia-Pacific region. Despite the historically high level of diplomatic relations between Russia and Vietnam, economic ties between two countries are comparatively poor. It is concluded that the sanctions imposed against Russia by unfriendly countries will negatively affect the prospects for the development of economic relations with Vietnam due to the rise of transaction costs and the risks of secondary sanctions on Vietnamese counterparties. However, an adequate and realistic strategy of reorientation towards interaction with the countries of East and South-East Asia will help Russia to increase economic cooperation with Vietnam, as well as strengthen the development of its own eastern regions.

Keywords: Vietnam, Russian—Vietnamese economic cooperation, “Russia’s turn to the East”, economic sanctions, economic reforms in Vietnam, integration processes, Asia-Pacific region.

Идея о переориентации экономического сотрудничества в сторону стран Азии неоднократно⁴ озвучивалась первыми лицами государства со времен позднего СССР. Кризис 2008—2009 гг. ощутимо обнажил уязвимость России — сужение возможностей экстенсивного роста ее экспортных доходов. Ситуация постепенно обострялась в результате изменений в энергетической повестке стран ЕС, а структурные и тех-

-
3. Madina Oktamovna Turaeva, Doctor of Economics, Senior Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of the Federal State Budgetary Institution Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; m.o.turaeva@gmail.com
Artem Aleksandrovich Yakovlev, Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director of Moscow school of economics of the Lomonosov Moscow State University; ikovlevartem@yandex.ru
 4. В выступлении М.С. Горбачева во Владивостоке (1986 г.), в «Доктрине Е.М. Примакова» (середина 1990-х годов), в Мюнхенской речи В.В. Путина (2007 г.).

нологические возможности российской экономики в конце 2000 – начале 2010-х годов позволяли рассчитывать только на рост ренты с сырьевых отраслей. Заявленный после кризиса 2009 г. «поворот России на Восток» основывался на поиске и реализации новых пространственных решений развития, не столь тесно привязанных к экспортно-сырьевому фактору и к европейским рынкам. В рамках «поворота» усилилось внимание к российским восточным регионам и к поиску новых возможностей для торгово-экономического партнерства с азиатскими странами⁵. События 2014 и 2022 г. и последовавшие за ними беспрецедентные антироссийские санкции, к которым присоединились страны, много лет являвшиеся крупными внешнеторговыми партнерами РФ, еще больше актуализировали необходимость развития российского Дальнего Востока и усиления сотрудничества с партнерами на восточном направлении. Ключевая роль на внешнем контуре при этом отводится не только Китаю, как это было в предыдущие годы, но и другим странам Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в том числе Вьетнаму. Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) – важный партнер, в развитии торгово-экономических и инвестиционных отношений с которым Россия весьма заинтересована. Вместе с тем тесные политические связи в настоящее время заметно превышают уровень убывающего российско-вьетнамского экономического взаимодействия.

Результаты вьетнамской модернизации

Иррациональное развитие социальных институтов при переходе к капитализму в странах постсоциалистического мира часто объясняется историографически, деструктивной зависимостью от накопленного предыдущего опыта. Теория зависимости от предыдущей траектории развития (Path dependence) получила широкое распространение в социаль-

5. *Минакир П.А.* Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 4. С. 1016–1029.

ных науках⁶ благодаря влиянию неоинституционализма⁷. Постепенно эта концепция стала преобладать в онтологических моделях, описывающих способности страны проводить модернизацию и рассматривающих эти способности в свете «колея – рельсы», с которых трудно сойти⁸.

На примере СРВ, между тем, мы наблюдаем, как запущенная во второй половине 1980-х годов политика вьетнамских реформ «Đổi Mới»⁹ и объективные мировые и региональные геоэкономические процессы полностью обнулили вьетнамскую зависимость от предшествующего реформам полувекового пути развития. Особенно это проявляется в развитии вектора отношений Вьетнама с США и в динамике его сотрудничества с Россией, которая во всех отношениях является для Вьетнама преемницей СССР. Ни предыдущий опыт в отношениях, ни весь объем экономической, военно-технической и гуманитарной поддержки, которую получал Вьетнам от СССР, а после вступления в 1978 г. в СЭВ – и от других стран Совета Экономической Взаимопомощи, ни разрушительные последствия американской военной интервенции во Вьетнаме в 1963–1975 гг.¹⁰ не сформировали у СРВ зависимости от предыдущего опыта.

В своих последних работах один из первых советских вьетнамистов Г.М. Локшин отмечал, что господствующие в России

-
6. David P. Clio and the economics of QWERTY // The American Economic Review. 1985. No. 75. Pp. 332–337.
 7. Хотя после публикации работы по QWERTY-эффектам П. Дэвида она использовалась в решении довольно прикладных задач, например, в поиске неочевидных детерминант при принятии нерациональных экономических решений.
 8. Róna-Tas Á. Path dependence and capital theory: Sociology of the post-communist economic transformation. East European Politics and Societies. 1997. № 12(1). Pp. 107–131; Johnson J. Path contingency in postcommunist transformations. Comparative Politics. 2001. № 33(3). Pp. 253–274; Никула И. Теория зависимости от траектории развития и постсоциалистический переход // Мир России. Социология. Этнология. 2005. № 1. С. 135–143; Латов Ю.В. Теория зависимости от предшествующего развития в контексте институциональной экономической истории // Terra Economicus. 2005. № 3. С. 36–43.
 9. «Chính sách Đổi Mới» (вьетн.) – инновационная политика, политика перемен/реноваций/обновлений.
 10. Локшин Г. Сотрудничество с Вьетнамом – часть российского «поворота на восток» // Независимая газета. 29.11.2021; Фролов А.В. Война во Вьетнаме: взгляд через полвека // Обозреватель. 2015. № 7(306). С. 100–110.

представления о российско-вьетнамских отношениях во многом устарели. Вьетнам — уже давно не жертва агрессии США, нуждающаяся в помощи и поддержке России, а стремительно развивающаяся региональная держава, успешно интегрированная в мировую экономику. С этим трудно не согласиться. Важной вехой в формировании вьетнамской модели развития, на наш взгляд, стало его вступление в 2007 г. в ВТО¹¹. Это, с одной стороны, олицетворяло для СРВ выполнение задачи «Đổi Mới» — интеграции в мировое хозяйство, с другой — явилось важным условием выстраиваемой им модели внешнеэкономического взаимодействия со странами мира.

Хотя модернизация Вьетнама и началась с весьма незначительной экономической базы, результативность «Đổi Mới» не имеет аналогов в постсоциалистическом мире. С начала реформ население Вьетнама выросло на 63% и сейчас оно уже приблизилось к 100 млн человек (99,5 млн человек — в 2022 г.¹²). С 1990 по 2021 г. ВВП на душу населения по ППС в СРВ вырос почти в 10 раз. Если в 1990 г. он составлял 1165,42 долл., то в 2021 г. достиг 11 553,07 долл. Номинальное значение подушевого ВВП выросло за тот же период в 39 раз (с 95 до 3694 долл.)¹³.

Темпы экономического роста во Вьетнаме в период мировых и региональных кризисов оставались положительными¹⁴. Во время острой фазы Азиатского финансового кризиса минимальное значение показателя годового роста ВВП было зафиксировано в 1999 г. на уровне 4,8%. Во время мирового кризиса конца 2000-х годов минимальный темп роста ВВП в СРВ был в 2009 г. 5,4%. Ощутимое падение темпов роста ВВП произо-

11. Protocol on the Accession of the Socialist Republic of Vietnam. 07.11.2006. <https://wtocenter.vn/chuyen-de/13448-protocol-on-the-accession-of-the-socialist-republic-of-vietnam>

12. General Statistics Office. Socio-economic situation in the fourth quarter and 2022. 29.12.2002. <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2023/01/socio-economic-situation-in-the-fourth-quarter-and-2022>

13. World Bank Open Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD?locations=VN>; <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?contextual=default&locations=VN>.

14. Уже в 1992 г. темп роста ВВП в СРВ составил 8,6%. Своего максимума в 9,5% показатель достиг в 1995 г.

шло вследствие пандемии COVID-19: в 2020 г. рост ВВП составил 2,9%, в 2021 г. — 2,56% (для сравнения: в 2019 г. — 7,2%)¹⁵, экономический рост в 2022 г. достиг 8,02%¹⁶.

Доля традиционного для этой страны сельского хозяйства в структуре валового продукта сократилась за годы реформ почти в три раза. Доля общего объема инвестиций в структуре вьетнамского ВВП на протяжении многих лет составляет около трети национального продукта. Итогами индустриализации и роста благосостояния населения стали развитие промышленности, сферы услуг, наращивание потенциала частного сектора и повышение интереса резидентов к внутреннему инвестированию. Уровень бедности¹⁷, борьба с которой была также приоритетом «Đổi Mới», снизился с 58,1% (1992 г.)¹⁸ до 4,8% (2020 г.)¹⁹.

К концу 2022 г. накопленный зарегистрированный во Вьетнаме иностранный капитал достиг 438,7 млрд долл. Половина этой суммы принадлежит Республике Корея, Сингапуру и Японии²⁰. Внешнеторговый оборот Вьетнама за 1995–2021 гг. вырос почти в 50 раз (с 13,6 до 669 млрд долл.). При этом стоимость совокупного импорта выросла в 41,6 раза (с 8 до 333 млрд долл.), а экспорта — в 62,3 раза (с 5,4 до 336,2 млрд долл.)²¹.

15. General Statistics Office. Trade and services. <https://www.gso.gov.vn/en/trade-and-services>

16. Press conference to announce the socio-economic statistics of the fourth quarter and 2022. 29.12.2022. <https://www.gso.gov.vn/en/events/2023/01/press-conference-to-announce-socio-economic-statistics-fourth-quarter-and-2022>

17. Доля населения, проживающего за чертой бедности по национальной шкале.

18. Poverty headcount ratio at national poverty lines (% of population) – Vietnam. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?locations=VN>

19. General Statistics Office. Multidimensional poverty rate 2016–2020. Socio-economic situation in the fourth quarter and 2022. 29.12.2002. https://www.gso.gov.vn/wp-content/uploads/2021/03/Thong-cao-bao-chi-MDP_MPI_English.pdf

20. Foreign Investment Agency. Ministry of Planning and Investment. Report on foreign direct investment in 2022. 26.12.2022. <https://www.mpi.gov.vn/en/Pages/tinbai.aspx?idTin=56367&idcm=12>.

21. Niên giám Thống kê Việt Nam năm 2021 (Statistical yearbook of Vietnam 2021). H.: Thống kê, 2021. Pp. 630–650.

Генезис внешнеполитических приоритетов Вьетнама

Значение АТР для крупных держав растет. За 3,5 десятилетия реформ и сам Вьетнам, и внешний мир вокруг него разительно изменились. Даже страны ЕС, не проявлявшие прежде активного интереса к АТР, в 2021 г. изложили свою стратегию сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), где, в числе прочего, было отмечено растущее значение ИТР для европейской безопасности²². Это стало своего рода ответом на некоторые тезисы опубликованной в июне 2021 г. новой Стратегии национальной безопасности РФ²³, где обосновано развитие отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия с Китаем и привилегированное стратегическое партнерство с Индией для создания в АТР «надежных механизмов обеспечения региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе»²⁴.

Официально СРВ постулирует многовекторность, обосновывая ее политикой открытости из принципа «быть другом для всех»²⁵. Многовекторность во внешнеэкономической политике стала национальной вьетнамской идеологемой, и в обостряющемся торговом противостоянии США и КНР Вьетнам предпочитает не выбирать одну из сторон, а, избегая санкций, развивать торгово-экономические отношения со всеми крупными экономиками. Однако балансирование между региональными державами и торгово-инвестиционными партнерами осложняется растущей напряженностью незавершенного вьетнамо-китайского конфликта в Южно-Китайском море²⁶, потери из-за которого Вьетнам оценивает

22. 2021 State of the Union Address by President von der Leyen. European Commission. 15.09.2021. https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_21_4701

23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 400 от 02.07.2021 г.). <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>

24. Там же.

25. Линь Д.Х., Лам Н.Т.Т. Геоэкономическое положение Вьетнама: преимущества и проблемы // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 4. С. 23–32.

26. Во Вьетнаме оно называется Восточным морем.

миллиардными инвестиционными контрактами и другими упущенными выгодами.

Несмотря на то что СРВ не идет на прямое обострение отношений с Китаем, положение и интересы Вьетнама в регионе демонстрируют приоритет для него США²⁷ и важность вьетнамского присутствия в американской сети региональных партнерств как «двигателя региональной экономики»²⁸. Зависимость своей экономики от китайской Вьетнам старается снизить, диверсифицируя и развивая связи при помощи торговых соглашений. В настоящее время активное участие в многосторонних и двусторонних соглашениях – визитная карточка Вьетнама. Помимо ВТО, СРВ является участницей 15 ратифицированных региональных торговых соглашений (РТС) и 84 двусторонних торговых соглашений²⁹. Отметим, что в семи из пятнадцати РТС Вьетнам участвует в составе Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (ASEAN), в одном РТС – в составе Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (англ. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (CPTPP), до 2017 г. известное как TPP11, или TPP-11 (англ.)), еще в одном – в составе Всестороннего регионального экономического партнерства (англ. Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP). Такая направленность государства на развитие и оптимизацию торговых отношений с как можно большим числом стран мира свидетельствует, безусловно, о преобладании его внешнеэкономических приоритетов над политическими или союзническими.

27. В 2001 г. было заключено двустороннее торговое соглашение СРВ с США, что открыло Вьетнам для американских инвестиций и помогло ему значительно продвинуться в официальных переговорах с ВТО, которые велись с 1998 г.

28. Хунг Н.Т., Ань В.В. Место Вьетнама в стратегии США в период президентства Дональда Трампа // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. 2021. № 1. С. 58–72.

29. Center for WTO and International Trade. Vietnam Chamber of Commerce and Industry. <https://wtocenter.vn>

Российско-вьетнамские отношения

Официально история партнерских отношений между РФ и СРВ ведет отсчет с 1950 г., когда СССР установил дипломатические отношения с тогда еще Демократической Республикой Вьетнам. С распадом СЭВ, а затем и СССР в торгово-экономическом сотрудничестве между Вьетнамом и Россией начался переход на рыночные принципы.

Первой страной мира, с которой Вьетнам установил отношения так называемого *стратегического партнерства*, в 2001 г. стала Россия. Годом ранее, в 2000 г., РФ списала 70% накопленных долгов СРВ, и вьетнамская задолженность перед ней сократилась до 1,56 млрд долл.³⁰, выплатить которые Вьетнам обязался к 2022 г. Согласно данным Всемирного банка, совокупная внешняя задолженность СРВ перед РФ в 2021 г. составляла 1,52 млрд долл., причем по сравнению с предыдущим, 2020 г. „долг вырос на 55,5 млн долл. Примечательно, что в 2021 г. совокупная внешняя задолженность Вьетнама перед Россией впервые с 2010 г. превысила его задолженность перед Китаем³¹. По состоянию на конец 2022 г. доля России в накопленных во Вьетнаме прямых иностранных инвестициях составляет лишь 0,22% (0,97 млрд долл.).

Следует отметить, что в тех исторических переговорах 2000 г. под эгидой Парижского клуба кредиторов, по итогам которых Россия списала долги СРВ, Вьетнам, тем не менее, не согласился на решение вопросов урегулирования и реструктурирования своей задолженности за счет сохранения в Камрани российской военно-морской базы, и в 2002 г. база полностью прекратила свое существование. Неоднократно поднимае-

30. Соглашение между Правительством РФ и Правительством СРВ об урегулировании задолженности СРВ перед РФ по ранее предоставленным кредитам. 13.09.2000. <https://docs.cntd.ru/document/901834830>

31. International Debt Statistics. World Bank. 12.06.2022. <https://databank.worldbank.org/source/international-debt-statistics>

мый российской стороной вопрос о возобновлении базы³², которая стала бы опорным пунктом и обеспечила выход для РФ в Тихий и Индийский океаны, не был рассмотрен положительно. Сформулированные принципы оборонного и внешнеполитического курса Вьетнама открыто регламентируют неприсоединение к военным альянсам, принятие ни одной из сторон в межгосударственных конфликтах и неразмещение военных баз на своей территории³³.

В 2012 г. статус отношений Стратегического партнерства между СРВ и РФ был поднят до статуса *Всеобъемлющего стратегического партнерства* (ВСП). В 2015 г. Вьетнам стал первой страной, создавшей зону свободной торговли (ЗСТ) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Для стран ЕАЭС это, безусловно, важный прецедент и бесценный опыт³⁴. Однако, как отмечалось выше, СРВ — участник около сотни региональных и двусторонних торговых соглашений. У Вьетнама — богатый опыт заключения соглашений о ЗСТ внутри торгового партнерства (например, в РСЕР или ASEAN), в составе интеграционной группы с отдельными странами (РТС «ASEAN — Индия» и др.), самостоятельно с блоками стран (РТС «ЕС — Вьетнам») и в большом числе двусторонних торговых соглашений³⁵.

По завершении необходимых процедур ратификации соглашения «ЕАЭС — Вьетнам» всеми странами-участницами в 2016 г. оно вступило в силу. Осенью того же, 2016 г. Россия получила *официальный отказ* МИД СРВ на предложение

32. Россия работает над возвратом военных баз на Кубу и во Вьетнам // Газета.Ru. 07.10.2016. <https://www.gazeta.ru/army/news/9193427.shtml>

33. Quốc phòng Việt Nam 2019 (Sách trắng Quốc phòng Việt Nam 2019). 10.12.2019. http://mod.gov.vn/vn/loi-dung/sa-qpvn/sa-qpvn_csqp/sa-qpvn_stqp/268a9f30-8c60-4444-a76e-f2bad429b364

34. Глинкина С.П., Тураева М.О., Яковлев А.А. Риски использования преференциального режима зоны свободной торговли «ЕАЭС — Вьетнам» хозяйствующими субъектами третьих стран // Инновации и инвестиции. 2018. № 7. С. 69–73; Динь М.Т., Нгуен К.Х., Яковлев А.А. Оценка факторов, влияющих на динамику инвестиционного взаимодействия России и Вьетнама в рамках соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 9. С. 843–852.

35. С каждой страной ЕАЭС, кроме Киргизии, Вьетнам уже имел заключенное соглашение о торговой, экономической кооперации и/или о защите и продвижении взаимных инвестиций.

возобновить работу базы в Камрани³⁶, а месяцем позже был приостановлен проект строительства атомной электростанции «Ниньтхуан-1», который имел потенциал стать системообразующим в российско-вьетнамских отношениях³⁷.

Если в отказе от базы позиция СРВ пояснялась нежеланием принимать чью-либо сторону в возможных военных конфликтах между государствами, то отказ от АЭС, строительство которой с помощью России на территории Вьетнама должно было стать важным событием в стратегическом взаимодействии двух стран, имел комплекс причин. Прежде всего повестка перехода на возобновляемые источники энергии затронула и интегрированный в мировое хозяйство Вьетнам. Среди указанных тогда вьетнамской стороной мотивов отказа от проекта АЭС было снижение роста энергопотребления Вьетнама, снижение цен на нефть и уголь и отсутствие бюджета на проект. Исследователи же склонны видеть в этом событии влияние США на Вьетнам, с одной стороны, и Китая на Россию – с другой³⁸.

Долгое время движущей силой развития российско-вьетнамских отношений была энергетика. Успехом двустороннего сотрудничества в этой сфере стал, в частности, ряд соглашений между российскими «Газпромом», «Роснефтью», «Зарубежнефтью»³⁹ и вьетнамской государственной корпорацией нефти и газа Petrovietnam. Сотрудничество касалось разведки и освоения месторождений, добычи и транспортировки углеводородов с дальнейшим расширением проектов на шельфах Вьетнама. В свою очередь, Petrovietnam участвует в российских «Русвэетпетро» (в Ненецком авто-

36. Вьетнам исключил появление военной базы России на территории страны // Газета.Ru. 13.10.2016. <https://www.gazeta.ru/army/news/9215171.shtml>

37. Vietnam abandons plan for first nuclear power plants. Reuters. 22.11.2016. <https://www.reuters.com/article/us-vietnam-politics-nuclearpower-idUSKBN13H0VO>

38. Мазырин В.М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148–161; Вардомский Л.Б. Региональные торговые соглашения России и Вьетнама: особенности формирования и торговые эффекты // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 8. С. 7–20.

39. Проектом «Зарубежнефти» является созданное в 1981 г. СП «Вьетсовпетро».

номном округе) и «Газпромвьет» (в Оренбургской области и Ямало-Ненецком автономном округе), добывая около 3 млн т нефти в год⁴⁰.

Китай, считающий спорные участки в Южно-Китайском море своими, выразил протест против планов «Газпрома» на шельфе между архипелагом Спратли и вьетнамской провинцией Бариа-Вунгтау, и большая часть намеченных проектов была остановлена. Событийным поводом послужила установка в 2014 г. китайской буровой платформы «Haiyang Shiyou 981» в районе, который Вьетнам считает своей исключительной экономической зоной. Нейтралитет России в отношении участников вьетнамо-китайского конфликта вокруг островов Южно-Китайского моря неоднозначно воспринимается во Вьетнаме⁴¹, и на фоне активной демонстрации Россией важности партнерства с Китаем при конфронтации со странами Запада расхождение между Россией и Вьетнамом еще больше увеличилось.

Тем не менее улучшение положения в сфере энергетического сотрудничества есть. В свете пересмотра странами ЕС отношения к атомной энергетике Вьетнам уже говорит об атомной генерации как о способе обеспечить свою энергетическую независимость⁴², что теоретически снова открывает возможности для «Росатома» в СРВ⁴³. В 2021 г. «Зарубежнефть» начала формировать новый газовый кластер в Индонезии и Вьетнаме⁴⁴, и уже в 2022 г. выручка «Зарубежнефти» от участия в СП «Вьетсовпетро» на шельфе Вьетнама увеличилась

40. Вардомский А.Б. Вьетнам и Россия: взаимное экономическое сотрудничество в меняющихся геополитических и геоэкономических условиях // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 4. С. 181–200.

41. Федоров Н.В. Конфликт в Южно-Китайском море и российско-вьетнамские отношения // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 27–38.

42. Vietnam may reconsider nuclear power. Nuclear Engineering International. 08.06.2022. <https://www.neimagazine.com/news/newsvietnam-may-reconsider-nuclear-power-9759585>

43. Бутко А.А. Возможности российско-вьетнамского сотрудничества в топливно-энергетической сфере // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 3. С. 25–34.

44. Ранее ей были переданы вьетнамские активы «Роснефти».

в 1,9 раза (до 19,635 млрд руб.)⁴⁵. Учитывая опыт работы СП «Вьетсовпетро» во Вьетнаме и кредит доверия вьетнамского руководства к «Зарубежнефти»⁴⁶, наладить взаимодействие между РФ и СРВ в сфере энергетики, возможно, отчасти и получится.

Что касается торговли, то, несмотря на приложенные политические усилия и созданные экономические механизмы и преференции, нарастить торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество между Россией и Вьетнамом пока не удастся. Крупнейшими импортерами во Вьетнам традиционно являются Китай, Республика Корея, Япония, Тайвань, США (около 70% стоимости завезенных в страну товаров). Крупнейшими рынками для вьетнамских производителей являются США и Китай (около 45%). Их лидерство в списке рынков экспорта объясняется в первую очередь действием глобальных производственно-сбытовых цепочек. Вклад Вьетнама в глобальные цепочки добавленной стоимости сконцентрирован на трудоемких производствах. Бум экспорта в США произошел после заключения в 2001 г. двустороннего торгового соглашения между СРВ и США⁴⁷.

Итогом ратификации Соглашения о ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом официальные лица считают увеличившийся более чем на 40% товарооборот стран ЕАЭС с СРВ (за 2016–2020 гг.)⁴⁸. Эффектность такого роста, безусловно, объясняется низкой исходной базой. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2021 г. товарооборот стран Соглашения между ЕАЭС и СРВ вырос на 25%, достигнув

45. Чистая прибыль «Зарубежнефти» по РСБУ в 2022 г. увеличилась на 15,4%. Финмаркет. 2.02.2023. <http://www.finmarket.ru/news/5889764>

46. Компания входит в «Перечень системообразующих организаций российской экономики».

47. Li X., Meng B., Wang Zh. Recent patterns of global production and GVC participation. Global Value Chain Development Report 2019 «Technological innovation, supply chain trade, and workers in a globalized world». World Trade Organization. P. 19–44.

48. ЕЭК и Вьетнам обсудили вопросы реализации Соглашения о свободной торговле. ЕЭК. <https://eec.eaeunion.org/news/eek-i-vietnam-obsudili-voprosy-realizacii-soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle>

7,81 млрд долл⁴⁹. Однако если обратиться к вьетнамской статистике, то в 2021 г. внешнеторговый оборот СРВ вырос на 22,7% по сравнению с 2020 г., а доля товарооборота со странами ЕАЭС составила лишь 1,17%⁵⁰ общего объема. Иначе говоря, рост торговли Вьетнама со странами ЕАЭС происходил примерно с той же скоростью, что и с другими странами, при этом доля торговли с ЕАЭС для самого Вьетнама остается весьма незначительной⁵¹.

К настоящему времени в списке стран-импортеров по объему поставок во Вьетнам позиция России замыкает второй десяток (19 место, или 0,7% совокупного импорта). Россия также находится на 24 месте списка стран, куда поставляется вьетнамский экспорт, а ее доля в совокупном экспорте – 1%⁵².

Выводы

По прошествии более чем 10 лет достижение статуса Всеобъемлющего стратегического партнерства в отношениях между Россией и Вьетнамом можно считать скорее успехом дипломатических усилий, чем результатом наращивания экономических связей. Кроме этого, концепция ВСП настолько слабо разработана, что ни в научных и экспертных, ни в дипломатических документах не сформулированы критерии определения ВСП, его результативности и эффективности. За годы усиления стратегического партнерства между Вьетнамом и Россией и наращивания торгово-экономического партнерства СРВ со всем остальным миром приоритеты вьетнамской

49. Статистика ЕАЭС. Внешняя торговля с третьими странами (январь–декабрь 2021 г.). Географическое распределение: ЕАЭС.http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec_dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2021/12/E202112_2_1.xls; Российская Федерация. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2021_180/E202112_2_6.xls

50. General Statistics Office. Trade and services. <https://www.gso.gov.vn/en/trade-and-services>

51. Тураева М.О., Чанг В.Т. Инвестиционные эффекты и перспективы российско-вьетнамской интеграции // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 4. № 8. С. 54–64.

52. Niên giám Thống kê Việt Nam năm 2021 (Statistical yearbook of Vietnam 2021). H.: Thống kê, 2021. Pp. 633–644.

внешней политики все более прагматично детерминируются в сфере вьетнамских торгово-экономических и инвестиционных интересов.

В условиях антироссийских санкций остро ощущаются проблемы развития отношений между РФ и СРВ, накопленные в предыдущие годы. Дополнительные сложности создают географическая удаленность стран, ограничения в проведении финансовых операций и заключение сделок с банками и предприятиями России, попавшими под санкции, трудности во взаимной конвертации валют. Данные о динамике торгового и инвестиционного взаимодействия свидетельствуют о высокой вероятности пессимистического сценария развития отношений между Вьетнамом и Россией в ближайшее время, особенно когда страны АТР замерли в ожидании разрешения кризиса между Россией и коллективным Западом, прокси-олицетворением которого сейчас является российско-украинский конфликт.

В целом ожидания восточных партнеров России, в первом приближении выглядящие эсхатологическими, на наш взгляд, вполне соответствуют новой архитектуре безопасности в регионе. Страны АТР нацелены не на краткосрочные, а на долгосрочные планы развития отношений, сохранение национальной безопасности, экономического благополучия и торгово-инвестиционного взаимодействия с партнерами по своему внешнему контуру. И это для них важнее высокого декларируемого стратегического партнерства. Между тем стремление России создавать новую географию торгово-экономического сотрудничества с фокусом на восточном направлении может стать платформой для улучшения российско-вьетнамского сотрудничества в развитии собственных восточных регионов, а также для активизации деятельности вьетнамских компаний на российской территории.

М.Г. Полозков¹

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ПЛАТЕЖАХ

Аннотация. Цифровые валюты – одна из последних инноваций в платежных системах, которую изучают и правительства, и научная общественность, и экономические субъекты во многих странах. Цифровые валюты обещают более быстрые, дешевые и прозрачные транзакции, особенно через границы, но ряд экспертов высказывают при этом опасения по поводу их эффективной реализации и необходимости нормативного контроля. К 2024 г. к внедрению цифровых версий национальных валют приступили 130 стран, на долю которых приходится 98% мировой экономики. Россия вместе с Китаем и Индией входит в число стран-лидеров, которые уже сформировали законодательную базу для применения цифровых валют. В статье рассмотрены актуальные проблемы осуществления трансграничных платежей; трансформации платежных услуг; экспертные оценки потенциала цифрового рубля; рекомендации по использованию цифровых валют в рамках трансграничных платежей.

Ключевые слова: цифровые валюты, трансграничные платежи, трансформация платежных услуг.

Mikhail G. Polozkov²

INTRODUCTION OF DIGITAL CURRENCY IN CROSS-BORDER PAYMENTS

Abstract. Digital currencies are one of the latest innovations in payment systems, which are being studied by governments, the scientific community, and economic entities in many countries. Digital currencies promise faster, cheaper and more transparent transactions, especially across borders, but some experts have raised concerns about their effective implementation and the need for regulatory oversight. By 2024, 130 countries, accounting for 98% of the world economy, have begun implementing digital versions

-
1. Михаил Геннадьевич Полозков, доктор экономических наук, профессор кафедры Экономики и финансов общественного сектора ФГБОУ ВО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; polozkov-mg@ranepa.ru
 2. Mikhail Gennadjewich Polozkov, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Finance of the Public Sector, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; polozkov-mg@ranepa.ru

of their national currencies. Russia, along with China and India, is among the leading countries that have already formed a legislative framework for the use of digital currencies. The article discusses current problems of making cross-border payments; transformation of payment services; expert assessments of the potential of the digital ruble; recommendations for the use of digital currencies in cross-border payments.

Keywords: digital currencies, cross-border payments, transformation of payment services.

Вопросы международного сотрудничества с Китаем, Индией, Вьетнамом были в центре внимания исследований С.П. Глинкиной в период трансформации мировой экономической системы. Прикладной характер исследований позволял использовать их результаты в учебном процессе и в рамках переподготовки специалистов различных органов государственного управления. В разные периоды деятельности С.П. Глинкина сотрудничала с ведущими ВУЗами нашей страны. Долгое время ее преподавательская и научная деятельность была связана с Российской Академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (АОН, РАГС, РАНХиГС). В 2018 г. под ее руководством и при непосредственном участии была проведена подготовка к подписанию договора между РАНХиГС и Управлением по подготовке и повышению квалификации кадров организационного отдела ЦК КП Вьетнама по проведению семинаров «Кадровая работа и управление человеческими ресурсами в органах государственной власти» и «Государственное и муниципальное управление в Российской Федерации в условиях демократии: национальные, религиозные и федеративные отношения», которые впоследствии были успешно проведены на площадке РАНХиГС и заложили основу для долгосрочных отношений между Президентской Академией и вьетнамскими партнерами.

Россия и другие страны в настоящее время активно прорабатывают институциональные формы применения цифровых валют.

Цифровые валюты центральных банков представляют собой цифровую форму валюты страны, выпущенную ее центральным банком³. Цифровые валюты функционируют во многом подобно бумажным деньгам, выпущенным правительством, подкрепленным суверенным кредитом страны, за исключением того, что, поскольку они работают с использованием технологии распределенного реестра (например, блокчейна) или центральной базы данных, они, как правило, не являются анонимными по своей конструкции: пользователи и транзакции фиксируются.

Трансграничные платежи обычно критикуют за их высокую стоимость, низкую скорость, ограниченный доступ экономических субъектов к платежным услугам и ограниченные возможности пользоваться инфраструктурой финансового рынка, а также за недостаточную прозрачность трансграничных платежей⁴. К факторам, способствующим возникновению этих проблем, относятся фрагментированные и усеченные форматы данных, сложная обработка проверок соответствия, ограниченное время работы, устаревшие технологии в ряде стран, длинные цепочки транзакций, затраты на финансирование и слабая конкуренция.

С целью решения этих проблем «Большая двадцатка» в октябре 2020 года одобрила дорожную карту по расширению трансграничных платежей. Дорожная карта была разработана Советом по финансовой стабильности (FSB) в координации с Комитетом по платежам и рыночной инфраструктуре (CPMI) и другими соответствующими международными организациями и органами, устанавливающими стандарты. Если коротко определить суть усилий в рамках дорожной картой, то это стремление улучшить существующую платежную экосистему.

3. *Белых В.С.* Современные вызовы и перспективы развития банковской системы России в условиях цифровизации // *Банковское право*. 2024. № 1. С. 39-47.

4. *Основы цифровой экономики: учебник и практикум для вузов / М.Н. Конягина [и др.]; ответственный редактор М.Н. Конягина.* М.: Юрайт, 2024.

Цифровая валюта или валюта, доступная только в цифровой форме, такая как цифровая валюта какого-либо Центрального банка или децентрализованная криптовалюта, за последнее десятилетие начали трансформировать платежные услуги. Цифровые валюты, используемые центральными банками, частными корпорациями и все чаще уже теперь индивидуальными потребителями, могут повысить эффективность платежных операций, ускорить потоки расчетов и снизить затраты за счет сокращения платежных цепочек⁵. Цифровые валюты также могут расширить финансовую доступность за счет снижения затрат и барьеров. В результате цифровые валюты могут изменить глобальную платежную среду, особенно затрагивающую трансграничные платежи. Кроме того, внедрение цифровых валют позволяет снизить вызовы и угрозы с точки зрения кибербезопасности и вопросов регулирования. Результаты сравнения показывают, что криптовалюта — это своего рода продукт «дикого Запада», порождающий серьезные проблемы для устойчивости налоговых и финансовых систем многих стран. Поэтому вмешательство центральных банков тех стран, которые осознают эти потенциальные проблемы, вполне ожидаемо, а сам проект цифровой национальной валюты может послужить дополнительной основой для мировой финансовой устойчивости⁶.

В Российской Федерации в октябре 2023 г. Центральный банк⁷ опубликовал проект нормативного акта об использовании в трансграничных платежах цифрового рубля иностранными банками⁸. Для России, особенно в условиях возможностей обойти SWIFT, это открывает дополнительные возможности. А возможность обойти SWIFT, в свою очередь,

5. Например, при платежах цифровыми рублями тариф будет составлять 0,3%, в то время как комиссия по карточным транзакциям в среднем составляет 1,5–2,5%.

6. Щеголева Н.Г. Технологии и финансовые инновации: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024.

7. Цифровой рубль: что это такое и как им пользоваться. Банк России, 2024. <https://www.cbr.ru/faq/d/>

8. <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=142455>

способствует отказу от использования доллара в международных расчетах.

Экспертные оценки потенциала цифрового рубля дают очень интересные результаты:

1) к 2030 году доля цифрового рубля в трансграничных расчетах может достигать 5%;

2) есть возможность распространить цифровой рубль для международных расчетов в рамках ЕАЭС и БРИКС;

3) экономический эффект составит до 267 млрд руб. в год для бизнеса и до 61 млрд руб. в год для банков. Общий эффект, таким образом, составит 328 млрд руб.;

4) банки могут создавать новые продукты на основе цифрового рубля и на них дополнительно получить от 12 до 51 млрд руб. в год.

5) самое существенное для России преимущество – возможность сформировать замкнутый контур для расчетов России с дружественными государствами и избежать санкций.

В то же время в России экономические субъекты при внедрении расчетов на основе цифрового рубля могут понести и потери. Так, затраты банковского сектора на внедрение самой технологии (прежде всего на принятие мер, связанных с информационной безопасностью и на построение шлюза между коммерческим банком и Центральным банком) оцениваются в 30–50 млрд руб. (при условии, что в проект войдут от 100 до 200 банков), тогда на один банк расходы составят 200–300 млн руб.

Использование цифровых валют в рамках трансграничных платежей может выглядеть следующим образом: российский экспортер осуществляет поставку товара в одну из стран, которая является участницей проекта, а импортер этого товара оплачивает поставку российскому коммерческому банку либо в цифровых рублях, либо в государственной цифровой валюте другой страны – например цифровых юанях. Экспортер может хранить полученные цифровые рубли на своем цифровом кошельке в Банке России или обменять на обычные рубли. Если же он получил цифровую валюту другой

страны, он сможет обменять ее в российском ЦБ на цифровые рубли по официальному курсу, а далее – либо хранить на цифровом кошельке в ЦБ, либо обменять на обычные рубли. Использование цифровых валют в трансграничных платежах, таким образом, имеет большой потенциал. При этом есть как дополнительные выигрыши, связанные с применением цифрового рубля для большинства экономических субъектов, так и дополнительные потери, связанные с внедрением самой технологии, а также с реструктурированием финансовых рынков. В целом все существующие оценки показывают, что выигрыши превышают потери, а, кроме того, существует ряд возможностей для решения тех проблем, которые являются последствиями геополитических противоречий в современной мировой экономике. Для России это прежде всего возможности установления более глубоких и прочных контактов с дружественными странами.

В.А. Чмырева¹

ТУРЕЦКИЙ ФАКТОР В ГЕОПОЛИТИКЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В настоящей статье рассматривается роль Турецкой Республики на постсоветском, или евразийском, пространстве, которое в условиях роста мировых конфронтационных тенденций превращается в поле соперничества между ведущими мировыми державами и зону столкновения интересов отдельных государств. Создавая обширную сеть сотрудничества и влияния в регионе, Турция, учитывая внешнеполитическую конъюнктуру и следуя принципам экономического прагматизма, проводит гибкую политику в стремлении к ведущей роли в разрешении конфликтов и медиации. Отмечено, что на евразийском пространстве внешнеполитическое видение и экономическая стратегия Турции не противоречат стратегическим интересам США; обозначена роль Турции в регионе сквозь призму сотрудничества в России, государствами Центральной Азии и Южного Кавказа; показан баланс отношений Республики с Украиной и Россией; представлен анализ возможностей турецкой медиации в решении проблем взаимодействия по линии Россия—НАТО. В стремлении выстроить автономный вектор внешнеполитического видения и экономической стратегии, Турция, член Североатлантического альянса и важный партнер России, хеджирует риски и демонстрирует высокую степень адаптивности в достижении собственных целей. Турецкий фактор оказывает существенное влияние на политико-экономическую архитектуру региона.

Ключевые слова: Турция, Россия, США, НАТО, турецкой фактор, евразийское пространство, постсоветское пространство, российско-турецкие отношения.

1. Вера Александровна Чмырева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований ФГБУН Институт экономики РАН; vera1305@mail.ru

Vera A. Chmyreva²

THE TURKISH FACTOR IN THE GEOPOLITICS OF THE POST-SOVIET SPACE

Abstract. The article examines the role of Turkish Republic in the post-Soviet (Eurasian) area, which is turning into a field of rivalry between leading world powers and a zone of states' competitive interests under growing global confrontational tendencies. Creating an extensive network of cooperation and influence in the region, Turkey is pursuing a flexible policy to gain mediation and conflict resolution leadership taking into account the foreign policy situation and following the principles of economic pragmatism. It is noted that in the Eurasian space Turkey's foreign policy vision and economic strategy do not conflict with US strategic interests. The author defines the role of Turkey in the region through the prism of cooperation with Russia, the states of Central Asia and South Caucasus; shows the balance of its relations with Ukraine and Russia; analyzes capabilities of Turkish mediation in solving problems of coordination between Russia and NATO. In seeking to create an autonomous vector of foreign policy vision and economic strategy, Turkey as a member of NATO and an important partner of Russia hedges risks and demonstrates a high level of flexibility achieving its objectives. Turkish factor has a considerable influence over the region's political and economic architecture.

Keywords: Turkey, Russia, USA, NATO, Turkish factor, Eurasian space, post-Soviet space, Russia-Turkey relations.

Геополитика и экономическое пространство территорий, прилегающих к границам России (РФ) и составляющих российский «пояс соседства», стремительно меняются, и осмысление происходящих изменений приводит к трансформации понятий и характеристик, определяющих свойства региона. При этом устойчивым остается термин «постсоветское пространство», который вошел в научный оборот с начала 1990-х годов и в течение нескольких десятилетий является предметом научной полемики. По нашему

2. Vera Aleksandrovna Chmyreva, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Center for Post-Soviet Studies of the Federal State Budgetary Institution Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; vera1305@mail.ru

мнению, постсоветское пространство «сохраняет определенный уровень целостности и своего рода «остаточную идентичность»³, однако с учетом актуальных тенденций «все шире используется понятие «евразийское пространство», которое представляет собой часть постсоветского пространства, но имеет признаки новой, формирующейся идентичности»⁴.

Постсоветское, или евразийское, пространство привлекает повышенное внимание со стороны доминантных акторов мировой политики и региональных держав, прилагающих «немалые усилия для реализации в данном регионе мира собственных геополитических и геоэкономических интересов», а «геополитическое соперничество, развернувшееся на постсоветском пространстве, является реальным и очень важным фактором, детерминирующим масштабы, динамику и формы сотрудничества» в регионе⁵. Среди внешних сил, принимающих участие в продолжающемся процессе регионального переформатирования, особое место занимает Турецкая Республика (ТР), член-НАТО и важный партнер США, РФ и ЕС, претендующий на великодержавность в рамках идеологии «мир больше пяти» членов Совета Безопасности ООН⁶ и роль одного из центров силы «глобального Запада»⁷.

В настоящее время в условиях геополитической эскалации ТР стремится хеджировать риски и демонстрирует высокую степень адаптивности в достижении собственных целей:

-
3. Вардомский Л.Б. Вопросы евразийской интеграции // Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции: Сборник / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 9–21.
 4. Там же.
 5. Глинкина С.П. Геополитическое соперничество на постсоветском пространстве как фактор сдерживания сотрудничества в рамках СНГ // Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сборник научных статей / Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2015. С. 11–32.
 6. Аватков В.А. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет. Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. №14(5). С. 169.
 7. Глинкина С.П. К вопросу о геополитическом контексте нашего сотрудничества // Исследование стратегий развития государств. 2018. № 2. 2018. С. 178.

турецкий фактор оказывает существенное влияние на политико-экономическую архитектуру региона. Примечательно, что на евразийском пространстве политика Турции не противоречит стратегическим интересам США.

Турция: от форпоста до непредсказуемого союзника Запада в регионе. Американская Стратегия национальной безопасности (СНБ) 2022 г. прокламирует готовность США поддерживать независимость, суверенитет и территориальную целостность Центральной Азии (ЦА); усилить интеграцию в регионе и расширить возможности подключения к глобальным рынкам; одновременно — заявляет о намерении взаимодействовать с ТР «для укрепления ее стратегических, политических, экономических и институциональных связей с Западом»⁸. С учетом того, что в предыдущих редакциях документа за последнее десятилетие подобные тезисы, как и упоминание о ТР, отсутствуют, можно говорить о трансформации американского подхода к региону.

Американо-турецкие разногласия по целому ряду вопросов (кипрский конфликт, турецко-сирийские отношения, курдский вопрос, палестино-израильский конфликт и др.) не являются непреодолимым препятствием для развития торгово-экономических отношений между странами и согласованной повестки на евразийском пространстве — в контексте украинского вопроса, проекции турецкого влияния в государствах Южного Кавказа (ЮК) и ЦА.

С открытием Южного газового коридора (2018 г.) и запуском Турецкого потока (2020 г.) ТР контролирует ключевые маршруты транзита газа на рынок Юго-Восточной Европы. По словам Президента ТР Р. Эрдогана, *«трубопровод Баку—Тбилиси—Джейхан на протяжении 16 лет бесперебойно доставляет азербайджанскую, туркменскую и казахскую нефть на мировые рынки. Благодаря Южному газовому коридору ... тюркские государства играют важную*

8. National Security Strategy. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

роль в обеспечении энергетической безопасности Европы»⁹. Открытие газовых месторождений на шельфе Черного моря вдоль побережья Турции (которые турецкая нефтегазовая компания разрабатывает совместно с американо-британским консорциумом), предложение Президента РФ В.В. Путина о создании в ТР газового хаба для продаж в третьи страны, активное участие ТР в проектах развития региональных транспортных маршрутов (расширение потенциала Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ), развитие транснациональной железнодорожной линии Турция—Иран—Пакистан, модернизация железной дороги Баку—Тбилиси—Карс, развитие международных автодорожных коридоров ТР и др.) и новых энергетических проектов (энергетический коридор Азербайджан—Турция—Европа) — все это способствует укреплению и расширению кооперации в Каспийско-Черноморском регионе и открывает новые внешнеэкономические перспективы Республики. К тому же, Турция — единственная страна — член НАТО в регионе, где наблюдается широкое развитие диалоговых форм взаимодействия постсоветских стран с Альянсом при их одновременном членстве в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ; а некоторые — Узбекистан (государство-наблюдатель при ЕАЭС), Киргизия, Казахстан и Азербайджан входят в состав протурецкой Организации тюркских государств (ОТГ).

В этой связи *«политика Анкары представляет собой условный мост к евроатлантической системе ... для региональных правительств, которые готовы к более тесным отношениям с Западом, но в силу определенных факторов (исторически значительное влияние РФ, этно-религиозная специфика и пр.) ... политическое, экономическое и военное сотрудничество между странами трудно реализуемо»*¹⁰.

9. Ильхам Алиев принял участие в чрезвычайном саммите Организации тюркских государств в Анкаре. <https://president.az/ru/articles/view/59186>

10. Чмырева В.А. Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе // Мировая политика. 2023. № 1. С. 32.

Что касается развития протурецких интеграционных моделей (в формате ОТГ), организации рассматриваются как противовес российскому влиянию в регионе. Нужно учитывать, что регион Черного моря имеет стратегическое значение для Североатлантического союза, и Турция, вторая армия НАТО и инициатор проектов регионального сотрудничества (ОЧЭС, «Блэксифор» и др.), сохраняет неотъемлемое право контроля над Черноморскими проливами.

В целом, значение турецкого фактора в регионе сложно переоценить, однако в новых геополитических условиях ТР становится непредсказуемым американским союзником. Политика Анкары определяется сочетанием внешнеполитической конъюнктуры и экономического прагматизма: страна делает ставку на долгосрочные политико-экономические инвестиции и минимизирует риски, продолжая получать дивиденды от тесного сотрудничества с Западом и членства в НАТО, выстраивает автономный вектор внешнеполитического видения и экономической стратегии, продолжая развивать взаимовыгодное сотрудничество с РФ, государствами ЦА и ЮК.

В Центральной Азии и на Южном Кавказе с начала 2000-х годов турецкое правительство и неправительственные организации осуществляют «мягкую интеграцию» (гуманитарное и экономическое воздействие, языковое и культурное влияние, образование, социальное развитие), укрепляют идею о культурно-исторической близости региона с ТР. Происходит развитие и институционализация межгосударственных региональных объединений; обширная сеть структур действует под эгидой ОТГ – Международная организация тюркской культуры, Парламентская Ассамблея тюркских государств, Торгово-промышленная палата и др. Организации представляет собой широкую географическую сеть территориальных представительств и отделений, реализующих масштабные проекты не только в сфере культуры, науки, образования, но и торговых отношений, промышленности, сельского хозяйства.

Несмотря на то, что в ЦА и ЮК развиваются протурецкие альянсы преимущественно социогуманитарной и политэкономической направленности, встречаются призывы к оформлению военно-политических блоков. Так, внимание общественности привлекла статья отставного контр-адмирала Д. Яйджы, в которой автор обосновал необходимость создания военного блока тюркских государств («армии Турана») и раскритиковал турецкую элиту за выбор между евразийством и атлантизмом в ущерб национальным интересам тюркских государств¹¹.

Укрепление региональных позиций Турции реализуется также посредством расширения экономического сотрудничества: ТР входит в число ведущих торговых партнеров государств региона. По итогам 2022 г. страна заняла второе место среди внешнеторговых партнеров Туркменистана и Азербайджана¹², является партнером номер один для Грузии, однако значительно уступает России и Китаю в Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Таджикистане¹³. При этом положительная динамика развития торговли ТР с государствами ЦА и ЮК не вызывает сомнений. Отмечается стабильный рост турецкого экономического влияния: по данным Института статистики ТР, товарооборот Турции со странами ЦА с января по ноябрь 2022 г. увеличился на 30% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 11,2 млрд долл. США¹⁴. ТР усиливает экономическое присутствие в регионе, активно участвуя в развитии энергетических,

-
11. Эрдогана призывают создать тюркский военный блок. https://www.ng.ru/world/2022-01-12/1_8343_turkey.html?ysclid=li91hadn5h25658010
 12. Назван объем товарооборота Азербайджана с основными торговыми партнерами. <https://www.trend.az/business/3646612.html>
 13. Географическая структура внешней торговли по данным официальной статистики. <https://www.nationalbank.kz/file/download/90605>; Географическое распределение импорта товаров. Географическое распределение экспорта товаров. <http://www.stat.kg/ru/statistics/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/>; Аналитическая таблица экспорта-импорта товаров по странам. https://nbt.tj/ru/payments_balance/analytical_table.php
 14. Январь–ноябрь: Товарооборот между Туркменистаном и Турцией превысил \$1,86 миллиарда долларов. <https://business.com.tm/ru/post/9678/yanvarnoyabr-tovarooborot-mezhdu-turkmenistanom-i-turciei-prevysil-186-milliarda-dollarov>

логистических и информационных проектов, в региональных миротворческих инициативах; Анкара также демонстрирует заинтересованность в диверсификации международного взаимодействия по линии ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

Динамика торгово-экономического взаимодействия между странами свидетельствует о том, что создается крепкий фундамент межгосударственного сотрудничества, который потенциально (при сохранении актуальных темпов) способен переформатировать современную структуру внешнеэкономического и политического сотрудничества государств ЮК и ЦА с РФ. В этом контексте развитие ТМТМ меняет транспортную структуру Евразии, а сохраняющийся режим антироссийских санкций может нивелировать экономические преимущества МТК «Север–Юг»¹⁵. Расширение энергетического сотрудничества между ЕС и Азербайджаном и увеличение поставок азербайджанского газа на европейский рынок, активизация трехстороннего партнерства между Азербайджаном, Казахстаном и Грузией в развитии инфраструктуры и повышении эффективности транскаспийских транспортных перевозок, а также изменение политической карты ЮК и признание суверенитета Азербайджана над Нагорным Карабахом – все это обеспечивает интенсификацию внутрирегионального сотрудничества по маршруту реализации проекта (включая развитие мультимодального транспорта, инфраструктуры и пр.), обещающая существенные экономические и политические дивиденды государствам-участникам, и повышает эффективность грузопотока между Китаем, ЦА и ЕС в целом. Одновременно, перспективы развития ТМТМ – это не только вызов для России, но и окно логистических возможностей в условиях санкционного давле-

15. Тем не менее, в условиях геополитической турбулентности российский грузопоток продолжает наращивать обороты. Заместитель министра экономического развития РФ Д. Вольвач заявил, что «объем перевозок по МТК «Север – Юг» в I квартале 2023 г. вырос в два раза, достигнув 2,3 млн тонн». См.: В первом квартале 2023 г. удвоился объем перевозок по международному коридору «Север – Юг». https://www.economy.gov.ru/material/news/v_pervom_kvartale_2023_g_udvoilsya_obyom_perevozok_po_mezhdunarodnomu_koridoru_sever_yug.html

ния Запада (ввиду тесного сотрудничества РФ с ТР и государствами ЦА), что создает предпосылки международной экономической интеграции на основе регионального лидерства при участии России, Китая и Турции.

Для Соединенных Штатов ЦА является стратегически значимым регионом, и США готовы развивать сотрудничество, которое обеспечит «пожизненные региональные связи» и возможности для американских компаний¹⁶. США делают ставку на региональные амбиции средних держав (ТР), исходя из представлений о том, что ни РФ, ни ЕАЭС не являются конкурентноспособными экономическими партнерами для региона. По прогнозам американских экспертов, *«..турецкая активность ... будет способствовать диверсификации и расширению экономик центральноазиатских стран и их внешнеполитических направлений, способствуя политической стабильности и постепенному уменьшению дипломатической зависимости от России и Китая...»*¹⁷.

Китай демонстрирует готовность развивать и финансировать новые механизмы и форматы многостороннего регионального взаимодействия. На фоне стремительного роста товарооборота между КНР и странами ЦА расширяется китайско-турецкое стратегическое сотрудничество: политические разногласия между странами нивелируются экономическими интересами, и стороны успешно координируют усилия в развитии трансевразийских инфраструктурных проектов и транспортных коридоров.

Показательно, что в условиях неблагоприятной геополитической и экономической обстановки расширяется российско-центральноазиатское взаимодействие в политико-дипломатической, торгово-экономической, энергетической,

16. United States Strategy for Central Asia 2019–2025. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>; C5+1 Leaders' Joint Statement // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/21/c51-leaders-joint-statement/>

17. Чмырева В.А. Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе // Мировая политика. 2023. № 1. С. 33.

транспортной, гуманитарной и миграционной сферах. Так, в 2022 г. запущен шестисторонний формат взаимодействия на уровне министерств «ЦА5+Россия», а торговый оборот между странами увеличился на 15% в сравнении с предыдущим годом и составил 42 млрд долл. США¹⁸.

В целом, турецкое экономическое участие перекрывают торговые отношения центральноазиатских государств с РФ и КНР, а амбиции надрегионального лидерства нивелируются сохранением позиций РФ в обеспечении безопасности региона. Так, труднореализуемыми ввиду разности интересов сторон оказались инициированные Анкарой проекты взаимодействия на ЮК, а первое заседание участников «Платформы шести»¹⁹ состоялось в 2021 г. в Москве на платформе «пяти» (без участия Грузии). Нельзя не отметить проведенную в январе 2022 г. миротворческую операцию ОДКБ в Казахстане, основу которой составил российский миротворческий контингент.

Проект турецкого хаба готов связать поставки с крупнейших газовых месторождений на постсоветском пространстве, где лидерами по добыче газа являются Россия и Туркменистан. На саммите глав Турции, Азербайджана и Туркменистана в декабре 2022 г. Президент ТР заявил о готовности начать работу по транспортировке туркменского природного газа на западные рынки²⁰. При этом Анкара преследует не только экономические, но и геополитические цели, выступая, с одной стороны, форпостом энергетической безопасности ЕС, с другой – укрепляет проект ОПГ и стремится к вовлечению Туркменистана в ряды организации. Однако планы ТР по реализации трехстороннего проекта взаимосвязаны с интересами России и Китая в регионе: на сегодняшний

18. Товарооборот России и стран Центральной Азии вырос в 2022 году на 15%. <https://tass.ru/ekonomika/17600953>

19. Обновленная «Платформа мира и стабильности на Южном Кавказе» 2008 г. в составе Турции, России, Ирана, Азербайджана, Грузии и Армении.

20. Эрдоган призвал начать транспортировку туркменского газа на западные рынки. <https://www.kommersant.ru/doc/5721266>

день КНР является крупнейшим потребителем туркменского газа, а РФ активно развивает проекты по увеличению транзита газа и увеличению экспорта в страны ЦА и КНР.

Отношения Турции и России в новых геополитических условиях продолжают развиваться в формате взаимовыгодного партнерства: стороны подтверждают намерение углублять сотрудничество и развивать взаимовыгодные политические, экономические, торговые, военно-оборонные проекты. На встрече президентов В. Путина и Р. Эрдогана в г. Сочи (сентябрь 2021 г.) были обозначены позитивные тренды взаимодействия – рост товарооборота и инвестиций с обеих сторон, эффективное сотрудничество в области энергетики, по Турецкому потоку и атомной электростанции Аккую, успехи на международной арене, совместные шаги в сфере военного сотрудничества²¹. В ходе встреч 2022–2023 гг. стороны подтвердили, что достигнутые договоренности исполняются, расширяются отношения в области энергетики, металлургической промышленности, поставок сельхозпродукции турецких производителей на российский рынок²².

Россия значится основным торговым партнером Турции по импорту (объем импорта превысил 58,8 млрд долл.; основная статья импорта – топливные ресурсы и минеральное сырье²³). По данным Федеральной таможенной службы, товарооборот РФ с ТР в 2022 г. вырос на 84%²⁴; Турция стала одним из основным бенефициаров российского разворота на Восток и легализации параллельного импорта в РФ. Одновременно ТР стремится к снижению зависимости от единого поставщика газа – РФ: «в 2022 г. страна импортировала 54,7 млрд куб. м

21. Чмырева В.А. Международное присутствие на Украине в контексте треугольника «Украина-Турция-Россия» // *Мировая политика*. 2022. № 1. С. 40.

22. Встреча с Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69590>; Российско-турецкие переговоры. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72184>

23. Foreign Trade Statistics, December 2022. <https://data.tuik.gov.tr/Bulten/Index?p=Foreign-Trade-Statistics-December-2022-49633>

24. «Ведомости». В ФТС России назвали основных торговых партнеров России по итогам 2022 года – комментарий ФТС России. <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/376199>

газа — на 7% меньше, чем в 2021 г.; трубопроводные поставки газа из России сократились на 18% до 21,6 млрд куб. м»²⁵.

Стороны подчеркивают надежность турецкого маршрута для поставок российского газа в Европу, выражают готовность к созданию газового хаба на территории ТР и заявляют о решимости развивать дальнейшее сотрудничество. По замечанию корреспондента газеты «The Wall Street Journal», «Турция и Россия сближают свои экономики, усиливая обеспеченность США и их союзников тем, что развивающиеся отношения могут подорвать санкции...»²⁶.

Однако в 2023 г. эксперты отмечают замедление роста российско-турецких торговых отношений, что связывают как с макроэкономической ситуацией в ТР и политической конъюнктурой, вынуждающей Анкару балансировать между интересами РФ и Запада, так и с укреплением на российском рынке Китая. Несмотря на продолжающиеся российско-турецкие контакты на высшем уровне, сроки и перспективы открытия «регионального центра перекачки газа»²⁷ на территории ТР не определены. С марта 2023 г., по неофициальным сообщениям, ТР остановила реэкспорт в РФ товаров, включенных в санкционные списки западных стран в рамках параллельного импорта. (К антироссийским рестрикциям Турция не присоединилась и поставки турецкой продукции продолжают.) Государственные банки ТР отказались от использования российской платежной системы «Мир»; возникли сложности с обслуживанием российских авиаперевозчиков в ТР. По информации зарубежных источников, ограничения были инициированы после того, как высокопоставленный чиновник Министерства финансов США провел

25. Турция увидела потенциал экспорта в Европу своего газа с черноморского шельфа. <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/04/17/971248-turtsiya-uidela-potensial>

26. Russia and Turkey's Deepening Ties Prompt Concern in West Over Sanctions Compliance. <https://www.wsj.com/articles/russia-and-turkeys-deepening-ties-prompt-concern-in-west-over-sanctions-compliance-11661249222>

27. Посол России рассказал о контактах по проекту газового хаба в Турции. <https://ria.ru/20231121/khab-1910766077.html>

встречу с турецкими коллегами и выразил обеспокоенность по поводу роста экспорта в РФ²⁸.

Украинская повестка и вопрос Крыма де-факто выведены за рамки российско-турецкого переговорного процесса по ключевым вопросам двустороннего взаимодействия. ТР заняла официальную позицию Запада и признала незаконность проведенного в Крыму референдума, одновременно — дистанцируется от открытой критики действий Москвы и поддержки антироссийских санкций²⁹.

Украинский вектор турецкой политики реализуется в части динамичного развития турецко-украинского политического, торгово-экономического, военно-технического сотрудничества и укрепления стратегического партнерства между странами. По итогам 2020 г. Турция возглавила список стран по объему инвестиций на Украину, в 2021 г. — вошла в топ стран — торговых партнеров страны и стала четвертым партнером Украины по товарообороту, уступая Китаю, Польше и РФ. В первом полугодии 2023 г. ТР вошла в топ-3 поставщиков товаров на Украину (после Китая и Польши) и стала крупнейшим покупателем украинской пшеницы³⁰. (3 февраля 2022 г. Украина и Турция заключили соглашение о зоне свободной торговли). Повышение пошлины на ввоз украинской продукции в ТР (до 130%) и прекращение действия зерновой сделки привели к резкому сокращению поставок украинского зерна на мировые рынки.

Подписание рамочного военного соглашения между Киевом и Анкарой в 2020 г. оформило юридическую базу для активизации военно-технического сотрудничества, что отвечало коммерческим интересам Анкары, учитывая статус Украины в качестве партнера НАТО с расширенными воз-

28. US Raises Pressure on Turkey and UAE to Curb Russia Trade Ties. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-02-03/us-warns-turkey-on-export-controlled-goods-sent-to-russia>

29. Чмырева В.А. Международное присутствие на Украине в контексте треугольника «Украина-Турция-Россия» // *Мировая политика*. 2022. № 1. С. 41.

30. Экспорт Украины в I полугодии превысил \$19 млрд. <http://mirperemen.net/2023/07/eksport-ukrainy-v-i-polugodii-prevysil-19-mlrd>

возможностями. Примечательно, что турецкая политика согласуется с украинской повесткой США. «Неслучайно, в январе 2022 г. госсекретарь США Э. Блинкен и министр иностранных дел ТР М. Чавушоглу обсудили «важность продолжения координации в отношении угрозы российской эскалации на Украине» и «возможности для углубления сотрудничества, как двустороннего, так и в рамках НАТО для решения вопросов, представляющих взаимный интерес»³¹. Ранее глава МИД Турции заявил: «Мы не будем игнорировать наши принципы и близкие отношения с Украиной только потому, что мы имеем обширные связи с Россией»³².

В 2021–2022 гг. Турция содействовала Украине в укреплении обороны, развивая проекты в военно-технической сфере, в том числе с целью повышения оперативной и военно-технической совместимости военно-морских сил Украины и НАТО; активно поддерживала международную инициативу «Крымская платформа», выступала за усиление сотрудничества Украины с ОПГ. Одновременно — выступала в поддержку выполнения Минских соглашений, сохраняя приверженность принципу, озвученному на пресс-конференции госсекретаря США — *«иметь предсказуемые и стабильные отношения с Россией, чтобы ... сотрудничать, когда это отвечает общим интересам...»*. В преддверии Диалога по стратегической стабильности между США и РФ (январь 2022 г.) «министр обороны Турции Х. Акар призвал Россию и Запад избегать любых провокационных действий, которые могут привести к эскалации напряженности в Черноморском регионе...», а президент страны Р. Эрдоган *«подтвердил готовность работать в рамках НАТО с целью деэскалации ситуации»*³³.

31. Чмырева В.А. Международное присутствие на Украине в контексте треугольника «Украина–Турция–Россия» // *Мировая политика*. 2022. № 1. С. 39–40.

32. Turkey pursuing 'proactive diplomacy': Foreign minister. <https://www.aa.com.tr/en/europe/turkey-pursuing-proactive-diplomacy-foreign-minister/2456176>

33. Чмырева В.А. Международное присутствие на Украине в контексте треугольника «Украина–Турция–Россия» // *Мировая политика*. 2022. № 1. С. 40.

Сочетание украинского и российского векторов в турецкой внешней политике в условиях острой военной эскалации 2022 г. привело к тому, что Анкара включилась в глобальную геополитическую повестку в роли медиатора практически по всем ключевым проблемам (в рамках Черноморской зерновой инициативы, безопасности газоснабжения Европы и пр.), одновременно — следовала обязательствам в рамках оформленного военно-технического сотрудничества с Украиной.

Сегодня республика успешно встраивается в новые конфигурации мировых политико-экономических процессов и держит курс на выстраивание системы взаимовыгодного партнерства со всеми заинтересованными акторами, получая политические и экономические дивиденды. «Анкара не пересекает «красных линий» в отношениях с Москвой, Вашингтоном и Брюсселем, ограничиваясь провокационными заявлениями в двусторонней (турецко-украинской, турецко-американской) повестке». «США по-прежнему рассматривают ТР в качестве стратегически ценного партнера»³⁴, одновременно с этим и Москва допускает ключевое значение Анкары в роли медиатора между интересами РФ, США и ЕС, к тому же именно Турция может сыграть ключевую роль в решении проблем взаимодействия по линии РФ-НАТО. Примечательно, что в американской Стратегии национальной безопасности-2022 поставлена задача укрепления западной ориентации Турции. Фактически определено условие, при котором республика имеет шансы получить карт-бланш на суверенный внешнеполитический курс и закрепить за собой роль нового глобального центра силы, а США найдут новое управляемое равновесие, в котором суверенные действия Турции не будут подрывать американских стратегических интересов в долгосрочной перспективе.

Турция не заинтересована в эскалации отношений с Россией, что создало бы риски прямого вовлечения в конфликтные отношения по линии РФ-НАТО и лишило бы

34. Там же. С. 33.

возможности стать независимым центром политического влияния. Россия ситуативно заинтересована в сохранении конструктивных внешнеполитических и экономических отношений с ТР и готова принять турецкую текущую активность на евразийском пространстве. По мнению известного американского политолога Дж. Манкоффа, РФ будет проявлять терпимость к региональным амбициям Анкары, даже если они противоречат ее собственным. Принять эту точку зрения можно лишь отчасти: в случае активизации турецкой политики в регионе, выходящей за рамки гуманитарного и экономического сотрудничества, позиция Москвы может измениться вне зависимости от риска утраты Турции в качестве коридора возможностей для международного сотрудничества.



Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

СТРАНЫ «ПОЯСА СОСЕДСТВА» РОССИИ:
МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ
И ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА
(памяти С.П. Глинкиной)

Дизайн серии – Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.

Редактор – Полякова А.В.

Компьютерная верстка – Хацко Н.А.

Подписано в печать 19.08.2024 г.

Заказ №14. Тираж 300 экз. Объем 14 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН

ISBN 978-5-9940-0727-3



9 785994 007273